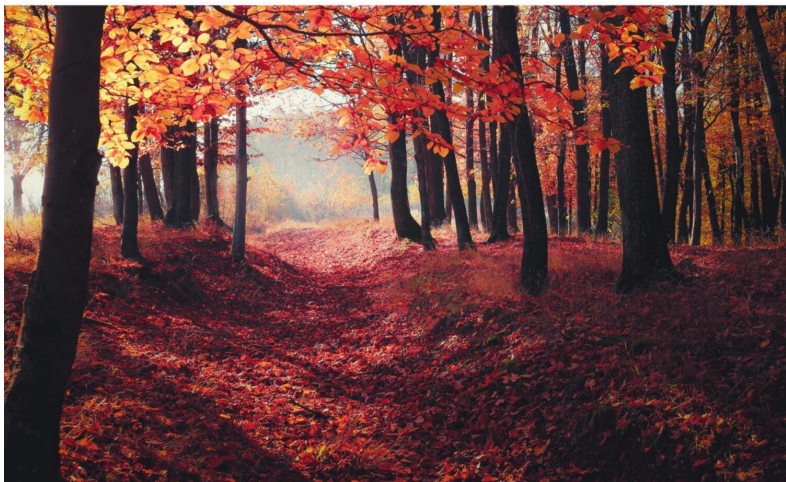

Екатерина Дроздова

Богоявленское
исторический роман

Екатерина Дроздова Богоявленское

Серия «Длинный список 2020 года
Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55307952

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-92340-9

Аннотация

Действие романа разворачивается в период с 1905 по 1914 гг., в Богоявленском, имении князя Сенявина, на фоне только что отгремевшей русско-японской войны, "кровавого воскресенья" и революционного движения в России. В этом романе есть место для всего, что привлечёт читателя: и великие исторические реалии, и любовные интриги, и настоящая дружба, и описания давно исчезнувших укладов жизни, и возможность провести сравнение эпохи ушедшей с днем сегодняшним, с вызовами, которое сто лет спустя нам снова предлагает время.

Екатерина Дроздова

Богоявленское

Все персонажи этого романа являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Том I

«Для меня Россия – особая, третья цивилизация, которая всегда существовала между двумя другими – западной и восточной цивилизациями. И до тех пор, пока мы сами не признаем себя этой цивилизацией, дело у нас не сдвинется с мёртвой точки».

С. Алексеев

Глава 1

Январским утром по городской брусчатке, шёл, время от времени задорно подпрыгивая, девятилетний мальчик. Он напевал что-то себе под нос, был весел и красив. Его большие серые глаза наполняло тепло и детское озорство. Следом за ним, опираясь на трость, шёл молодой мужчина, статный и аккуратно одетый. Во внешности его всё говорило о породе и высоком происхождении, а легкая хромота только придавала шарма. И лишь тяжелый взгляд тёмно-карих глаз выдавал строгость нрава и пережитые невзгоды.

Это морозное утро не предвещало ничего плохого. Отец и сын не спеша прогуливались по заснеженному Петербургу после посещения кадетского корпуса, в который стремился определить своего сына молодой князь Петр Иванович Сенявин. Но неожиданный шум заставил князя вернуться из приятной задумчивости и сосредоточиться на этих нарушающих утреннюю тишину звуках. Шум приближался всё ближе и ближе, отчётливо соединяясь в отзвук тысяч ног, стучащих по земле, и тысяч голосов, гудящих в воздухе. Он будто со всех сторон надвигался прямо на них. Несколько человек, проходивших неподалёку, также остановились, вслушиваясь в глухой рокот, прорывающийся непонятно откуда.

– Андрей, не убегай далеко! – ещё не понимая, что происходит, но уже с волнением окликнул Петр Иванович заиг-

равшегося сына.

Внезапно улицу стали заполнять десятки солдат и полицейских, а с разных сторон Зимнего дворца и набережной Невы завиднелась огромная толпа народа, устремившаяся к Зимнему. Петр Иванович понял, что весь этот шум вызван многолюдной демонстрацией, собравшейся этим воскресным утром в две большие колонны. Они были так велики, что, казалось, насчитывают не одну тысячу человек. Это были петербургские рабочие.

Люди шли спокойно и степенно, разлившись по улице, как река по весне; все нарядно одетые, будто и не демонстрация это вовсе, а праздничное гуляние. Многие несли перед собой портреты императора Николая II.

Одну из колонн демонстрантов возглавлял священник, поднявший перед собой крест. Он вёл за собой всех этих людей, как в обетованную землю, но что-то в лице его было неприятное и даже пугающее. Иуда среди апостолов, Каин, а не Авель вёл всех этих людей не в рай, а в самое жерло ада.

Тем временем на тротуарах стала собираться публика, заинтересованная неожиданным представлением.

Петр Иванович обернулся на Зимний. Флаг над дворцом был спущен. Давняя традиция указывала на то, что императора в столице нет, и едва ли в Петербурге найдётся человек традицию эту не знавший. Раз так, для чего демонстрация в такой день?

Леденящий холод пролился по всему телу Петра Ивано-

вича. Страшные воспоминания давно минувших лет яркой картиной встали перед его глазами.

– Папа, что это? Кто все эти люди? – с живым любопытством спросил маленький Андрей, взглядываясь в происходящее, словно в карнавал.

Не отвечая на вопросы сына, Петр Иванович крепко взял его за руку и, опираясь на трость, стараясь как можно быстрее идти, направился прочь от Зимнего дворца, минуя солдатские кордоны. Но у Александровского сада они снова наткнулись на живую стену из серых шинелей. Солдаты Преображенского полка пытались сдержать толпу митингующих. Жуткий шум закладывал уши. С одной стороны на разный лад демонстранты кричали, озвучивая свои требования к императору и правительству. С другой стороны солдаты, пытаясь перекрыть их, убеждали в необходимости разойтись, объясняли, что императора в столице нет, и, судя по охрипшим голосам, убеждали уже довольно долгое время. К сожалению, все просьбы солдат били тщетны.

Мороз и ветер пронизывали и одних, и других, но каждый продолжал стоять на своём.

– Господин прапорщик! – едва слыша себя, обратился Петр Иванович к одному из офицеров. – Господин прапорщик! Не могли бы вы нам помочь выбраться отсюда?!

– Что?! Не слышу! – ответил тот.

– Не могли бы вы...

Но в этот момент речь князя Сенявина прервали выстре-

лы, и рядом с ним упал молодой унтер-офицер. Пораженный пулей в живот, он корчился от боли. Кровь сочилась сквозь пальцы, оставляя пятна на заснеженной брусчатке. Мгновенно прозвучал ответный выстрел. Страшный крик прокатился в толпе, и несколько человек демонстрантов замертво упали на землю. Солдаты принялись стрелять в безоружных людей, не сумев совладать с нервами и поддавшись на провокацию. Демонстранты стали разбегаться, охваченные паникой, но пули продолжали лететь им в спины. И едва затихли звуки выстрелов, как громыхнули, следуя один за другим, два пушечных залпа.

Прижав к себе как можно крепче сына и закрыв ему глаза ладонью, князь Петр Иванович Сенявин наблюдал разыгравшуюся трагедию. Ужасающая картина лежащих в снегу и истекающих кровью людей перемешалась в его сознании с картиной, казалось бы, уже забытой трагедии девятилетней давности, когда такие же ни в чём не повинные люди, окровавленные, раздавленные, лежали в огромном поле, в пыли.

Петр Иванович пригнулся, закрывая собой сына. Внутри него все затряслось от творившегося наяву кошмара. Отчаянье в глазах беспомощных людей, мольбы о помощи, стоны, расколовшаяся надвое от пулевого попадания икона, портрет императора на снегу и стекающая на него кровь убитого демонстранта.... И словно с небес сошедший близкий знакомый голос:

– Петя!!!

Глава 2

В кабинете было тепло, а потрескивание в камине почти усыпляюще действовало на Петра Ивановича. Впрочем, этот камин с извивающимися линиями, растительным декором на облицовке одним своим видом завораживал и успокаивал. Ценитель изысканной красоты, Петр Иванович с удовольствием разглядывал стены в верхней своей части затянутые шёлком, с вмонтированным ниже дубовым цоколем. Украшенная растительным орнаментом стена как бы росла вверх от пола к гладко окрашенному потолку, в центре которого сверкала хрустальная люстра. Рисунок наборного узорчатого пола также повторял переплетение стеблей цветов. Даже мебельный гарнитур кабинета плавностью линий походил на сказочный лес. Но сильнее прочего внимание Петра Ивановича привлекли большие витражные окна. При попадании лучей солнца на них каждое стёклышко подмешивало свой неповторимый цвет, и вся картина постоянно изменялась. Такой красотой хотелось наслаждаться с утра и до вечера, пока солнце не сядет за горизонт.

Но вот дверь в кабинет отворилась, и на пороге появился молодой мужчина необыкновенно привлекательной европейской наружности. Прекрасно сложенный, с утонченными чертами лица и пышной светло-русой шевелюрой.

– Сейчас Марта принесёт чай, – с характерным немец-

ким акцентом сказал он. – Андрей уснул, можешь не волноваться. Ах, друг мой, я не верю своим глазам, глядя на тебя. Сколько мы не виделись? Девять лет?

– Да, Михаэль, девять лет и при встрече ты снова спасешь мне жизнь, – улыбнулся князь Сенявин в ответ. – Спасибо, друг мой! – добавил он, взяв Михаэля за руку.

– Ну-ну, стоит ли об этом говорить?

– А я вот люблюсь твоим кабинетом, – сказал Петр Иванович. – Какая изысканная красота во всём. Особенно хороши эти витражные окна.

– Это стекла Ла Фаржа. Заказывали из Америки. И стоимость их, надо сказать... – Михаэль тихонько засвистел, кружа головой. – Впрочем, всё это Марта. Когда мы переехали сюда из Москвы, она всё устроила на свой вкус.

– Стоит отметить: вкус у Марты отменный! Ваша московская квартира, насколько я помню, была так же хороша. Но, впрочем, что это я об интерьерах? Ты уже капитан. Расскажи лучше, как ты живёшь? Откуда здесь?

– Мой полк дислоцируется здесь, в Санкт-Петербурге. После Москвы я получил новый чин и перевод в 145-й пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк. Разумеется, он сейчас, как и вся дивизия, на театре боевых действий. Наше первое сражение произошло в Хушитае.

– Сражение при Шахе? Как же, читал-читал. Герои, как есть герои.

– Всё так, герои, но ещё и потому, что ценою своих жиз-

ней эти сотни убитых многому научили нас, оставшихся в живых. Теория, учения – ничто рядом с настоящим сражением. Это было в сентябре, наш полк занял позицию на Двурогой сопке, у деревни Тай-хайши. Там мы были окружены японцами. До рассвета мы отбивали атаку за атакой. К чертям теорию, пробивались штыками, врукопашную. Это был подлинный ад! Только вообрази: кровь приливает к лицу, в висках стучит, во рту всё пересохло, а что впереди – неизвестно. Быть может, смерть. Временами становилось невообразимо страшно. Да-да, признаюсь – страшно.

– Это откуда ранение? – спросил Петр Иванович.

– Да, и ранение, и чин, и «Георгий» – всё оттуда, – ответил Михаэль, указав на наградной крест святого Георгия четвертой степени.

Немного помолчав, Михаэль сказал:

– Только там я понял, что, в сущности, о войне мы ничего не знали. Война страшна, хитра и непредсказуема. Многому, очень многому нам ещё предстоит научиться, многое узнать, ко многому привыкнуть. И важнее всего, чтобы эта первая в нашей практике война нас пощадила, не растоптала. Слишком многого мы не знали и не хотели знать, и это сейчас нас губит. Поверь: мы не выиграем эту войну. Там, на поле боя, это стало ясно совершенно. Сейчас стремиться нужно лишь к тому, чтобы потери наши не стали катастрофически велики. Более того, как бы жестоко это ни прозвучало, но я ощущаю эту войну как репетицию, тренировку перед чем-то по-

настоящему глобальным. Дай Бог, чтобы я ошибался!

При этих словах в кабинет вошла молодая женщина, неся на подносе чай. Черты лица её были немного крупноваты, но привлекательны. Невысокого роста, пышногрудая, с непомерно утянутой корсетом «осиной» талией и узкими покатыми плечами, лёгкая и живая, она больше была похожа на бабочку или весеннюю пташку, нежели на земную женщину. На ней было надето шёлковое, отделанное шитьём, с аппликациями чёрных стрекоз, платье, расклешённая, как колокол, юбка которого напоминала бутон цветка.

– Спасибо, Марта! – поблагодарил жену Михаэль. – По воскресеньям мы отпускаем прислугу, и Марта сама справляется с хозяйством. Постоянно в доме остаётся только русская няня нашей дочери Натали.

– Отчего же не немка? – спросил Петр Иванович.

– Родина Натали здесь, в России. Мы воспитываем её русской девочкой, хотя друг с другом и говорим по-немецки.

– Она так похожа на тебя, Михаэль.

– Ах, Петя, Натали – это вся наша жизнь. Мы почти десять лет ждали этого чуда, и вот пять лет назад Господь наградил нас за терпение. Жаль лишь, что мало времени удаётся проводить с моими драгоценными девочками.

– Служба, – с горечью в голосе сказал Петр Иванович. – Это твой долг! Долг офицера!

– Да, Петя, долг, но там, в Хушитае. А сегодня мне стыдно! Стыдно за себя, за эти погоны, за то, что я офицер! Ты

можешь не поверить, но мне жаль, что там, в бою, я был только ранен, а не убит. В случае гибели я бы не проводил свой отпуск в Петербурге и не был бы вызван сегодня в особый гвардейский отряд для разгона демонстрантов.

И, взявшись за голову, Михаэль добавил:

– Что это было такое, Петя? Что-то страшное, что-то непоправимое произошло, и мы этому не воспрепятствовали. Ах, зачем, зачем я сегодня был в Петербурге? Зачем не отбыл раньше? Мне стыдно и страшно!

– Ты спрашиваешь, что это было? Это был бунт, Михаэль. Я хорошо понимаю твои чувства. То, что мы видели сегодня, действительно страшно, но поверь: не пресеки мы этот бунт сегодня, в самом его зародыше, – дальнейшее стало бы страшнее. Тебе нечего стыдиться: ты поступил так, как велит долг! Конечно, подавление бунтовщиков может вызвать ряд нареканий в твой адрес в свете, но ты прежде всего офицер и выполняешь приказы. Более того, этот бунт произошёл в разгар войны, что справедливо можно считать предательством национальных интересов. В сегодняшней ситуации государство просто обязано сделать всё возможное, чтобы обеспечить внутреннюю стабильность. Послушай, разве не императору ты присягал? Разве не клялся защищать Империю Российскую и монархию?

– Да, присягал! И клялся защищать! Но защищать от врага в бою при Шахе, а не стрелять безоружным в спины! – с горечью крикнул Михаэль. – О да, верность престолу ценит-

ся императором!

– Полно, Михаэль, полно! Едва ли сегодняшних бунтовщиков можно назвать безоружными. Послушай: я видел, как стреляли из толпы. Своими собственными глазами видел. Да, у большинства не было винтовок в руках, но безоружными от этого они не стали. Их оружие в другом: они разлагают общество, несут лживые ценности, подрывают страну изнутри. Россия всё это уже проходила. Дурной пример Великой французской революции, увы, заразителен и крепок. Поверь: пройдет немного времени, и истинные цели сегодняшнего происшествия откроются. И меня больше беспокоит вопрос как? Откуда? Кто за всем этим стоит?

– Петя, это были люди! Простые рабочие люди, пришедшие к царю с просьбами, мольбами. И требования их были оправданны. Ах, если бы можно было всё вернуть, всё изменить!

Михаэль, садясь в кресло, снова взялся за голову.

– Что бы ты сделал тогда? – спросил Петр Иванович, садясь рядом. – Пропустил? Дал свободу для дальнейших действий? Это, безусловно, благородно и великодушно, но поверь: в таком случае все эти люди пойдут к Зимнему с оружием в руках.

– Пойдут! – с горечью подхватил речь друга Михаэль. – Пойдут теперь! Непременно и очень скоро. Сегодняшняя кровь приведёт их. Пойми, Петя, эти люди – народ! Народ, без которого не может быть ни армии, ни царя, ни России.

Я присягал России, а значит и всему русскому народу. И сегодня я обязан был защищать его, а не убивать. И то, что произошло, – это страшная трагедия! Непоправимая ошибка, которая грозит обернуться катастрофой.

– Нет, Михаэль, – спокойно возразил Петр Иванович. – Катастрофы не будет! Теперь не будет! Я лучше знаю этот народ. Нельзя давать волю мужику русскому! Он, как дитя с хрустальной вазой, не знает, как с ней обращаться – разобьет, да и сам поранится. За волей последует анархия. Такую страну нужно держать в кулаке, в страхе, если угодно. Как это делали Петр Великий, Николай Павлович. Все либеральные реформы приводили к бедам. Ты же знаешь, как погиб дед нашего императора?

– Террористов среди этих несчастных не было! Я их не видел. Я видел расстрелянных людей в праздничных одеждах, держащих в руках иконы. И все эти несчастные, пришедшие за защитой, хотели жить. И все эти несчастные будут сниться мне по ночам. Ты говоришь, что знаешь русский народ лучше меня? Не спорю, я знаю меньше, но самое главное. Я знаю доброту русского человека, справедливость его и великодушные. Потому-то я принял российское подданство, потому принял православную веру, без сожаления оставив всю ту жестокость нравов, что так противна была мне в Германии.

Петр Иванович хотел было что-то возразить другу, но Михаэль остановил его:

– Будет, Петя, мы уже вдоволь наспорились. Не для того

мы сегодня встретились, чтобы провести этот, может быть, последний наш вечер в ненужном споре, – сказал Михаэль, ласково похлопав друга по плечу. – Давай говорить о тебе! Скажи, откуда ты здесь? Я так рад тебя встретить снова! Где ты пропадал все эти годы? Неужели жил затворником в своём имении?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Петр Иванович в ответ. – Но отчего последний вечер?

– Через два дня я отбываю на фронт. Но не будем возвращаться к этому, дабы не провести оставшуюся половину вечера в споре об этой войне. Пойдём лучше ужинать, расскажешь мне о супруге и детях, о делах в имении, мне всё интересно знать.

Петр Иванович Сенявин не любил разговоров о службе и воспринимал их болезненно. О военной карьере, которой так славился весь его княжеский род, он мечтал ещё с малых лет, но несчастье, сделавшее его калекой уже в двадцать четыре года, разрушило все мечты, заставив навечно поселиться в родовом имении и заниматься хозяйством, которое так неблизко было его сердцу и душе. Зная об этом, Михаэль поспешил пресечь этот едва начавшийся разговор о Русско-японской войне.

Глава 3

Михаэль-Фридрих Нейгон, именовавшийся в официальных русских документах «Михаил Федоров Нейгон», а среди друзей звавшийся на русский манер просто Миша, в свои тридцать пять лет имел непростую, полную трагедий биографию и самую неудобную для высшего общества родословную.

Ещё дед его, Вильгельм Нейгон, принимал участие в восстании силезских ткачей, громом прогремевшем на всю Пруссию. В том же восстании принимала участие и его бабка, Луиза. Мать троих детей, она не отставала от мужчин в борьбе за свободу и справедливость.

Но жестокое наказание ждало бунтовщиков тех беспокойных июньских дней 1844 года. И дабы избежать тюремного заключения, Вильгельм Нейгон в первую же неделю после восстания был вынужден бежать в горы с женой и детьми.

Тяжелым грузом легла эта семейная история на судьбы детей Вильгельма и Луизы. Всю жизнь им приходилось скрывать этот неприятный факт биографии родителей и доказывать, что в их жилах течет другая, покорная кровь. Рьяней всех принялся отрекаться от матери и отца младший сын — Фридрих.

Хоть младенцем у матери на руках, но и он стал невольным участником того восстания. И, чтобы стереть, разо-

рвать эту печальную страницу своей жизни, он навсегда покинул ненавистный Лангенбилау и совсем молодым человеком, двадцати двух лет от роду, отправился на Австро-Прусскую войну, где, не щадя жизни, «написал» себе новую биографию – биографию не бунтовщика, а героя.

Нет, теперь никто не смел упрекнуть его в прошлом. Теперь для него были открыты двери лучших домов и протянуты нежные ручки лучших невест. На одной из таких девушек, красавице Гретхен, он и женился.

Три года ничто не омрачало беззаботного счастья Фридриха и Гретхен Нейгон, но неожиданно начавшаяся война разлучила их на целый год. Франко-Прусская компания стала хорошим поводом для Фридриха ещё больше прославить своё имя.

Уходя на эту войну, он склонился над колыбелью новорожденного сына и тихо произнес:

– Тебе никогда не придется стыдиться своего отца, Михаэль.

Но отчего же тринадцать лет спустя Фридрих, теперь кумир и пример для сотен соотечественников, герой, отважный и решительный офицер, стал всё молчаливей и задумчивей? Отчего ему скучно в объятиях красавицы жены и дружеских беседах с юным сыном, так гордившимся отцом и выбравшим для себя то же славное военное поприще? Почему же теперь он заскучал по несчастным своим родителям, так малодушно навсегда им брошенным? И почему теперь с гор-

достью заговорил о восстании силезских ткачей, ещё совсем недавно так им ненавидимом? Может быть, всё-таки заиграла в нём непокорная кровь? Или две войны разожгли жажду справедливости и равенства, жгучее желание изменить так надоевшее ему чёрствое и притворное общество? Кто знает? Да только в тайне примкнул Фридрих к революционному кружку под руководством Шарля Раппопорта и Лео Йогихеса и стал марксистом. Но через девять лет оказался арестован и спустя год убит в тюрьме.

И теперь все уже забыли о его славных боевых заслугах и с удвоенной силой заговорили о грязной бунтарской крови их фамилии. И всё это тяжким гнѐтом навалилось на неокрепшие плечи юного Михаэля.

Так один миг 1892 года перечеркнул все замыслы и планы Михаэля, этого порядочного, великолепно образованного человека, этой чистой, светлой души. Всея внешнестью, внутренней сдержанностью и рассудительностью походил Михаэль на благородную породу матери. И, чтобы навсегда распрощаться с тяжким грузом семейного прошлого, всюду преследовавшего его по пятам, холодно и решительно Михаэль рассудил навсегда покинуть Германию, где в каждом дуновении ветра пахло прошлым его фамилии.

Так после смерти отца Михаэль с молодой женой Мартой навсегда покинул родные места, и медленной змейкой увозил их поезд к самой границе, в далекую и чуждую им страну – сумрачную и заснеженную Россию.

И вот уже мчатся они в санях по заснеженному полю навстречу полосатым пограничным столбам. Даже снег из-под копыт летел так непривычно и так по-русски. С волнением, с надеждой забилося сердце Михаэля. И чем ближе подъезжали они к заветным столбам, тем сильнее оно колотилось, и казалось, что даже в воздухе гулким эхом раздается этот стук. Но неожиданно лошадь, мчавшая их, поскользнулась, и сани перевернулись, едва не накрыв молодых супругов с головой. Какой милый пустяк. Михаэль и Марта только расхохотались. Главное, что всё обошлось, что они вместе и могут теперь чувствовать под ногами землю своей новой родины.

– Недобрый знак, барин, – еле слышно пробурчал бородатый озябший старый солдат, идущий им навстречу.

Какой знак и что вообще может означать эта фраза, Михаэль ещё не знал, да и не хотел знать. Впереди его ждала новая счастливая жизнь. В ту минуту лишь это занимало его мысли.

И Михаэль не ошибся. Россия встретила его с распростертыми объятиями. Иностранец красивой наружности в российской армии пришёлся к месту как нельзя лучше. Далёкая страна оказалась совсем не такой загадочной, как представлялась прежде. Светлая и яркая, щедрая и пышная, она поразила своих новых подданных. Хлебосольная златоглавая Москва, с блеском архитектуры, живописи, музыки, с роскошью природы, где зимы сказочные, вёсны нежные, осенние дни золотые, как бал императора, а лето тёплое, как ру-

ка матери, сразу распахнула перед молодым подпоручиком Михаэлем Нейгоном и его супругой двери в великосветское общество, где им был оказан самый лучший приём.

Но невидимая нить любви к своей исторической родине, которую невозможно было перерезать, тянула Михаэля в прошлое. Часто, в задумчивости стоя у окна, он вглядывался куда-то вдаль, словно пытаясь разглядеть в горизонте что-то привычное и близкое его сердцу.

Глава 4

Уже первые четыре года, прожитые в огромной, непредсказуемой и блестящей Российской Империи, подарили Михаэлю не только положение в обществе, чин подпоручика и роскошь балов, но и преданного, чуткого, надёжного друга. А печальные обстоятельства знакомства Михаэля Нейгона и Петра Сенявина скрепили их крепкими узами дружбы на всю жизнь.

Погода вечером 13 мая 1896 года стояла превосходная, и Михаэль, к этому моменту уже успевший принять подданство Российской Империи, православие, поступивший на военную службу в Москве и уже основательно обосновавшийся на новой родине, не спеша прогуливался по Александровскому саду.

Навстречу ему шли двое мужчин, один из них пожилой, коренастый московский чиновник наполовину русский, наполовину литовец Базилий, а в крещении Василий Краснов. Он был добрым приятелем Михаэля. Рядом же с Красновым тяжелой поступью с сильным упором на пятку шёл молодой обер-офицер, статный и темноволосый корнет, со строгим взглядом темно-карих глаз.

– А, Михаэль! Добрый вечер! – радостно заулыбавшись, воскликнул Краснов.

– Добрый вечер, Василий Саввич! Рад вас видеть!

– Вот, Михаэль, рекомендую, – Краснов повернулся к молодому корнету. – Мой племянник, князь Петр Сенявин!

Молодые люди почтительно поприветствовали друг друга.

– Представьте себе, Михаэль, – продолжил разговор Краснов, – Петр отговаривает меня ехать на гулянье на Ходынское поле!

– Вы хотите завтра ехать на Ходынское поле? – удивился Михаэль.

– Отчего же завтра? – возмутился Краснов. – Сейчас!

– Право же, это неразумно, – попытался возразить князь Петр. – Раздача подарков начнётся только в десять часов, театрализованные представления к полудню, а высочайший выход и того позже.

– Неразумно, мальчик мой, это ждать утра, чтобы идти к десяти часам, когда начнётся раздача гостинцев. Полагаю, народу будет столько, что ничего не останется, когда я приду завтра. А до другой коронации ещё доживу ли?

– Для чего вам эти подарки? – удивился Михаэль. – У вас и без того всё имеется.

– Вот неразумный отрок, – всплеснул руками Василий Краснов. – А «память»? Память-то какая? Нет, как хотите, господа, а остаться без «памяти» от такого торжества мне просто зазорно.

– И всё-таки, Василий Саввич, Петр прав! – не согласился с ним Михаэль.

– Помилуйте, Василий Саввич, – продолжил князь

Петр. – В моём полку говорят, что подарков заготовлено четыреста тысяч! Всем должно хватить, и не стоит ради этого проводить ночь на поле.

– Четыреста тысяч штук всего-то! Нет-нет, господа, и слышать ничего не желаю. Вы как знаете, а я отправлюсь.

Старик Василий Краснов был непреклонен, и, дабы не оставлять родного дядьку одного, Петру Сенявину ничего не оставалось, как отправиться с ним. Вот только предчувствия у него были самые скверные.

Приехав на Ходынское поле, которое было выбрано властями местом народного гулянья в день коронации нового императора Николая Александровича, Петр сразу обратил внимание, насколько неудачно оно выбрано. Испещренное глубокими рвами, оврагами и траншеями, сплошь в ямах и заброшенных колодцах, оно могло быть пригодно лишь для военных целей, оттого и использовалось как учебный плац для войск Московского гарнизона.

– По какой страшной беспечности выбрано это место, – сказал Петр, оглядевшись вокруг.

Идти с дядькой на поле он наотрез отказался, предпочтя остаться в экипаже, неподалеку от буфетных лавок. Рядом с Петром было оставлено ещё несколько карет, и он невольно услышал разговор двух ямщиков:

– ... а подарки-то, я слышал, и впрямь царские. Говорят, будто в цветной платок завернуто полфунта колбасы, сайки, конфет разных, а ещё орехи, пряники да кружка та, что...,

– мужик замялся, вспоминая нужное слово. – Ну, как это? Которая вечная.

– Ну?! – изумился второй ямщик.

– Вот тебе и ну! А ещё зрелища, говорят, невиданные будут.

– Это ж какие ещё такие зрелища?

– А такие! – продолжил рассказывать с жаром в голосе первый ямщик. – Будто представления будут из разных опер и цирк с дрессированными зверятами приедет.

– Ну?! – снова изумился второй ямщик.

– Вот тебе и ну!

«До чего же наш мужик охоч до развлечений, – подумал про себя Петр. – А ведь все от темноты его, неграмотности. Скорее всего, эти два мужика за жизнь свою ничего, кроме этих вот повозок, и не увидят, а тут такое зрелище!»

Невообразимая жалость к ним вдруг наполнила сердце молодого князя и нестерпимое желание покинуть это место как можно скорее, чтобы не видеть, как эти люди начнут хватать конфеты и драться за полфунта колбасы.

– Живого б царя увидеть – вот это да, а то, когда это ещё случай представится, – прозвучал голос дядькиного кучера Кузьмы.

Но Петр ничего ему не ответил. Даже будучи убежденным монархистом, он не изъявлял сейчас такого желания. Образ императора оставался для Петра божественным и недостижимым.

Тем временем Ходыньское поле всё больше и больше погружалось в полную тьму, и ночь, как на беду, выдалась безлунная. А люди всё шли, и всё плотнее становилась необозримая толпа. Некоторые люди, не видя перед собой дороги, стали спотыкаться и падать в овраги, а нескончаемый поток народа всё прибывал и прибывал.

Петр с ужасом начал понимать, что всех этих людей между городской границей и стеной из ста буфетов стало слишком много, это были тысячи и тысячи человек. Он приподнялся в своём экипаже и внимательно огляделся по сторонам. Если случится беда, кто будет наводить порядок? Полицейских и казаков было слишком мало. Петр отчетливо понял, что эта горстка просто не справится с такой лавиной людских масс. Он словно кожей почувствовал, как положение начало становиться угрожающим.

К утру стало очень тихо. Ни ветерка. Дышать становилось всё труднее. Начало светлеть, и Петр смог разглядеть лица некоторых людей. Они были залиты потом и приобрели какой-то синевато-бледный цвет. Вместе с этими людьми он смог разглядеть и то, насколько огромной стала пришедшая толпа. Она была гораздо больше, чем ему казалось ночью.

«Господи, что же это будет? – уже предчувствуя неминуемую беду, подумал Петр. – Как же найти в этой толпе Василия Саввича?»

Нужно было немедленно бежать из этой страшной ловушки. Но один уйти Петр, разумеется, не мог. И вдруг он с ужа-

сом подумал: «Где же он? Неужели не понимает, что оставаться тут слишком опасно? А может быть, он уже не в состоянии выбраться из этой гущи?»

При этих мыслях состояние Петра стало приближаться к паническому.

А тишина сменилась гулом толпы. Сначала негромкий этот гул всё нарастал и нарастал, превратившись, наконец, в настоящий хаос.

Опасения Петра подтвердились. Сложившаяся ситуация вышла из-под контроля и лопнула, словно огромный мыльный пузырь. Толпа людей стала напирать на буфетный ряд. Люди принялись требовать того, зачем сюда пришли. Буфетки в ответ, не дожидаясь нужного часа, боясь оказаться затоптанными вместе с буфетами этой потерявшей контроль лавиной, стали бросать подарки в воздух. Началась страшная давка. Многим становилось дурно. Некоторые люди теряли сознание, но, сдавленные со всех сторон клешнями из человеческих тел, несчастные не имели возможности из неё не только выбраться, но даже упасть.

Видя, как полиция не справляется с образовавшимся хаосом, Петр и Кузьма бросились им на помощь, но изменить сложившуюся критическую ситуацию их силы не могли. Их обоих просто всосало в толпу. Рядом с собой Петр увидел потерявшую сознание женщину, с закрытыми глазами, зажатая со всех сторон, она колыхалась вместе со всей бурлящей и кричащей массой людей. С другой стороны в него впи-

лись острые плечи старика, он, кажется, уже не дышал. Этот несчастный умер, не издав ни единого звука, а похолодевший труп его продолжал колыхаться в толпе. Пытаясь растолкать людей, обладающий высоким ростом, Петр немного приподнялся над толпой и увидел юношу, которого рвало, и он даже не мог опустить головы. В этот момент бородастый мужик вцепился в руку Петру и начал мычать что-то нечеловеческим голосом. Петру показалось, что мужик этот сошёл с ума. Люди бились друг об друга головами, и все кричали. Сам же Петр, ужаснувшись, осознал, что под его ногами человек. Беднягу просто подмяли под ноги, и подняться он не мог. Петр чувствовал, что стоит на его груди, дрожал от ужаса, но двинуться ему было некуда.

В это время один из буфетов под напором толпы перевернулся и накрыл собой нескольких человек. Все произошло так стремительно, что Петр даже не успел понять, как оказался под ним. Буфет крепко прижал его ногу, и, будучи не в силах подняться, Петр чувствовал только острую боль в голени и тяжесть человеческих масс на своем теле. В его голове стучала только одна фраза – это конец! Но неожиданно толпа над ним стала расходиться, и сквозь помутневший взгляд он увидел военных. Двое из них, страшно ругаясь, приподнимали буфет, а четверо других пытались вызволить находящихся под ним раненых. Один из этих военных схватил Петра под мышки и потащил прочь от этого страшного места. Обернувшись, Петр увидел лицо своего нового знакомо-

го – это был Михаэль.

По счастливой случайности все четверо: и Петр, и Михаэль, и Василий Саввич с кучером Кузьмой – остались живы.

В доме Краснова на Поварской улице было тихо и светло, лишь мерный ход часов и едва слышное ворчание Василия Саввича, с обвязанной головой ходившего взад и вперед по комнате, нарушало тишину. Михаэль, стоя у окна и, всматриваясь вдаль с каменным выражением лица, о чём-то думал. Вскоре он получит чин штабс-капитана и будет переведён в столицу. Петр же, отдав свою травмированную ногу в распоряжение лекаря, всё пытался выбросить из головы эту страшную ночь, но у него ничего не получалось. Князь Петр не догадывался, что самое страшное для него ещё не наступило. Сломанная кость ноги срастётся неправильно и, оставив его калекой, принесёт ещё самую страшную беду в жизни.

А в это время над городом загудел колокол Ивана Великого и с Тайницкой башни загремели пушки. Один за другим раздались двадцать один выстрел, и по всей Москве зазвучал могучий звон колоколов. И этот звон, и пальба известили Москву, что в Успенском соборе началось молебствие о здравии и многолетию нового царя и царицы. Все московские улицы были пусты, и жизнь словно покинула город, сосредоточившись возле Кремля.

Тысячи и тысячи людей наполнили кремлевские площади и окружили его стены. Тут были и белые платья с золо-

тым шитьем, и блеск бриллиантов, и разноцветные мундиры дипломатов. Но также в это время все пожарные команды Москвы занимались ликвидацией кошмарных последствий на Ходынском поле. Обоз за обозом вывозили с поля тела умерших и раненых. Долго ещё по Москве будут ходить легенды, как от вида тех страшных картин цепенели сердца у выдавших виды военных, врачей и пожарных. Как видели они и скальпированные головы, и торчавшие наружу кости, и раздавленные грудные клетки, и валявшихся в пыли недоношенных младенцев.

Но об этом страшном происшествии большинство москвичей ещё не знали, и праздник коронации нового императора шёл своим чередом.

Глава 5

Высокое полуденное солнце освещало небосвод и необыкновенно ласково дотрагивалось тёплыми лучами до верхушек заснеженных сосен. Словно богатыри-великаны в блестящих кольчугах, стояли они на страже своих владений. Жизнь здесь шла неспешная и размеренная. Совсем не такая, как в столице с её революционными ужасами.

Богоявленское, волость Задонского уезда Воронежской губернии, располагалось на левом берегу реки Дон. Имение это, возникшее в середине XVII века, являлось владением дворянского рода Сенявиных, к которому и принадлежал Петр Иванович.

Род свой князья Сенявины вели от современника Петра I, вице-адмирала Наума Акимовича. Великая эпоха великого императора, когда не фамилиями славились люди, а делами, позволила Науму Акимовичу и двум его братьям превратиться из мужиков в прославленных морских офицеров. Три брата, три богатыря – Иван, Федор и Наум – прочно вошли в историю русского флота васнецовскими витязями.

Иван был с детства лично известен царю Петру и пользовался особым его доверием. Службу он начал солдатом Преображенского полка, сюда же в 1698 году солдатом бомбардирской роты привёл и своего младшего брата Наума. И уже на следующий год тот принял участие в Керченском походе

матросом на корабле «Отворенные врата» под командою государя. Наум, в отличие от своих братьев, не попал в состав великого посольства, но не в его характере было опускать руки. Мореходные познания боцман Наум Сенявин приобрёл на Воронежских, Добровских и Тавровских верфях, в боевых действиях под Шлиссельбургом, Юрьевом и Нарвой. Он выдвинулся, не сходя с палубы кораблей, и быстро обогнал в чинах своих старших братьев.

А в 1708 году, за героизм, царь Петр лично жаловал Наума Акимовича чином поручика и княжеским титулом. Тогда же ему оформилась дача на ничейную деревню недалеко от Воронежа. Но до последнего дня жизни стихией Наума Акимовича будет оставаться море, а не воронежская земля. От этого-то долгие тридцать лет имение это не будет видеть своего хозяина, пока однажды не появится здесь молодой его сын.

Встреча Наума Акимовича с Неониллой Федоровной Языковой произошла, когда отважный капитан-поручик стал уже легендой. И пусть лицо его от зноя и соленого воздуха было усеяно глубокими морщинами, а зубы съела цинга, Наум располагал к себе открытым, легким нравом, любовью к веселью и хорошим аппетитом.

Свадьбу сыграли быстро, шумно и весело, но также быстро Наум и покинул молодую жену. Отныне он постоянно сопровождал царя в поездках и подолгу на одном месте не задерживался. Не изменило сложившегося уклада и рождение

сына Алексея.

С раннего детства Алеша постигал науки, учился пению и танцам, фехтованию и стрельбе, уже в шесть лет уверенно держался на воде, а в девять умел управлять лодкой под парусом и каждый год с нетерпением ждал Рождества и Троицы, потому что именно в эти праздники домой приезжал отец.

Так прошло детство Алексея, и после окончания домашнего обучения он отправился в школу навигацких и математических наук. И когда на вступительных испытаниях комиссия попросила Алексея назвать известных ему героев Северной войны, он, не задумываясь, назвал имя отца, да ещё и добавил пример для собственного подражания, когда отец – Наум Сенявин, узнав, что капитан гамбургского конвойного воинского корабля отказался салютовать русскому военному судну, не раздумывая, выстрелил ядрами из трёх пушек по его вымпелу. Пример безоглядного служения отечеству поразил комиссию, и Алексей был принят.

Казалось, Алексей рос непохожим на отца – высокий, стройный, спокойный, уравновешенный. Но вскоре в характере его стали угадываться такие сенявинские черты, как упорство в достижении цели, умение преодолевать возникшие трудности.

Однажды Наум Акимович навестил сына в школе, и Алексей его не узнал. Перед ним стоял серый, тяжело больной старик, с глазами полными слёз. Это было в декабре 1725

года. Тогда Алексей впервые увидел подлинную душу своего отца, столь тяжело переживающего смерть своего любимого Императора. Тут же обострились боевые раны Наума Акимовича. И Алексей впервые понял истинную цену служения отечеству и государю. С этого момента он по-настоящему стал взрослым, и отец настоял на том, чтобы любимый сын начал службу под его началом, да ещё и сразу в мичманском чине.

Алексей был в восторге от этого известия, он рвался в бой. Но при поступлении на службу учеба его не закончилась – она только началась. Видя собственными глазами пример отца на службе, он учился теперь у него. Учился осмотрительности в бою, распорядительности, внимательности и собранности, обычаю обсуждать детали предстоящего боя с подчиненными офицерами.

За этой учебной гряднул 1735 год. В Русско-Турецкой войне Алексей принял участие адъютантом при Науме Акимовиче. И здесь-то раскрылись такие его качества, как хладнокровие, смелость, умение управлять подчиненными в боевой обстановке. И все подмечали, что в отношении к делу, поведению в бою Алексей был точной копией отца, легендарного вице-адмирала. Однако в том же году отцу и сыну пришлось расстаться. Алексея Наумовича ждал перевод на балтийский флот, ну а опытного Наума Акимовича – назначение начальником Днепровской флотилии. Больше они не увидятся. Через год Алексей Наумович получит известие из Очакова о

кончине отца от эпидемии чумы.

Тяжелым грузом легла на плечи Алексея смерть отца. Тяжелым испытанием стало научиться жить без него, без опоры. Но жизнь не дала Алексею времени на печаль, его ждала новая война – со Швецией.

Алексей многого достиг и, продолжая прославлять фамилию Сенявиных, оставался гордостью для памяти отца. Но всё-таки что-то оставалось, чего-то не хватало. Из каждой военной кампании он возвращался в богатый, но пустой дом, в котором его никто не ждал, писал трогательные, поэтические письма матери и сестрам, а душу излить было некому. Ушёл из жизни старший кузен, вся жизнь которого так же, как и у отца, была посвящена флоту. Но кому теперь рассказать всё это? Кто сохранит память о нём? Иван Иванович был одинок, как одинок сейчас и сам Алексей.

И вот на балу великолепной затейницы, красавицы императрицы Елизаветы Петровны, появляется очаровательная Анна-Елизавета фон Брауде. Свадьбу пришлось поторопить: в каждом уголке столицы уже пахло войной. Эта кампания войдет в историю под названием Семилетней. Но вскоре, в звании капитана 1-го ранга, он выходит в отставку и получает назначение на должность Генерального казначея при адмиралтейств-коллегии.

Однако спокойная жизнь была не для него. Без флота Алексей Наумович болел, чах так же, как когда-то и его кузен – капитан-командор Иван Иванович Сенявин, отлучен-

ный от службы, умерший в тот же год.

Алексей Наумович просился на флот, и уже вскоре снова был вызван на службу. Новая императрица – Екатерина, дальновидная, умнейшая женщина, понимала, что без сильного флота не быть Империи Российской, не справиться с уготованными ей вызовами, а для этого требовалась закладка на старых петровских верфях по реке Дон различного типа судов. И для этого важного поручения как нельзя лучше подходил честный, ответственный, неподкупный Алексей Наумович Сенявин.

Так сама судьба снова привела Алексея Наумовича на Дон, в родовое имение. Всё тут напоминало о далеком детстве: и старый бревенчатый дом, и заросшие аллеи темного парка, и крик галок в вечернем зимнем небе. А ещё тут ждали своего хозяина 145 дворов, восемь тысяч жителей и более семи тысяч десятин земли с лесами и лугами. Из пыльного сундука достал старый капитан проект усадьбы, заказанный ещё до смерти отца в мастерской Коробова. Привез мастеровых людей из Рязани и, как корабль на верфи, возвёл величественный дворец в голландском стиле. Так стало приобретать формы Богоявленское, отныне любимое имение Алексея Наумовича, в котором он всегда будет счастлив.

Уже совсем скоро «Новоизбранные корабли» Алексея Сенявина помогут овладеть Крымом, за что Алексей Наумович будет награждён орденом св. Александра Невского. Впереди

его будет ждать ещё не одна победа в Русско-Турецкой войне, закладка Херсона, и до самой смерти Алексей Наумович Сенявин останется предан флоту и отечеству.

Глава 6

– В такой же любви к флоту и родной земле, какую испытывал сам, Алексей Наумович воспитывал и своего единственного сына Григория.

– Молодец, Андрей! – похвалил Петр Иванович сына.

Мальчик радостно хотел было закрыть огромную книгу, и собрался уже вставать из-за большого письменного стола, но отец остановил его следующим вопросом:

– А скажи мне, Андрей, в каком году родился Григорий Алексеевич Сенявин?

– Капитан-командир Григорий Алексеевич Сенявин родился в столице Российской Империи в 1767 году. Отец, ну знаю я всё это!

Андрей не отрывал глаз от окна. Глядя, как резвится на улице детвора, ему как можно скорее хотелось оказаться с ними, а вовсе не повторять историю рода, которую он уже знал наизусть.

– Пойми, сынок, знать историю своего рода, свои корни, особенно важно тебе. Ты единственный наследник!

– А как же Вера и Ксюша? – удивленно спросил Андрей.

Он не вполне понимал, почему отец называет наследником только его, ведь у него были ещё две сестры.

– Вера и Ксюша вырастут, выйдут замуж, и у них будут другие фамилии, они станут частью других семей, – начал

объяснять Петр Иванович как можно понятнее для девятилетнего мальчика. – Тебе предстоит продолжить наш род, нашу фамилию и однажды оставить свою запись в этой книге.

Андрей отвлекся на стук в дверь. В кабинет вошла девушка в белом переднике и монотонно произнесла, будто давно заученную, фразу:

– Митрофан Спиридонович с семьей приехали!

– Отец, ну можно уже закончить урок? – с надеждой в голосе спросил Андрей.

– Да, ступай, – ответил Петр Иванович.

И мальчик быстрыми шагами направился к тяжелым двустворчатым дверям кабинета отца, но, остановившись на пороге, обернулся. С портретов на него взирали строгие глаза предков – адмирала Алексея Наумовича в орденах св. Анны 1-й степени, св. Андрея Первозванного и св. Владимира 1-й степени, его генерал-адъютанта и племянника Николая Федоровича, вице-адмирала, капитана над портом в Риге, главного командира Кронштадтского порта Николая Ивановича Сенявина. И под этим строгим взглядом Андрей, распрямив плечи, вышел из кабинета.

Петр Иванович отправился встречать гостей, а тяжелая родовая книга так и осталась открытой на странице, когда в конце XVIII века на авансцене российской истории появляется его прадед – Григорий Алексеевич Сенявин. Один из самых незаурядных представителей рода, сочетавший в себе несочетаемые таланты. Он, начавший службу в чине сержан-

та артиллерии, с легкостью перевёлся во флот в чине подпоручика, и далее его жизнь будет выписывать только самые невероятные зигзаги. Друзья из высшего столичного света будут читать его жизнь как увлекательный роман, ожидая всё новых и новых глав даже тогда, когда, неугодный новому императору Павлу, он в чине капитан-командарма будет уволен в отставку. И Григорий Алексеевич их не подведёт.

Молодой, полный сил и энергии Григорий Алексеевич не впадёт в уныние, не оставит свою офицерскую честь за игральным столом петербургских салонов. Он уединится с семьей в родовом имении – любимом Богоявленском, где проявит совсем уж неожиданный купеческий талант, невесть откуда взявшийся в этом человеке. И даже милость нового императора Александра не заставит его бросить полюбившегося дела.

Сразу после Отечественной войны 1812 года Григорий Алексеевич, принявшийся восстанавливать хозяйство в имении, скупит все пшеничные поля на правом берегу Дона, и уже через несколько лет добьётся таких успехов на новом поприще, что станет одним из самых богатых и влиятельных людей губернии. Даже уход из жизни любимой супруги, не заставит Григория Алексеевича опустить руки. Личная драма вернёт его в столицу, где пожилой, но ещё полный сил князь продолжит жизнь светскую в богатом особняке на Английской набережной. И всё бы хорошо, да вот только сыновья не давали спокойно спать. Всё делал старик отец ра-

ди благополучия Ивана и Левушки: не жалел денег на их образование, не стеснялся использовать связи в высшем обществе для продвижения их по службе, потакал их прихотям, уступил даже тогда, когда оба сына, впервые за всю историю рода отказались поступать на службу во флот. А что же они сами?

А сами братья жили без дружбы, едва ли не во вражде друг к другу, особенно преуспел тут старший сын Иван, первенец, любимец отца, с детства ни в чём не знавший отказа. Поступив на службу в один год с младшим братом, юнкер Иван Сенявин вступил, будто в соревнование с ним. В отличие от скромного, порядочного, ответственного и исполнительного Левушки, вступившим на службу по министерству финансов, Иван предпочёл лейб-гвардии конный полк и мгновенно прослыл повесой, хвастуном и забиякой. И если роста и красоты он взял от природы за двоих, то дури и спеси за десятерых, что отталкивало от Ивана многих сослуживцев, но привлекало многих женщин. И зная это, Иван решил во что бы то ни стало жениться на самой красивой женщине в мире.

Встреча не заставила себя долго ждать. Стоило Ивану появиться в обществе фрейлины двора, баронессы Александры Васильевны д'Огер, как в ту же секунду судьба её была решена. Лучшей партии Ивану было не сыскать. Александра была дочерью голландского дипломата, принявшего российское подданство, внучкой фаворитки Петра III Воронцовой, да ещё и поразительной красоты. Перед напором молодого

князя Ивана Сенявина устоять было невозможно. Свадьбу отпраздновали пышно.

Тут уж Иван Григорьевич возгордился ещё сильнее, чего не простили ему в обществе. Красотой Александры восхищался Вяземский, и недоброжелатели тут же усмотрели в блеске её черных глаз уныние и печаль, обвинив в том деспотизм Ивана, сам Пушкин назвал его славным малым и своим приятелем, и злые языки принялись обвинять Ивана в надменном обращении с сослуживцами, в заносчивости от родства с Воронцовыми, в желании подчинять и не желании подчиняться, его удостоили награды орденом св. Анны 3-ей степени с бантом за осаду и взятие крепости Варны, а в свете только огорченно вздохнули оттого, что Иван на этой войне не был убит. И Иван стал жить, будто наперегонки с высшим светом: все восхищаются успехами на гражданской службе брата Левушки, и Иван, словно в насмешку, оставляет военную службу в чине полковника и поступает на гражданскую службу в Департамент уделов. За три года, перещеголяв брата, добивается назначения в кабинет Его Величества, Левушку с великими надеждами провожают в посольство в Константинополь, а Иван, пользуясь отсутствием брата, отодвигает его от наследства, оставленного умершим отцом, забрав себе и жемчужину – Богоявленское. После возвращения из Константинополя Лев Григорьевич произведется в действительные статские советники, но и карьера Ивана складывается как песня – управляющий императорскими стеклянными

и фарфоровыми заводами, новгородский губернатор, московский гражданский губернатор, товарищ министра внутренних дел, председатель двух комитетов об устройстве быта лифляндских и эстляндских крестьян. Так же и в отношении семейной жизни он стремился к совершенству, Лев Григорьевич оставался холост, Ивану же супруга одного за другим родила семерых детей.

Но однажды удача всё-таки отвернулась от Ивана Григорьевича. Выйдя в отставку, дабы не сойти с ума от скуки и безделья, он вспоминает о родовом имении, забытом и обветшалом за годы отсутствия в нём хозяина, и с присущим ему азартом принимается облагораживать усадьбу. Стараясь угодить любимой жене Александре, голландке по происхождению, усадьбу он перестраивает в готико-стрельчатом стиле, близком и родном для каждого европейца-католика, а в память о славном военно-морском прошлом своих предков крышу усадьбы перестраивает так, чтобы она напоминала своим видом корабельную палубу. Одновременно с перестройкой здания Иван Григорьевич закладывает и аглицкий парк с большим прудом в его середине. Этот необыкновенно модный и красивый парк мгновенно становится жемчужиной имения и предметом огромной гордости его создателя. Так стараниями одного человека в центральной России, появился двухэтажный каменный архитектурный шедевр, напоминающий европейскую готику, с русскими деревянными постройками вокруг, с православной церковью Иоанна Бо-

гослова.

Иван Григорьевич добился, кажется, всего, о чём мечтал, но, на беду, свою, неуёмный характер не позволил ему почитать на лаврах славы, и он возжелал больших денег. Увлечение коммерцией и сыграло с Иваном Григорьевичем злую шутку. Наделав много долгов, он построил сахарный завод в своём имении, но, не сумев организовать грамотное руководство, оказался банкротом.

Сумма долга в 220 тысяч рублей оказалась слишком большой. Взять такие деньги Ивану Григорьевичу было неоткуда, и единственным выходом для него оставалась продажа Богоявленского в казну. Это было не просто разорение – это был страшный удар по самолюбию, страшный позор. В одну ночь Иван Григорьевич постарел на десятки лет, в одну ночь в глазах его навсегда поселилась нестерпимая боль. Он прощался с имением, в которое вложил столько сил и любви, прощался с усадьбой, в которой витали тени предков, отца и матери, деда и прадеда. Он бродил по опустевшим комнатам, где отовсюду слышались детские голоса, где счастливо и безмятежно росли они с Левушкой. Ах, этот чёртов характер, из-за которого он наделал столько глупостей, из-за которого он так и не признался в огромном, искреннем уважении к брату и делал всё наперекор родственным чувствам. И как посмотреть после всего этого ему в глаза? Да и стоит ли теперь, на краю жизни, что-то объяснять? Нет, теперь было уже слишком поздно, и Иван Григорьевич отчетливо это по-

нимал. Всё, за что он боролся и к чему всю жизнь стремился, стало вдруг бессмысленным, ненужным.

Тишину опустелого дома разрезал пистолетный выстрел. Сорвались с веток деревьев в тёплое июньское небо серые галки. Так оборвалась ещё совсем недавно казавшаяся блестящей жизнь Ивана Григорьевича Сенявина. Шёл 1851 год.

Сильно подкосила эта утрата здоровье жены, красавицы Александры Васильевны. Померк яркий цвет лица, покрыла седина вороного крыла волосы. Кроткая, очаровательная, она пыталась добиться, чтобы супруга похоронили в черте кладбища, но, увы, получила отказ. Иван Григорьевич был погребён в кургане парка своего имения. Таков удел всех самоубийц. Но не успели просохнуть слёзы на некогда прекрасном лице Александры Васильевны по погибшему супругу, как случилась новая беда. Настало время открыть завещание Ивана Григорьевича. Кому достанется то немногое, что удалось сохранить князю Сенявину и особенно богатый дом на Английской набережной в Санкт-Петербурге, устроенный по последней парижской моде, где ещё совсем недавно так роскошно все они жили? Казалось, исход очевиден. Старший сын, семнадцатилетний Александр, обучавшийся за границей, смекалистый, предприимчивый и расчётливый, мог не только сохранить наследство, но и приумножить его. Но решение Ивана Григорьевича и в этот раз повергло всех в шок. Всё, что осталось от богатого наследства, он завещал младшему сыну – любимому Ивану, уже в пятнадцать лет

известному пьянице, и страстному игроку.

«За Алекса душа не болит, – писал отец. – Он наживёт».

И в этом Иван Григорьевич не ошибся. Всего десять лет понадобилось Александру, чтобы практически до копейки нажить такое состояние, к которому отец его шёл пятьдесят лет. И всего десять лет понадобилось Ивану, чтобы практически до копейки растратить такое состояние, к которому отец его шёл пятьдесят лет.

Иван Иванович больше всех детей был похож на своего отца. Унаследовал он и характер, скверный, неуживчивый, скандальный. Никто не сомневался, что Ивана ждёт или тюрьма, или ранняя смерть. Так и случилось. Наделав ещё больше долгов, Иван был вынужден продать и роскошный дом на Английской набережной, и приданое молодой жены. Но, не справившись с угрызением своей проснувшейся совести, он умирает от сердечного приступа на могиле отца, в возрасте тридцати восьми лет, оставив практически без средств к существованию, супругу и только-только родившегося сына Петра.

Это страшное, драматическое событие заставило забыть все обиды и вернуться в родные места удачливого Александра. словно чувствуя вину за потерянные годы общения с братом, за малыша Петю, оставшегося сиротой, не жалея денег, он возвращает то, что многие десятилетия принадлежало их семье, что являлось связующим звеном всего рода Сенявиных – имение Богоявленское.

За несколько недель Александр Иванович выкупает из казны утраченное имение и переводит земли на имя маленького Петра, чтобы, достигнув совершеннолетия, тот безраздельно хозяйничал в нём, а вокруг усадьбы строит красную кирпичную стену, словно защищая дом и его маленького хозяина от всех невзгод. Вот только для себя ему найти здесь места так и не удалось. Уехав снова за границу оправиться от пережитых потрясений, назад он больше никогда не вернётся.

Но гордая Ингрид, мать маленького Петра, на половину русская, на половину литовка, в Богоявленское не приедет. Забрав сына, она уедет из Санкт-Петербурга к своему брату – успешному городскому чиновнику – в Москву, в доме которого и будет воспитываться Петр Иванович Сенявин. Здесь он окончит классическую гимназию, сюда же вернётся в составе второй бригады Первой кавалерийской дивизии, после окончания Николаевского кавалерийского училища, здесь же встретит очаровательную, белокурую, сероглазую Оленьку, главную любовь всей своей жизни.

И хоть свадьбу новобрачные сыграли тихо и скромно, впереди их, казалось, ждало только счастье: балы и приёмы для Оленьки, чин поручика и Николаевская академия Генерального штаба для Петра. Но трагедия, произошедшая на Ходынском поле, перечеркнула все планы, разрушила все мечты. И Петр Иванович вместе с супругой и дочкой Верочкой вынужден был вернуться в родовое имение, которого не

знал больше двадцати лет.

А Богоявленское встретило его заколоченными окнами усадьбы, застоявшимся без работы, обанкротившимся сахарным заводом, поросшими бурьяном полями, да вечно пьяными крестьянскими мужиками. Каждый день в забытом имении потечёт бесконечной скукой, похолодеет, замкнется в себе любимая Оленька, и каждую ночь станет приходиться во сне застрелившийся здесь Иван Григорьевич.

Вот в это-то время и появляется рядом с Петром Ивановичем Митрофан Спиридонович Мищенко.

Мощный, широкий в кости, рыжебородый Митрофан Спиридонович был расчетливым и предприимчивым человеком. Дружбу с молодым князем Сенявиным он завёл практически сразу по приезду его в Богоявленское. Хитрый и хваткий, он вытаскивает своими крепкими, умелыми руками имение из разорения. И пусть он не был честным компаньоном, зато с ним всегда и всё держалось в полном порядке: вновь засеялись пшеничные поля, заработал сахарный завод, зажило новой жизнью, долгие годы стоявшее забытым Богоявленское.

– Прости меня, Петр Иванович, – склонил Митрофан Спиридонович перед князем Сенявиным свою могучую голову.

– Бог простит, Митрофан Спиридонович! Прости и ты меня!

Троекратно поцеловавшись, и поздравив друг друга с

праздником Прощеного Воскресенья, встретивший гостей на пороге князь Сенявин пригласил всех в дом.

Глава 7

Цветные витражи в виде стрельчатых арок, огромные окна, для которых стены служат лишь легким каркасом, высокий сводчатый потолок в виде звезды, по каменному полу чёрно-белый шахматный рисунок. В середине огромного зала стоял большой тяжеловесный стол, накрытый просто, без излишеств. В готическом замке князя Сенявина, как и во всей православной России, готовились к Великому Посту.

Давно дружащие семьи Сенявиных и Мищенко часто собирались вместе за обеденным столом в княжеском доме, собирались и сегодня. Весело и шумно играя, бегали по дому их дети. Самой бойкой и непоседливой была пятилетняя Злата, младшая дочь Митрофана Спиридоновича, крестница князя Петра Ивановича. Золотоволосая девочка не слушалась ни мать, ни отца и всегда делала, что хотела. Даже старшие брат и сестра, одиннадцатилетние близнецы Арсений и Глафира, за ней не поспевали, предпочитая играть с Андреем и его сестрой, семилетней Ксюшей – детьми Сенявиных. И только старшая дочь Петра Ивановича и Ольги Андреевны – Вера – никогда не принимала участия в этих играх. Ровесница Арсения и Глафиры, она казалась намного старше их. Внешняя копия своего отца, холодная и равнодушная, кажется, ко всему, она могла позволить себе одарить присутствующих гостей только тяжёлым, строгим взглядом своих тёмно-карих

глаз. Таким же взглядом смотрел и её отец.

Беседы в этот вечер за столом велись оживленные. Миниатюрная сероглазая Ольга Андреевна Сенявина, родившаяся в Москве и воспитанная англичанкой-гувернанткой, даже вдали от столичной жизни больше всего на свете продолжала интересоваться модой и светскими сплетнями. С детства она росла залюбленным, избалованным ребенком, ни в чём не знавшим отказа. Юность её прошла в лучших московских салонах, а на балы в её дом съезжались самые видные московские женихи. Очаровательную Оленьку окружали толпы поклонников, ей посвящали стихи, с неё писали портреты. Но в мужа она выбрала юного корнета Петра Сенявина, статного красавца из обедневших дворян. Но не любовь двигала этой весенней пташкой, а перспектива породниться с древним княжеским родом. За двести лет существования династия Сенявиных породнилась с Языковыми, Ржевскими, Потемкиными, Чебышевыми, Нелидовыми, Воронцовыми и Нарышкиными. Голова шла кругом у неё от этой музыки имён, от желания быть княгиней, от такой близкой возможности покорить высший свет Санкт-Петербурга. Но трагедия, произошедшая с Петром Ивановичем на Ходынском поле, разрушила все её мечты. Ольга Андреевна плакала, оставляя Москву, плакал и московский свет, провожая в деревню свою прелестную Оленьку.

Поначалу жизнь в Богоявленском казалась Ольге Андреевне ссылкой, карой за грехи прошлой жизни. Но постепен-

но она научилась жить вопреки своему положению. Стараясь соответствовать французским модным канонам, избегала солнечных лучей даже зимой, пудрилась светлой рисовой пудрой, стремясь к эффекту болезненно-бледного вида, платья носила напоминающие по форме цветов, подчеркивающие узкую талию, грудь, бедра, создающие элегантный, невестомый силуэт. Вслед за Верой подарила мужу сына Андрея и дочку Ксюшу, сумев при этом сохранить тонкий стан и легкую походку. Увидев эту женщину, даже мельком, ни у кого не возникало сомнений относительно её статуса: княгиня Сенявина была княгиней во всём.

– Безусловно, петербургские модные дома – главные в России, – щебетала Ольга Андреевна. – Москва таким количеством домов похвастаться не может. Самые знаменитые, разумеется, Дом Бризак, Дом Гиндус и Дом Ольги Бульденковой, но, увы, их отличает элитарность. Дом Бризак, к примеру, является поставщиком Двора и высочайшим повелением императрицы обслуживает не принадлежащих ко двору лишь двух клиенток – Анну Павлову и Анастасию Вяльцеву.

Простая, добротная женщина Василиса Ивановна Мищенко имела самое простое происхождение, которое выдавало её во всём. Сказочные рассказы своей собеседницы она слушала с едва скрываемой завистью к блестящей княгине. Но Ольга Андреевна, упиваясь своим превосходством, продолжала разговор:

– Третьего дня были с Петей с визитом у Соловьева, так его супруга хвасталась Елецкими льняными кружевами. Я же предпочитаю брюссельские, о чём и поведала. На что Соловьева принялась мне объяснять, что наши кружева намного лучше. Она никак не возьмёт в толк: зачем заказывать кружева в Брюсселе, когда Елец совсем близко. Но помилуйте, это нелепо равно так же, как если заказывать самовар в Париже, – рассмеялась Ольга Андреевна.

За другим же концом стола разговор шёл куда менее беззаботный и совсем безрадостный. Последний год все мысли, и разговоры мужчин занимало только одно – Русско-японская война.

– Вот, Митрофан Спиридонович, сегодняшний выпуск, – Петр Иванович протянул Мищенко газету. – Первая полоса: японцы заставили отступать русскую армию.

– Да что там, Петр Иваныч, какая могёт быть война в такой дали от центров. А ещё это восстание, мать его в душу, – махнул широкой ладонью Митрофан Спиридонович. – Сам же сказывал, что в столице делается.

– Да-да, а как всё начиналось. В начале войны никто не оставался равнодушным. В общественности преобладало настроение, что на Россию напали и необходимо дать отпор. Я был тогда в Петербурге, Митрофан Спиридонович. И в столице самостоятельно возникали невиданные патриотические манифестации, да что там столица – газеты писали, что нечто подобное проходило по всей империи. Даже учащаяся

молодежь со своими революционными настроениями приходила к Зимнему с пением «Боже, Царя храни!» И что возле Зимнего произошло теперь, всего год спустя? Вспомнить страшно.

Петр Иванович погрузился в неприятные воспоминания кровавого воскресенья, сменившиеся мыслями о войне и любимом друге Михаэле Нейгоне. Где он сейчас? Что с ним? Петра Ивановича больно ранила собственная беспомощность, невозможность находиться там, на поле боя. Он ненавидел своё теперешнее положение инвалида-затворника, изменить которое, был не в силах.

Но все эти мысли оказались недолгими. Возле входной двери зазвонил колокольчик. Служанка Маша открыла дверь, и с завывающей вьюгой, отряхиваясь от снега, в дом вошёл почтальон.

– Петру Ивановичу из Москвы, – сказал он, протянув конверт.

Развернув письмо, Петр Иванович тут же узнал почерк своего дядьки Василия Саввича Краснова. Извинившись перед Митрофаном Спиридоновичем, он направился в свой кабинет, но уже на ступенях лестницы замер как вкопанный.

«Здравствуй, Петенька! Здравствуй, мой родной!

С самого утра сегодня за окном дождь. Будто небо оплакивает со мной гибель любимого зятя. Месяца не прошло, как не стало с нами Саши, а непутевая дочь моя уже умчалась с очередным прохвостом. Ну, да Бог ей судья! Спасибо уже

за то, что оставила мне внука. Всё бы ничего, воспитал бы не хуже других, да только чувствую, как силы меня оставляют. Ведь я уж совсем старик. Голова, слава богу, в порядке, не жалуясь, а вот ноги подводят, да сердце шалит. Умирать не страшно, душа у меня не загажена, долгов не нажил. Одна у меня печаль – Егор один остаётся. Чувствую потрепанным своим сердцем, что Настя моя уже не вернётся. Вот и пишу тебе с просьбой: не оставляй внука! Возьми в свой дом, воспитай, как когда-то я тебя воспитывал. Такова будет к тебе моя последняя просьба. Храни тебя Господь!

Письмо это пишу вместе с завещанием. Распорядился доставить его сразу по моей кончине».

Дочитав письмо, Петр Иванович опустил голову и закрыл глаза рукой. Все домочадцы прекратили разговоры и обернули к нему свой взгляд, даже дети остановили игру. Но никто не решался спросить Петра Ивановича о письме, пока тот сам не обратился к супруге:

– Оля, распорядись собрать мои вещи, я еду в Москву, – и немного помолчав, добавил: – Да, и пусть подготовят ещё одну детскую.

– Надолго? – безрадостно спросила Ольга Андреевна.

Вонзив в жену свой строгий взгляд, Петр Иванович ответил не терпящим возражения тоном:

– Навсегда!

Глава 8

Утреннее солнце ярким светом озарило улицы Воронежа. Распустившиеся кисти сирени наполнили своим ароматом улицы и бульвары. После долгой холодной зимы во всей Российской Империи восторжествовала весна. Яркая, пёстрая, цветущая, она наполняла сердца и души людей теплом, надеждой и самой чистой любовью к окружающему миру.

Под этим тёплым, весенним солнцем проснулся Воронеж. Выехали на проспекты экипажи, забегали от торговых лавок к хозяйским домам кухарки, вышли на улицы торговцы газетами, разнося свежую прессу, освещающую последние новости.

– Цусимское сражение! Полный разгром второй эскадры Тихоокеанского флота! – громко кричали они.

– Вот те новость, – разочарованно произнес Тишка Попов, кучер Митрофана Спиридоновича Мищенко.

– Да, кум, видать просрём войну энту. А ведь сколь убытков за энтот год из-за неё понесли, сказать жутко, – ответил маленький чернявый Архип Гуляев. – А видать, поиздержался Митрофан Спиридоныч, раз к хозяину моему пожаловал, – продолжил он. – Сколько лет сюды глаз не казывал и вдруг на тебе. А что, Тишка, так глядишь и пойдёт по миру Митрофан, а то и Сенявина за собой потянет?

– Ты, кум, кубыть, Митрофана Спиридоныча не знаешь:

война кончится – он ещё более прежнего наживет, – ответил Тишка.

– Наживёт, сукин сын, – вскипел Архип. – Нашим горбом он наживёт! Сам из мужиков вышел, а труд мужицкий ни в грош не ставит. Вот ты сколь годков пашешь на упыря энтото с утра до ночи и ничего не нажил, а ему всё мало, ещё девку свою малую на тебя повесил, а ведь ты только своего дитя схоронил.

– Будет тебе, кум. Куды деваться, коль Златка его такая взгальная, да я и сам к ней уж дюже привязался. Бывает, работаю на базу, а она сядет рядом, да так и глядит на работу мою, глаз не отводя. Василиса глянет, да только руками разведёт.

– Дурак ты, Тишка! – ответил Архип. – Поболе меня бы слухал, уж я теперь знаю, как с ними со всеми надо.

Кумовья Тишка и Архип не виделись с самого Рождества, поэтому разговор их у центральной городской булочной мог бы продолжаться ещё долго, но появление Митрофана Спиридоновича заставило их замолчать.

– Тишка! – крикнул Мищенко своим зычным басом. – Будя лясы точить, поехали отсель!

– А ты тут чего трёшься? – грозно сказал он Архипу. – Всё подстрекаешь? Ступал бы лучше работать! Розг на вас, бездельников, не напасёшься! Ну, дай срок – я с вами ешо управлюсь!

Экипаж Митрофана Спиридоновича резко помчался впе-

рѣд, оставляя за собой клубы пыли. А Архип, презрительно сузив глаза, только плюнул ему вслед да язвительно прошипел:

– Рыжий пѣс!

Путь от Воронежа до Богоявленского по тряской, ухабистой дороге составлял долгих четыре часа. Почти всё это время Митрофан Спиридонович, погружённый в свои мысли, молчал. Домой он возвращался черней ночи.

– Что, Митрофан Спиридоныч, плохи дела? – с неподдельной озабоченностью спросил Тишка.

– Ничего-ничего! – словно проснувшись, ответил тот. – Бог даст, на энтот год оправимся. Как приедем, ко мне зайди – я тебе сахару дам.

– Благодарствуем, Митрофан Спиридоныч! – поблагодарил Тишка, погоняя лошадей. – Я надясь слышал, кубыть, в кубанских станицах взялись хранцузские трахтуры покупать, – завел Тишка новый разговор, чтобы отвлечь хозяина от невесѣлых мыслей. – Вот так купят на четыре семьи и падут поля вместе. Быстро выходит да ладно.

– Хм, видать, богатеют казачки наши, – ответил Митрофан Спиридонович.

– А я вот как умствую, – продолжил Тишка. – От энтаких трахтуров вреда более чем пользы. Энто ведь какая штука-вина тяжеленная! Она же всю землицу затопчет. А землица, она дышать должна. Нет, лучше коня ничто землицу не вспашет.

Из всех своих многочисленных работников Митрофан Спиридонович имел странную для себя привязанность к одному только Тихону Попову – Тишке. Тот же, в свою очередь, никогда не искал дружбы с Митрофаном Спиридоновичем и не стремился к его расположению. Он просто работал на него. А работал Тишка не разгибая спины, потому что знал: за хорошую работу Митрофан Мищенко щедро платит. Тунеядцам в его хозяйстве места не было. А трудолюбивый Тишка был ещё и предельно честным человеком, оттого-то Митрофан Спиридонович не боялся пускать его ни в своё личное хозяйство, ни в свой дом. А со временем и вовсе так привязался к нему, что уже и любимой охоты без него представить не мог. Бывало, по нескольку дней пропадали они, и никто не видел Митрофана Спиридоновича таким весёлым и жизнерадостным, как за необыкновенными охотничьими Тишкиными байками, когда он только поглаживал свою рыжую бороду да раскатисто смеялся.

Тишка же, похоронивший трёх своих дочерей, в свою очередь, искренне привязался к младшей дочери Митрофана Спиридоновича – Злате. Эта маленькая барыня, княжеская крестница, непоседливая золотоволосая Злата, также тянулась к нему, простому мужику, словно чувствовала его добрую, свободную душу. Даже в поле бегала она за Тишкой и всё крутилась где-то рядом с любимым дядькой. Часто умилённые односельчане наблюдали, как шёл босой мужик по пыльной дороге и, крепко прижав к себе, нёс на руках без-

мерно любимую, но чужую дочь.

Глава 9

Маша Чадина, работница в доме князя Сенявина, проснулась от странного звука, будто что-то потрескивало за стеной. Она затаила дыхание и прислушалась внимательнее. Вроде бы всё тихо: мерно стучат старые ходики, была уже глубокая ночь, во сне храпит вечно пьяный отец, рядом спокойно спит маленький брат Митька, где-то скребётся мышь, за окном шумит ветер. Непогода задалась ещё с вечера, ярко сверкали молнии, а дождь всё не начинался.

Маша давно привыкла, что благополучие в их маленьком бедном доме лежит полностью на ней. Матери своей она почти не помнила. Когда той не стало, Маше было всего семь лет. Отец их, и без того горький пьяница, совсем потерял чувство меры в своей пагубной привычке. Средств к существованию практически не было, но Маша не могла опустить рук: у неё был маленький брат. Она и заменила ему мать: сама кормила, сама купала, пела колыбельные на ночь и всегда сидела рядом, пока он не заснёт. На маленькую девочку легла практически непосильная работа с домом и огородом. Немного повзрослев, десятилетняя Маша стала ещё и полноценно работать на кухне княжеской усадьбы. В помощницы к себе её взяла кухарка Алевтина, добрая женщина, жена Тишки Попова. Хоть труд Маши был тяжёлым, зато теперь она была спокойна: от голода они не пропадут.

Хозяева Машу никогда не обижали, вели себя с ней ласково, но, несмотря на это, в княжеском доме в ней проснулось недоброе чувство. Это было жгучее, всепоглощающее, невыносимое чувство зависти. И с каждым годом, проведённым в усадьбе Сенявиных, оно становилось только сильнее.

Теперь, повзрослев, семнадцатилетняя Маша стала всё отчетливее понимать, что ничего из того, что она каждый день видит в усадьбе и о чём так мечтает, будь то дорогая посуда или шёлковое бельё, картины в золочёных рамах или наряды княгини Ольги, её дорогие украшения, да и просто разносолы на обеденном столе, у неё никогда не будет, даже если она станет работать на княжескую семью круглые сутки не разгибая спины. И вместе с этим Маша была лишена возможности удачного замужества. Бесприданница, она отличалась такой непримечательной внешностью, что в свои лучшие годы совершенно не обращала на себя внимания мужчин. И всё-таки она продолжала надеяться на лучшее. Маша готова была поставить крест на своей жизни, лишь бы устроилась судьба её брата Митьки. Она делала всё, чтобы Митька меньше работал, и у него оставалось больше времени на занятия в церковно-приходской школе. Теперь ему было уже тринадцать лет, и Маша так мечтала, чтобы он устроился в городе.

А Митька всегда старался не огорчать сестру, учился прилежно, хулиганил в меру и в отличие от Маши никогда никому не завидовал. Он вообще не был на неё похож, особен-

но отличался красивой наружностью. Ладный и аккуратный, с яркими васильковыми глазами, так неорганичен он был в своей крестьянской жизни, и так неправдоподобно казалось его крестьянское происхождение. Только сам своей красоты он не замечал и с распахнутой душой принимал жизнь такой, какой она была ему дана со всеми радостями и горестями, не желая ничего больше того, что имел от рождения. Наверное, поэтому он так крепко спал по ночам и всегда видел только хорошие сны.

А вот Машин сон всегда оставался беспокойным и чутким. Не убедившись, что в доме всё в порядке, она бы не уснула. Поэтому, накинув на себя скатавшийся пуховый платок, опустила босые, растоптанные стопы на земляной пол вышла в сени. Шум над головой и гадкий запах гари дали понять, что случилась беда. Соломенная крыша их маленького дома стремительно разгоралась.

Их дом, основа которого состояла из тонкого дерева, вершков двух в отрубе, заплетенного камышом и обмазанного затем глиной, и без того самый бедный в селе, не имевший даже никаких построек на дворе, сгорел настолько быстро, что хозяева его не успели спасти практически ничего из скудного имущества. Теперь, сидя под открытым небом, им только оставалось догадываться, как выживать дальше.

Глава 10

– Положение, Тихон, очень тревожное, – вымыв руки, лекарь взял у Тишки чистое полотенце и продолжил говорить. – Судя по всему, у вашего сына чахотка, и уже давно. Мальчика нужно везти в Воронеж, а лучше в Москву или Петербург. Я понимаю, это далеко и дорого, да и в столице сейчас беспокойно – восстание матросов на «Потёмкине», но ничего другого не остаётся. В деревенских условиях невозможно не только лечение, но и диагноз точно установить трудно. Нужно показывать столичным докторам, и крайний срок – сделать это осенью. Иначе ваш сын может уже и не встать.

– Да как же нам денег-то собрать до осени? – тяжело вздохнул Тишка. – Мы ещё надысь коровку прикупили, пять рублей отдали.

Тишкин сын Васька не спал, но виду не подал, что слышит. Ему тринадцать лет, он болезненно худ и бледен, и вот уже полгода, как харкает кровью. От чахотки уже умерли три его сестры, и по всему было видно: теперь его очередь. Но Васька был не из тех, кто сдаётся – он всегда боролся до победного конца. Он выплывал из омута, когда был совсем ребёнком и практически не умел плавать, он, худой, сухощавый мальчик, побеждал сильных ребят даже в самых отчаянных мальчишеских драках. Однажды он уже поборол болезнь, и пусть она оставила непроходящую, испортившую

его лицо память, какое ему до этого дело, главное, что он сумел тогда победить и выжил. Сумеет и теперь, даже если родители не смогут найти денег, чтобы отвезти его в город. Единственное, на что он не рассчитывал, так это на ошибку лекаря: Фарух практически никогда не ошибался.

Как занесло этого человека в Богоявленское, никто не знал, просто однажды среди них появился яркой восточной наружности мужчина, с неслыханным до сей поры именем Фарух. И неслыханным врачебным даром. Поговаривали, что он даже учился в Московском университете, но по какой-то причине был вынужден покинуть его, едва окончив первый курс. Но как бы там ни было, к Фаруху быстро привыкли. Многие в Богоявленском относились к нему едва ли не как к святому, умеющему исцелять любые недуги, напроць позабыв о том, что в Христа он не веровал.

Фарух и впрямь был талантливым лекарем и добрейшей души человеком. Он всегда оказывался там, где нужна помощь. Требуется ли лечение тяжелобольному односельчанину, Фарух тут, как тут. Нужно ли вскопать огород одинокой старухе, снова Фарух приходит первым. Просит ли приютить одинокий путник, двери в дом открыты. Все искали помощи у Фаруха, а он часто и платы не брал за работу, считая своим долгом помогать нуждающимся. Многие в Богоявленском сочли, что и женился он от непомерного добродушия. А иначе как было объяснить, что в доме его на правах хозяйки обосновалась дважды вдова, прескверная бабёнка Ка-

питолина, отличавшаяся крайне лёгким нравом, да ещё и в весьма затруднительном для не первый год вдовевшей женщины положении? Вновь пришёл на помощь, прикрыл срам, не иначе, говорили односельчане. Каково же было их удивление, когда выяснилось, что родившаяся Полина и впрямь его дочь.

Так Фарух и Капитолина зажили одной, хотя и невенчанной, семьёй. Это неприкрытое сожителство стало первым небывалым случаем для патриархального Богоявленского, но никто не посмел кинуть в их сторону и косога взгляда. Все продолжали любить Фаруха за доброту, отзывчивость и верить в его врачебный дар. Вот и в случае с Васькой, сыном Тишки Попова, Фарух забил тревогу очень своевременно.

К великой радости Поповых, деньги у них появились гораздо раньше, чем они рассчитывали. Тишке, как это уже не раз бывало, помог Митрофан Спиридонович Мищенко, и осенью Ваську отправили в Москву.

Через всё село бежали за повозкой по расхлябанной осенней дороге верные Васькины друзья: Мищенко Арсений и Чадин Митька, словно провожали они друга на недавно отгремевшую Русско-японскую войну.

– Эх, поскорее бы он возвратился, – с грустью произнес рыжеволосый Арсений.

– Ага, нам друг без друга никак нельзя, – с уверенностью вторил ему Митька.

Так и стояли они под мелким осенним дождём, провожая

взглядом повозку, увозящую их друга в далекую Москву, пока не увидели движущийся в их сторону экипаж.

– Глянь-ка, какая карета! Кажись, даже у нашего барина такой нет, – удивился Митька.

– И то верно, – ответил Арсений. – К нам ли, иль проездом?

Поравнявшись с мальчишками, экипаж остановился. Не спеша из него вышел красавец подполковник в опрятном мундире, с Георгиевским крестом 4 степени и орденом Святой Анны 3 степени на груди и, немного оглядевшись, обратился к мальчишкам на странно произнесённом для них русском языке:

– Добрый день, господа! Как мне проехать к усадьбе князя Сенявина?

Глава 11

Готика развивалась в странах, где господствовала католическая церковь, и под её эгидой феодально-церковные основы сохранялись в идеологии и культуре всех западноевропейских жителей. Идеальным окружением готического замка становилась и пейзажная среда английского парка. Именно в таких традициях была выдержана и усадьба Сенявиных. Наверное, поэтому, немец по происхождению, Михаэль Нейгон мгновенно влюбился в неё.

– Отчего же вы не известили нас о своём приезде? Мы подготовились бы как подобает. Знаете, я так благодарна вам. Ведь вы, можно сказать, спасли моего сына и мужа во время восстания в Петербурге.

Ольга Андреевна обворожительно щебетала, кокетливо заглядывая в глаза неожиданному гостю. Она была как всегда бесподобна. Богатое тёмно-малиновое платье, роскошь которого дополняла необыкновенной красоты брошь из красного золота розового оттенка с драгоценными камнями в виде летучей мыши, сидело на её фигуре идеально, а длинные белокурые волосы, уложенные в сложную японообразную причёску, говорили о том, что и вдали от столиц она не отставала от модных тенденций и оставалась истинной светской барышней. Но Михаэля её щебетанье сейчас только утомляло, и Петр Иванович, понимающий друга даже по

взгляду, обратился к жене:

– Ольга, проверь, всё ли в порядке на кухне.

Перечить мужу Ольга Андреевна по обыкновению не стала и сразу удалилась. Петр Иванович деликатно поцеловав супруге руку поспешно проводил её.

– А что, Петя, такие причёски нынче в моде? – тихо спросил Михаэль, провожая взглядом Ольгу Андреевну.

– К сожалению, Михаэль, – с грустью ответил Петр Иванович, приглашая друга за бильярдный стол. – Нынче модно сочувствовать врагу, слать поздравительные открытки его императору.

– Невозможно передать, Петя, как тяжело воевать, когда у тебя в тылу царит такое предательство. Остаётся только догадываться, что это повлечёт за собой.

– Но не будем о либеральной элите. Будем уповать, что эти меньшинства – лишь временное явление.

– Верно, – поддержал друга Михаэль, разбивая пирамиду.

– Когда не стало Василия Саввича? – спросил он, переменяя тему.

– На масленицу, царствие ему небесное! – ответил Петр Иванович, троекратно перекрестившись, глядя на образа.

– Жаль! Очень жаль! Он был хорошим человеком. А что внука его к себе забрал, правильно. Я знал Настю – с такой матерью ему было бы хуже.

– А знаешь, Егор моментально прижился в нашем доме. Особенно его полюбил Андрей. Теперь все его письма из Пе-

тербурга скорее адресованы Егору, нежели нам.

– Ничего удивительного, Петя, теперь у Андрея появился младший брат, – улыбнулся Михаэль.

– Верно-верно, – улыбнулся в ответ Петр Иванович. – Ну а ты, как я вижу, уже подполковник?

– Да, – застенчиво опустил глаза Михаэль, словно стесняясь своей успешной военной карьеры перед другом. – Но, к счастью, война закончилась, – с облегчением добавил он. – Хотя о Портсмунском мире я узнал уже в дороге.

– Ну что же, в газетах констатируют, что при поддержке Рузвельта Витте удалось добиться приличных условий мирного договора.

– Действительно? Как хорошо, что я не читал этих газет. Рузвельт тут ни при чём. Япония была слишком измотана войной и желала мира не меньше, чем мы. К концу войны японцы несли такие огромные потери, что активности уже не проявляли. Былого подъема у них не было. Япония оказалась совершенно истощена. Исчерпала она и людские ресурсы. Представь себе: среди пленных нам встречались даже старики и дети. Я видел всё это собственными глазами. А то, что Россия уступила Японии южную часть Сахалина, арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, а также признала Корею японской зоной влияния, я бы приличными условиями не назвал. Этот «мир» даёт Японии право претендовать на звание великой державы.

– Но, тем не менее, насколько мне известно, многие в Японии были не довольны мирным договором. Они ожидали получить больше территорий. Отчасти их притязания оправданны: первое время война проходила отнюдь не в нашу пользу, о чём в своё время говорил мне и ты. Посуди сам: ещё до официального объявления войны японские миноносцы атаковали корабли нашего флота в Порт-Артуре, чем на долгое время вывели из строя лучшие русские броненосцы и крейсер «Паллада», затем сражение при Мукдене, которое уже окрестили крупнейшим сухопутным сражением в истории. Наши войска за три недели потеряли почти девять тысяч человек и все равно оставили Мукден. И, невзирая на всё это, переговоры походили более на соглашение равноправных сторон, чем на договор, заключённый вследствие неудачной войны.

– Да-да, всё верно. И всё-таки все эти неудачи, о которых ты говоришь, вызваны более тем, что мы не могли использовать на столь удалённых от центра территориях весь свой потенциал. Соотношение сил на театре военных действий складывалось, увы, не в нашу пользу. К моменту атаки наших кораблей в Порт-Артуре, о которой ты говоришь, друг мой, наши войска насчитывали девяносто восемь тысяч человек, Япония же заявляет о трёхстах семидесяти тысячах со своей стороны. Те же пропорции и в вооружении. Разумеется, что в начале войны мы терпели неудачи. Да что там, даже к концу войны мы могли задействовать не более трид-

цати процентов своей постоянной армии. И тем не менее к моменту заключения мира количество бойцов увеличилось весьма значительно. Также армия усилилась и технически. Но Куропаткин мобилизовал все эти силы неверно, выбрав тактику максимального истощения японской армии.

– Если я верно понимаю тебя, Миша, ты считаешь, что мы могли продолжить войну и закончить её победой?

– Да, Петя!

– Даже невзирая на незавершённость военно-стратегической подготовки, колоссальную удалённость театра военных действий от главных центров страны и чрезвычайную ограниченность сетей коммуникаций?

– Все эти сложности за год мы практически преодолели.

– Но не преодолели главного, – взяв трость, Петр Иванович отошёл от бильярдного стола.

Подойдя к двери, он плотно закрыл её створки и, понизив голос, с тревогой добавил:

– От решительных действий на фронте наше командование вынуждено было отказаться из-за начавшейся в стране смуты. После того страшного воскресенья антиправительственные настроения нарастают как снежный ком. По всей стране стачки. Дошло до того, что в начале месяца произошла и политическая забастовка. Бастуют даже госбанк и министерства.

– Слышал, – тяжело вздохнув, ответил Михаэль. – Возвращаясь домой, я проехал всю страну – и вся страна гудит,

– почти шёпотом добавил он.

– В таких условиях затягивать войну стало бы слишком опасным предприятием.

– У правительства есть только один способ остановить всё это – ограничить монаршую власть.

– Государь не допустит, – уверенно ответил Петр Иванович.

Будучи убеждённым монархистом, он даже слышать не желал об ограничении самодержавия, полагая, что любые изменения в политической системе повлекут за собой цепочку уступок, уничтожившую в итоге как монархию, так и империю в целом. Михаэль же, напротив, видел будущее России конституционным и желал скорейших реформ сверху, пока их не начали снизу. Но, невзирая на разнящиеся методы, целью оба друга видели благополучие и процветание России без насилия и крови.

– Боюсь, что у государя не осталось другого выбора, кроме реформирования политической системы, – ответил он.

– А знаешь, Петя, – немного помолчав, добавил Михаэль. – Я всё-таки рад, что война не была продолжена. Войну можно было бы вести до победного конца, но сколько ещё человеческих жизней стоило бы положить на алтарь этой победы? Десять, двадцать тысяч? И это только ежели малым числом считать! Не слишком ли это высокая плата? Да, быть может, тогда в памяти потомков эта война осталась бы в ином свете, и всё равно я убежден: такую плату нельзя оправдать.

Я немец и до этой войны знал русский народ очень мало, имея общение всё больше с дворянством, с офицерством. Как я был далёк от подлинного лица русского человека, русского солдата. Эта война открыла для меня его, когда плечом к плечу я прошёл с ним такие испытания, что и вообразить было нельзя. Сколько тягот, сколько лишений пришлось вынести. Совершая тяжелейшие переходы по сопкам в дождь, в снег, когда пронизывающий ветер так силён, что сбивает с ног на обледенелой земле, но никто из моих солдат не роптал, никто не спросил, зачем он здесь в такой дали от дома, за что проливает кровь? Раз родина послала, говорили они, значит надо!

Закурив папиросу, Михаэль погрузился в воспоминания:

– Это было в февральских боях под Мукденом. Наш полк был разделён на два отряда, мы прикрывали отступление 1-го армейского корпуса, когда японцы прорвали расположение наших войск у деревни Киузан. Мы оказались под шквальным огнём. Ни поддержки, ни резервов. Лежать под обстрелами было несладко, я понимал, что нужно спуститься к реке и перебраться на другую сторону. Но ясного отчета, как это сделать, я себе не отдавал, просто перебежал к солдатам и, крикнув «за мной», вошёл в реку. А она будто кипела – так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри. Первых переведённых людей я устроил и вернулся обратно, чтобы перевести остальных. Так переходил реку ещё дважды. Вернувшись в очередной раз, я встретил тяжелора-

неного командира полка и подполковника, так я понял, что остался в полку старшим. Я понимал: на меня легла очень тяжелая нравственная ответственность. Мне необходимо было собрать остатки отряда, выстроить эту массу людей в колонну, развернуть штыки. Но как, когда эта масса по крику одного «японцы бьют», поворачивала назад. И так несколько раз. Нервы были взвинчены страшно. Я чувствовал, что, поверни солдаты ещё раз назад, и я инстинктивно подчинись её влиянию. Но был в этой массе кавалерист, помню его так ясно, будто вчера. Почти мальчишка, худой, шинель распахнута. Под ним убило лошадь, а он хоть бы что, стреляет в воздух, останавливая толпу. Столько сил мне придала его отвага. Вместе нам удалось собрать остатки офицеров, выставить их впереди и сзади колонны, чтобы удерживать бойцов от поворота. Только благодаря этому решению солдаты стали подниматься на сопку, пошли в атаку. Уже сильно стемнело. Не доходя до японских окопов, я был свален ударом пули. Я пролежал несколько минут без памяти, а затем был подхвачен тем самым кавалеристом. Его лицо было залито кровью, а он меня взвалил себе на спину, так и тащил до санитарного обоза. Как его звали? – потирая лоб, пытался вспомнить Михаэль. – Как же его звали? Алеша! Да, Алеша! Серебрянов Алексей. Клянусь, я разыщу его и непременно вас познакомлю.

– Что же из всего этого следует? – спросил Петр Иванович.

– Я всё чаще вспоминаю то кровавое воскресенье. Корю себя без меры. Клянусь, я больше никогда не поверну оружие на русского человека. И, что бы ни произошло, встану на его защиту.

Петр Иванович слушал друга и наблюдал в нём произошедшие перемены. Михаэль за этот год на войне сильно изменился. Он стал сентиментальнее, чем был прежде, строже. Под влиянием общения с сослуживцами сильно изменилась даже его речь. Прожив в России четырнадцать лет, только теперь в разговорах он стал реже переходить на немецкий, хотя в волнении всё ещё изъяснялся на родном языке. И всё-таки лексикон его сильно изменился, всё более и более пополняясь лучшими речевыми оборотами уже русского языка. Петр Иванович обратил внимание, что Михаэль словно постарел, хотя и оставался по-прежнему хорош собой.

Петр Иванович обернулся на стук в дверь. В кабинет вошла Маша.

– Кушать подано! – произнесла она.

– Погорелица, – сказал вслед уходящей служанке Петр Иванович. – Её изба сгорела в начале лета, – продолжил он. – С тех пор приютились под крышей моего дома.

Петр Иванович и сам не смог бы объяснить, для чего поведал другу о беде своей юной служанки. Просто в душе и он был неравнодушен к судьбе простого русского человека. И оказывал помощь нуждающимся по мере своих сил.

– А впрочем – партия! – улыбнулся Петр Иванович, по-

хлопав друга по плечу. – К тому же ты, должно быть, ужасно голоден. Разреши пригласить тебя за обеденный стол.

Глава 12

Не успел остыть след от кареты покинувшего Богоявленское Михаэля Нейгона, как в селе появился новый человек.

1905 год подходил к концу. Богоявленское вновь занесло снегом. Пальцы Алевтины Поповой, Тишкиной супруги, быстро передвигали спицы. Потрескивала лучина, кидая на стены причудливые тени. Уходящий год принёс много несчастий и империи в целом, и Богоявленскому в частности, и семье Поповых в отдельности. Но последние несколько дней они пребывали в добром расположении духа. Случилось чудо. Прославленный московский хирург, осмотрев их сына Ваську, нашёл, что никакой чахотки нет, а есть небольшая сердечная недостаточность. Теперь в их доме вновь воцарилось спокойствие.

Васька, как ни в чём ни бывало забравшись на чердак, выстраивал из подаренных Митрофаном Спиридоновичем Мищенко оловянных солдатиков любимые сюжеты военных поединков разных лет. А за окошком чердака светила луна, и весь двор был как на ладони: сугробы, протоптанные между ними дорожки, длинная синяя тень от колодца. Вдруг Васька заметил, что по направлению к их дому движутся сани, запряженные старой лошадёнкой. Он без труда узнал в них своего воронежского крестного отца Архипа.

– Батя, крёстный едет! – бегом спустившись с чердака,

крикнул он отцу.

– Какая нелёгкая его принесла, на ночь-то глядя? – посмотрев на старые ходики, сказал Тишка своей Алевтине.

Но на пороге уже стояли два человека, запорошенные снегом. Один из них, чернявый мужичок, воронежский кум Тишки – Архип. Второго Тишка видел впервые.

– Здорово, кум! – сказал Архип.

– Здорово, коль не шутишь! Откель ты взялся, да ещё в такой час? – ответил Тишка.

– А у нас вот с товарищем дело к тебе есть, – натянуто улыбнулся Архип.

– Ну, проходите в хату, коли так.

Дом у Тишки был хоть и маленький, но очень аккуратный, держался Алевтиной в отличной чистоте, и гостей она встречала, как подобает доброй хозяйке.

– Товарищ вот мой ещё по сельскохозяйственному училищу, – представил друга Архип за уже щедро накрытым столом, – Марк Вацлавич. Золотой человек, и руки у него золотые. Сам из Москвы, образованный, а от работы никогда не бегаёт, затем и сюда приехал. На вашем заводе ему цены не будет.

– Ну, про то не со мной, с Митрофаном Спиридонычем гутарить надобно, – поняв, что Архип стремится устроить Марка Вацлавича на княжеский сахарный завод, ответил Тишка.

– Вот ты и погутарь, – строго ответил Архип. – Говорю

же, цены ему нет.

– Ладно, кум, – смирился Тишка, – погударю. Ежели и впрямь так хорош, как ты сказываешь, то Митрофан Спиридоныч не обидит, и избу поставить подсобит, а покуда пушай у нас похарчуется. Образованный человек нынче в цене.

– Ну, вот и спасибо тебе, кум. На том и порешили. А мне ехать надобно, засиделся я у тебя.

У Тишки к куму было много вопросов, которые за столом он не задал, чтобы не смущать гостя, но, провожая Архипа у ворот, всё-таки спросил:

– Дело-то у вас, как я погляжу, пустяшное, что же до утра не погодили? Среди ночи примчались, кубыть воры какие.

– Да нет нужды мне с твоим соседом-благодетелем видаться, – ответил Архип, указывая на дом Митрофана Спиридоновича. – Вот и приехали ночью.

– А что это Марк твой из Москвы уехал, коли ценный такой? – всё не унимался Тишка.

– А беспокойно там нынче, – нехотя ответил Архип.

– Ой, смотри, кум Архип, не навлеки беды на мой дом.

– Но-о! – ничего не ответив, Архип стегнул свою лошадинку, и та медленно потащила его по глубокому снегу.

– Бывай, кум! – только и крикнул Архип, скрываясь в ночи.

А в Москве действительно уже несколько дней гремело вооруженное восстание. Оттого-то Тишка и беспокоился, что же за человек этот Марк Вацлавич. И отчего на самом де-

ле он уехал из древней столицы. Всё присматривался к нему, всё пытался понять, от восстания ли он бежал или от тех, кто это восстание подавлял.

Глава 13

Но вот минул месяц с той зимней ночи, за ним второй, а в Богоявленском жизнь шла по-прежнему тихая и размеренная. Все Тишкины опасения относительно своего жильца не подтвердились. Вёл себя он смирно, самогонки не любил, по хозяйству всегда помогал, а свободные вечера проводил за чтением книг.

Словом, в Богоявленском Марк Вацлавич Садилек прижился быстро. На завод его Митрофан Спиридонович принял, там он, образованный и непьющий, пришёлся как нельзя кстати. Митрофан Спиридонович часто даже хвалил его и ставил в пример остальным работникам, хотя и продолжал приглядываться к нежданному гостю. Но все остальные богоявленцы приняли Марка Вацлавича с распростертыми объятиями, сразу к нему потянувшись. Ведь всё даже в его внешности располагало к себе. Высокий, сухощавый Марк Вацлавич походил скорее на университетского профессора. Он всегда был чист и опрятен, носил аккуратно постриженную бородку и непременно следил, чтобы красиво на голове лежали густые тёмно-русые волосы, для чего постоянно имел при себе гребень, которым причёсывался, снимая картуз, войдя в дом или на завод, после порыва ветра или перед общением с женщиной. Карикатурно смотрелся только его длинный нос, что, впрочем, лица его почти не портило, осо-

бенно в сравнении с наивными, почти детскими глазами.

Марк Вацлавич был не только начитан, но и сердоболен. Всегда внимательно относился к односельчанам, оттого-то они к нему тянулись. Кто за советом придёт, кто за помощью, а кто и просто излить душу в минуту печали. Никому Марк Вацлавич не отказывал. Особенно поддерживал он тех, кто в жизни отчаивался. Всегда умел найти нужные слова. А уж как дети его любили, так и сказать нельзя. Особенно прикипел к нему Васька Попов.

Живя в одном доме, много времени уделял Марк Вацлавич Ваське. Читал ему книги, водил на рыбалку, мастерил с ним поделки. Тишка даже обрадовался такому участию в воспитании сына, проявленному своим жильцом. Сам он постоянно на работе в хозяйстве Митрофана Спиридоновича, Алевтина на барской кухне, а Васька оставался предоставлен сам себе. Зачастил в гости к другу и Митька Чадин. Каждый вечер проводили мальчишки с Марком Вацлавичем, а он с удовольствием рассказывал им о разных городах и где как людям живётся.

– И ведь сколько же ты, Марк Вацлавич, за жизнь свою повидал! Ну, хучь книжки пиши, – дивились и взрослые.

– Да, друзья, пришлось по стране поездить. И что примечательно – везде мужику тяжело приходится! Повсюду справедливости нет!

– Что правда, то правда, – вторили мужики. – Взять хучь наше Богоявленское. Кому у нас лучше всех живется? Бари-

ну Сенявину да кровососу Мищенко. А ты хучь помри, ба-трача на них, один чёрт все без толку.

У торговой лавки с недавних пор часто стали собираться мужики по вечерам. Март – месяц скучный, особенно на селе, вот и повадились местные мужики сидеть вечерами на скамейках у единственной торговой лавки в селе и вести долгие задушевные разговоры. За то их даже жёны не бранили, так между собой и говорили: «Нехай погутарят, зато не пьют».

– Это правда, несправедливости много, – отвечал мужикам Марк Вацлавич. – Но разве причины этой несправедливости кроются только в обстоятельствах? Нет, товарищи. Причина кроется и в нас самих.

– Это как же? – удивились мужики.

– А вот взгляните-ка хотя бы на Гаврилу, – ответил Марк Вацлавич, обращая внимание на местного пьяницу Гаврилу Чадина. – Ведь он с утра уже пьян. Такая слабость ни за что не позволит взять судьбу в свои руки. А ведь наша судьба, товарищи, только в наших руках.

– Ну, с его-то судьбой давно всё ясно, – ответили мужики. – Падший человек.

– Это неправда, – не согласился Марк Вацлавич. – Человеку особенно тяжело справиться с невзгодами в одиночку. А когда люди помогают друг другу, тогда и со всякой бедой справиться легче.

С этими словами Марк Вацлавич вызвался довести едва

стоявшего на ногах Гаврилу до дома. Была уже ночь, и мужики стали понемногу расходиться.

В усадьбе князя Сенявина было темно, и только в маленьком окошке в полуподвальной комнатке, где жила прислуга, горел свет. Марк Вацлавич тихонько постучал в окно.

Это не спала Маша. Она уже привыкла не засыпать до тех пор, пока не вернётся отец. Если же к утру он не возвращался, она одевалась и сама отправлялась искать его по селу. Сколько раз он мог окоченеть, заснув на улице в стужу, или захлебнуться, упав в стойло к лошадям на княжеской конюшне, в которой работал конюхом. Но этого не случилось лишь потому, что Маша всегда находила его раньше.

– Спасибо вам, Марк Вацлавич! – сказала она, выйдя на стук в окне.

– Что же ты, Марьюшка, в такой час не спишь? – спросил Садилек, запустив в волосы свой гребень.

– Да как же заснуть? – с грустью ответила Маша, кивая на отца.

– А вы всё у барина ютитесь? Не пора ли себе новую избу ставить? – с участием спросил Марк Вацлавич.

– Пора, Марк Вацлавич. Да как же нам с братиком Митенькой вдвоём избу поставить? Кабы батя хоть с недельку не пил, могёт, как-то и управились бы.

– Неужто помочь некому? – удивлся Садилек.

– Да кто же поможет? У каждого своё.

– Ну, не горюй, Марьюшка, будет вам к лету изба, – сказал

Марк Вацлавич и так ласково посмотрел Маше в глаза, что нельзя было ему не поверить.

Заснуть в эту ночь Маше так и не удалось. Так тепло стало у неё на душе от разговора с Садилеком. Впервые встретился человек, с участием отнёсшийся к ней. До самого утра она думала о нём. Каким замечательным он ей показался. Как он на неё смотрел, как ласково и тепло называл Марьюшкой. Голос Марка Вацлавича продолжал звучать у Маши в ушах. Нет, так ласково её ещё никто не называл, а как добр он к ним.

«А могёть, и впрямь приглянулась я ему? Могёть, услышал Господь мои молитвы и послал мне в утешение друга сердешного?» – подумала Маша, положив руку себе на грудь.

И захолонуло её сердце от этих мыслей.

– Господи! – взмолилась она. – Не оставь меня! Господи, только б всё это было взаправду.

Глава 14

В ясном летнем небе над Богоявленским раздался воскресный трезвон. Звон ударов в разные колокола одновременно в три приёма с паузами между ними говорил об окончании воскресной литургии.

Церковь Иоанна Богослова с находившимся вокруг неё Сенявинским кладбищем, построенная некогда Алексеем Наумовичем, на каждой литургии была полна людьми, и никогда ни одной службы не пропускала семья Сенявиных. Вот и сейчас первой из церкви выходила княжеская чета со старшей дочерью Верой. Петр Иванович всегда останавливался на паперти, раздавал милостыню, общался с богоявленцами, выслушивал их жалобы, просьбы, рассуждал споры. Петр Иванович был почитителен со своими односельчанами, прост в обращении, оттого местные мужики и уважали его, обращались за помощью и советом. Любили князя и сельские молодки. Петр Иванович был ещё молод, хорош собой и часто ловил на себе их восторженные взгляды. Ольгу Андреевну же за холодность и надменность богоявленцы так и не приняли. А вот расцветающую не по годам двенадцатилетнюю Верочку любили. Её ещё не распустившаяся красота уже сейчас заставляла окружающих смотреть на неё с благоговением и придыханием. Старейшины села ещё помнили её благородную прабабку, фрейлину двора, красавицу Александру

Васильевну, и отмечали в Верочке неповторимое сходство с ней. Но уже сейчас надменный взгляд Верочкиных черных глаз говорил о недостижимости этой совершенной красоты.

Последней из церкви выходила Маша. Дольше всех и яростней всех молилась она на литургии. Как неистово вымаливала Маша себе простого бабьего счастья, знала только она одна. Какие клятвы давала, какие жертвы готова была принести, Маша никому не говорила. Вспыхнувшая вдруг любовь к Марку Вацлавичу её и пугала, и дарила надежду. Не зная ни любви, ни заботы, услышав ласковое слово и почувствовав доброе отношение к себе в ту мартовскую ночь, Маша искренне и открыто потянулась к нему. И Марк Вацлавич не обманул её надежд. Приласкал, обогрел своей любовью. Вот и молилась теперь Маша, чтобы не спугнуть своего счастья.

Выходя из церкви, она несла свою любовь в сердце, будто воду в кадке, боясь расплескать, а стоявшие у церковных ворот и наперебой рассказывавшие друг другу последние сплетни бабы, завидя её, мгновенно умолкли.

– Здравствуйте, тётечки! – еле слышно поздоровалась Маша, поравнявшись с ними.

– Здравствуй, Машутка! – единственная ответила ей добрая баба Алевтина Попова.

– Вот бесстыжая! – понеслась ей вслед брань остальных баб.

– И как только в церковь нос казывать не совестно? – не

унимались они. – Уж который месяц с Садилеком невенчанная живёт. Тот-то хучь в церковь не ходит, видать, признаёт грех свой.

– Ой, бабоньки, – услышав их разговор, подбежала попадья, – гутарят по селу, кубыть, Марк Вацлавич во Христа и вовсе не верует, потому и не венчается с Манькой нашей.

– Будет брехать-то! – вступилась за Машу Алевтина Попова. – Вон Капитолина с Фарухом всю жизнь в грехе живут и ничего. Девка, могётъ, счастье своё нашла? Сколько на её долю-то уж выпало! А Марк Вацлавич – золото, а не мужик! Не пьёт, не бьёт, избу помог поставить да и брату Митьке, почитай, отцом стал! С Гаврилой-то, пьянчугой, человеком коли вырастешь?

– Глянь-ка, бабы! – всплеснула руками попадья, и все обернулись.

Трое солдат-богоявленцев, остановившись у церкви и отерев вспотевшие лбы снятыми фуражками, трижды перекрестились, подняв глаза на купол церкви. Свинцовая тишина повисла в воздухе, и только крик взлетевшей на ветки деревьев стаи ворон нарушил её. Будто выкрикивали чёрные птицы имена тех, кому не суждено было вернуться домой с войны и ещё хотя бы раз поднять глаза на купол церкви и мирное небо над головой.

А вечером этого же дня в только что поставленном доме Марка Вацлавича Садилека и Маши собрались гости на новоселье. В маленькой хате шумели, веселились, и от сига-

ретного дыма резало в глазах. Маша суежилась вокруг стола, то поднося, то убирая посуду. Гостей она угощала борщом, пирогами с рыбой, оладьями и варениками, а еще поставила на праздничный стол бутылку самогона да бутылку браги. И, невзирая на все сплетни и пересуды, она была наконец-то счастлива. Сколько ей пришлось пережить невзгод, сколько слёз пролить долгими бессонными ночами, и вот к ней всё-таки пришло это простое, бабье счастье. Марк Вацлавич стал ей и мужем, и отцом, и верным другом. Он был старше на восемнадцать лет, оттого-то она безоговорочно верила ему и никогда не перечила. И что с того, что отказывается он венчаться? Пускай. Значит так оно и нужно. И в самом деле, не захочет же он для неё зла. Да Маша и сама уже стала всё чаще и чаще задумываться: а может, и впрямь никакого Бога и вовсе нет?

А как радовалась Машино сердце, когда наблюдала она Марка Вацлавича с братом Митькой. Как читал он с ним книги, учил счёту, как ласково называл сынком. Вот и сейчас он не отпускал Митьку от себя, крепко обняв за курчавую голову.

Несмотря на то, что стрелки ходиков показывали полночь, гости всё не расходились. Разговоры текли ручьем, и уже изрядно пьяные мужики всё никак не могли угомониться. Пришли в гости и вернувшиеся с фронта солдаты, потому много говорилось о войне и о неопределенной жизни после неё.

– Нагляделись мы на энтого япошку, – говорил корена-

стый солдат с пустым рукавом. – Он хучь из себя и хилый, а воевать умеет. Всыпали нам по первое число.

– Будя брехать, – перебил его второй солдат. – По первой, могётъ, и всыпали, ну а посля уж мы перед ними в долгу не остались.

– Ну, с войной всё понятно, – перебил Марк Вацлавич. – А теперь, после войны, как жить полагаете?

– Чего уж тут полагать, Марк Вацлавич? – отвечал коренастый калека. – Мне вот разве что пропадать и остаётся. Оно-то, конечно, работы вокруг хучь отбавляй, да только прикидывал я, как вернусь к Митрофану Мищенко в хозяйство наняться. А нынче так рассудил: я ему и здоровый не шибко-то был нужен, а тепереча увеченный и подавно не сдался.

– Его бы на войну, рыжую морду, – поддержали калеку мужики. – А то ишь, отъел себе брюхо за нашими спинами.

– Эх, слава казачья, а жизнь собачья! – с горечью бросил калека.

Неудачная война и возрастающая агитация революционных партий резко усилили антиправительственные настроения среди населения и придали людям невиданной прежде смелости.

– Да, товарищи, сегодня современное общество являет собой бесчеловечную среду, которая порождает социальные неравенства.

Марк Вацлавич заговорил, и все гости затихли, словно заколдованные. Внимательно мужики вслушивались в его

речь, стараясь не упустить ни слова. Такое почтение и интерес вызывал у них этот человек, который в отличие от барина не ограничивался снисходительным общением после литургии, а всегда присутствовал рядом и на заводе, и у торговой лавки, приглашал в свой дом, ел из одной миски, пил тот же самогон.

– И всё это диктует власть государства, – продолжал говорить Марк Вацлавич. – Власть, из-за которой человек подавлен и не может быть свободным в его буржуазном обществе. Но несправедливости должен быть положен конец, и на смену этой жизни должна прийти жизнь новая, которая будет создана людьми сознательными, то есть нами.

– Гутаришь-то ты, Марк Вацлавич, верно, – после некоторого молчания сказал калека-солдат. – Да только как это устроить?

– Всё, товарищи, зависит от нас с вами, – и Марк Вацлавич жестом попросил всех придвинуться ближе друг к другу.

Долго ещё в окнах его хаты не погаснет свет, так же, как и в окнах дома Митрофана Спиридоновича Мищенко.

Митрофан Спиридонович всегда поздно ложился спать, большое хозяйство не давало расслабиться. Его голову занимало множество мыслей о заводе, о необъятных пшеничных полях и о собственном доме. Но больше прочего его мысли занимали собственные дети. Это о них он думал, наживая своё богатство, чтобы всем троим, в будущем было легче, чем когда-то ему самому. Чтобы ни в чём не знали они

нужды, чтобы не пришлось им унижаться, служить кому-то или преступать закон. Чтобы не пришлось им поступаться ни своей совестью, ни своей честью, как не единожды приходилось ему самому.

Невзирая на строгое воспитание, Митрофан Спиридонович до смерти любил своих детей. Часто среди ночи, прежде чем уснуть, он приходил к ним в комнату и подолгу сидел у их кроватей, с нежностью наблюдая, как беспечно спят его золотоволосые чада.

Сидя у кровати маленькой Златы, Митрофан Спиридонович тяжело вздохнул и потупил взор. Больше остальных его душа болела о ней. Что же вырастет из этой непоседливой, бедовой девочки? Как уберечь её от опасностей, которые будут подстерегать в будущем? Но, что это? Взгляд Митрофана Спиридоновича остановился на хорошо освещенной лунным светом кровати Арсения. Что за непонятный листок бумаги торчит у него из-под подушки? Митрофан Спиридонович осторожно достал его и развернул перед зажженной свечой. От прочитанного у него подкосились ноги. В листовке писалось: «Первая крепость, которая стоит на нашем пути и которую мы должны разрушить, – это царское самодержавие; наша первая победа – это русская республика!»

Глава 15

«... это русская республика», – дочитав пропагандийскую листовку воронежских большевиков, Петр Иванович брезгливо вернул её Митрофану Спиридоновичу.

Уже которую неделю в Воронежской губернии стояла удрушающая жара, а в «аглицком» парке Сенявиных было прохладно и дышалось легко. Щебетали птицы, старый садовник, не торопясь, постригал кусты, тихо напевая себе что-то под нос. Петр Иванович внимательно огляделся: по лужайке с маленьким Егором бегала белокурая Ксюша. Озорная, она срывала большие охапки цветов и как можно выше подбрасывала их в воздух. Возле пруда в лиловом платье стояла красавица Вера и в задумчивости кормила белых лебедей, а Ольга Андреевна, укрывшись от солнца широкополой ассиметричной шляпой, зачитывала ей что-то из маленькой книжечки, но Вера её, кажется, не слушала. О чём она думала, опустив в воду угольки своих черных глаз? Верины мысли всегда оставались тайной, даже для родителей. А ещё в доме со дня на день ждали приезда из Петербурга Андрея. За год в семье все очень соскучились по любимому сыну и брату. И вот в эту идиллию, словно ураган, ворвались революционные идеи.

– Неужели и в наше тихое Богоявленское пришли эти аграрные безобразия? – с грустью произнес Петр Иванович. –

Как же мы это проглядели?

– Да что теперь об этом гутарить, Петр Иванович? – встрепенулся Митрофан Спиридонович. – Надо что-то делать!

Петр Иванович задумался, ничего не отвечая. Потом ещё раз оглядел свою семью и с жаром в голосе спросил:

– За жандармами посылал?

– Ещё ночью.

– На кого думаешь? – спросил Петр Иванович, и взгляд его сделался решительным и грозным.

– Да что тут думать? – взбодрился Митрофан Спиридонович, будто только и ждал этого вопроса. – Садилек воду мутит! Я за ним, сукиным сыном, давно примечаю.

– Уверен?

– Петр Иванович, дорогой, он это, и к бабке не ходи! Я надысь из Сеньки свою всю душу вытряхнул, а дознался. Гутарит, кубыть Митька Чадин, гдей-то нашёл. А где ему найти, поразмысли-ка? И Гаврила, отец его, пьянчуга, нести стал неподобное.

– Ладно, Митрофан Спиридонович, поступай, как считаешь нужным, не мне тебя учить. Только чтобы тихо! Наша губерния и без того первая по числу крестьянских выступлений. А то ещё, не приведи Господь, бунт поднимут.

– Дай-то Бог, чтобы не случилось, – и Митрофан Спиридонович вслед за князем трижды перекрестился. – А то мужички нынче смелые стали.

Но утаить случившееся так и не удалось. Жандармы обыс-

кали едва ли не каждый дом и допросили большую часть богоявленцев, не исключая детей. Первыми задержали Машу Чадину с отцом Гаврилой. Среди задержанных, на удивление многих богоявленцев, оказался и Тишка Попов. У его дома собралось много зевак. Задержание оказалось шумным.

– Помилуйте! Остановитесь! – с криком из хаты выбежала его супруга Алевтина и кинулась к жандармам. – Невиноватый он ни в чём!

Не церемонясь с женщиной, конвоиры оттолкнули её в сторону, и упавшая Алевтина ползком догоняла жандармов, пытаясь хватать их за ноги. Васька бросился поднимать мать, осыпая жандармов проклятьями.

– Да за что вы меня? За что? – плакал Тишка.

Васька, было, бросился отбивать отца, как неожиданно из соседнего дома со скоростью выпущенной стрелы выбежала маленькая Злата и вцепилась в ногу одному из конвоиров.

– Не тронь Тишку, сволочь! – закричала она и принялась что есть силы колотить своими маленькими кулачками обидчика любимого дядьки.

Ошалевший от произошедшего конвоир принялся отгаликовать от себя ребёнка, когда услышал громкий бас за своей спиной:

– А ну как я из тебя зараз весь дух выбью?!

Митрофан Спиридонович, как котёнка, схватил за шкурку Злату и отбросил на руки подросшему сыну Арсению.

– Ты что же, сукин сын, вытворяешь? – схватил он за груд-

ки оторопевшего конвоира.

– Да как смеешь со мной говорить?! Ты! – задыхаясь от гнева, взялся за оружие тот.

Едва не случившуюся беду сумел остановить подоспевший поручик:

– Отставить! – зычно гаркнул он.

– Что же это, братец, у тебя тут творится? – спросил Митрофан Спиридонович, протянув к нему широкую ладонь, чем выдал своё хорошее знакомство с поручиком.

– А ничего необычного, Митрофан Спиридонович, самый обыкновенный арест, – ответил поручик, отирая пот со лба.

– Арест? – удивился Митрофан Спиридонович. – Кого?

– Тихона Попова.

Не поверив своим ушам, Митрофан Спиридонович оглянулся на Тишку.

– Митрофан Спиридоныч, кормилец ты наш! – плакал Тишка. – За что они меня, с роду ведь злого умысла не имею?

На несколько секунд Митрофан Спиридонович даже пришёл в замешательство, не найдя, что ответить, но быстро сориентировался:

– Ах, Тихона Попова! Так энтэ успеется. Ты бы, братец, лучше в хату зашёл, квасу выпил, а то, поди, умаялся за день?

И, обратившись к жене, он добавил:

– Василиса, а ну-ка встречай гостей, как полагается!

Митрофан Спиридонович, не давая опомниться жандар-

мам, потащил их в дом, а Тишка с семьей остались сидеть на скамейке возле дома в ожидании своей участи.

– Спрашиваешь за что? Ну тогда, Митрофан Спиридонович, слушай.

Поручик достал из черной папки с эмблемой двуглавого орла листок и подошёл к окну. В маленькой комнате они были одни.

– Вот эта листовка была найдена у Попова при обыске. А теперь слушай ее содержание: «9 января 1905 года в Петербурге кровавая река навеки отдалила царя-палача от русского народа. Сама земля напитана нашей кровью. Но довольно! Пора кончать! Наша кровь такая же красная!» Ну что скажешь?

Митрофан Спиридонович хлопнул себя по коленям и, тяжело вздыхая, поднялся с лавки.

– Дурак ты, поручик, вот что я тебе скажу.

– Но-но! Не заговаривайся!

– Листовка, конечно, поганая, – не слушая поручика, продолжил Митрофан Спиридонович. – Но ты спроси для начала о том, умеет ли Тишка читать да писать, чтоб листовки энти распространять?

Митрофан Спиридонович знал Тишку честным, бескорыстным человеком, за что и любил. Поэтому так отчаянно и защищал его перед главой уездной жандармерии, не давая увезти в Воронеж, откуда достать старика будет куда сложнее.

– К чему ведёшь? – строго спросил поручик.

– Подбросили, дело ясное, – уверенно ответил Митрофан Спиридонович. – А где тот, кто эту холеру привёз сюды, вот вопрос! Садилека, я слышал, вы так и не нашли. Просрали?!

Поручик виновато опустил глаза и едва слышно, будто оправдываясь, залепетал:

– Баба его говорит, будто третьего дня уехал. Видно, почувал неладное. А бабу взяли, уже в Воронеж увезли на допрос.

– Что баба? Какой от неё толк? А за Садилека придётся тебе ответить.

Но на угрозу Митрофана Спиридоновича поручик строго заметил:

– Не пугай, а то ведь я и с тебя спросить могу. На завод твой кто его работать устроил, быть может, тоже я?

– Завод не мой. Завод барский, – парировал Митрофан Спиридонович, ясно давая понять, что если потянуть ниточку дальше, то к делу можно привлечь даже князя Сенявина, чего, разумеется, допустить было невозможно.

– С умом ко всему надо подходить, Ваше Благородие, а не лес рубить. Так ведь не одну невинную душу загубить можно, ты и без того нашумел порядочно.

– Что же теперь отпускать Тихона этого? – спросил поручик.

Митрофан Спиридонович достал из комода несколько денежных купюр и, не пересчитывая, положил в черную папку

поручика.

– И ведь каковы хитрецы, – сказал, надевая фуражку, поручик. – Кого угодно готовы очернить, только бы грязным делам своим массовости придать, всем подряд листовки подбрасывают.

Митрофан Спиридонович на это только фыркнул что-то себе под нос и, тяжело шагая, вышел из комнаты.

А на скамейке возле дома в ожидании своей участи продолжал сидеть Тишка Попов с семьей. Выйдя на крыльцо, Митрофан Спиридонович грозно сказал им:

– Чаво расселись тут, али дел никаких нет? Ступай-ступай к себе на баз, и шоб я вас не видал до завтра.

Плача, Поповы ушли со двора, а Митрофан Спиридонович отправился к князю Сенявину.

– Ну и нашумел ты, Митрофан Спиридонович, на весь уезд Богоявленское прославил, – сказал князь.

– Прости, Петр Иваныч, не думал я, что так обернётся, – поклонился он в пояс князю.

– Не думал..., – грозно повторил его слова Петр Иванович.

– Я вот об чём сказать хотел, – робко начал Мищенко. – Семейство Чадиных, должно, отпустят, да только нечего им сюды возвращаться, воду мутить, бесовскому отродью. Ты только прикажи, Петр Иваныч, так я их в шею выгоню.

Петр Иванович посмотрел на Митрофана Спиридоновича, как горели его глаза дьявольским огнём, и вспомнил

своё сиротское детство, скитание по богатым родственникам, одиночество. И так защемило вдруг у него в груди, такая взяла тоска, что ничего не отвечая, он удалился к себе в кабинет, плотно затворив двери.

Глава 16

А Маша уже была доставлена в Воронеж. Она не знала, что Васька Попов, друг её брата Митьки, дал жандармам самые ценные сведения. Напуганный едва не случившимся арестом отца, он сам пришёл к тому поручику и тихо-тихо, чтобы никто не узнал, особенно друг Митька, оговорил его отца и любимую сестру. Да ещё так увлекся в своих показаниях, что поведал следствию и о том, чего вовсе не было, оклеветав тем самым семью Чадиных сильнее прочих односельчан. Поэтому следователь вел сейчас с Машей долгий мучительный разговор.

– Ну, Марья Гавриловна, вашему отцу уже не помочь, а вам следовало бы вести себя разумнее. Пусть вы не жалеете себя, но подумайте о брате. В самом деле, не желаете же вы оставить его сиротой?

Допрашивая Машу, следователь то повышал, то понижал голос, то вставал за спиной, то садился напротив. И задавая вопрос, и в ожидании ответа, и слушая Машу, он смотрел прямо в глаза. Смотрел внимательно, пытающе, будто душу вытаскивал. Он был не стар, хотя уже опытен, и Маша боялась его. Она боялась даже смотреть на него и лишь изредка позволяла себе робкие взгляды.

– Я же гутарю, мой муж ни в чём не виноватый. Чего вам ещё? – всё-таки не сдавалась Маша.

– Мне нужно знать правду, – склонившись едва ли не над самым ухом Маши, тихо сказал следователь. – Что вы видели, слышали, фамилии друзей вашего любовника.

– Мой муж, – смело подчеркнула Маша. – Удивительный человек! Он не разбойник, он даже глубоко народную боль чувствует, в этом вся его вина.

– Ну, хорошо. Я скажу вам, чтобы вы понимали, с кем имеете дело. На Марка Садилека в столице заведено целое досье. После того как его выгнали из сельскохозяйственного училища, он подался в Петербург в поисках лёгкой жизни, но, не найдя таковой, связался с местным революционным подпольем. Не стану скрывать, прежде чем начать бродить по улицам столицы и заговаривать с незнакомыми людьми, убеждая их, что жизнь кругом – сплошь помойка и мрак, и, между прочим, получать за это содержание, он долгое время слонялся по кабакам, являвшимся для него спасением от «кошмара жизни».

Маша, разумеется, всего этого не знала, и верить в сказанное следователем не хотела. Но следователь был очень убедителен.

– Марья Гавриловна, – продолжал он, – ваш, как вы говорите, муж состоит в боевой группе социал-революционеров. А вы знаете, что это такое? Извольте, я вам поведаю. В 1904 году студентом, участником этой группы, был убит министр внутренних дел Плеве. Этот студент бросил бомбу ему в карету. А потом они убили французского торговца, кото-

рого спутали с министром Дурново, а в прошлом месяце генерала Козлова, которого также спутали уже с губернатором Петербурга Треповым. А помимо этого, на их счету десятка три случайных прохожих. У них у всех были семьи, дети. В чём были повинны все эти люди? Кто ответит за эти жертвы? Быть может, вы?!

Последние слова следователь яростно прокричал, ударив ладонью по столу так, что Маша вздрогнула, и в эту секунду ей стало по-настоящему страшно.

– Нечего и сказать, – снова спокойным голосом заговорил следователь, – такие люди, как Садилек, умеют мстить за народ и глубоко чувствуют его боль. Вы, Марья Гавриловна, защищаете террориста! К сожалению, он успел сбежать в Москву раньше, чем его настигла столичная жандармерия. Но он и там успел наследить во время восстаний и вот, бесспорно по заданию своей партии, объявился в вашем Богоявленском. Вы желаете, чтобы и оно было залито кровью? Рано или поздно Садилека поймают, и тогда его ждет виселица! И стоит кому-нибудь из свидетелей показать на вас, вы, как соучастница, отправитесь следом. Как это не раз случалось с его прежними сожительницами. Так что будьте сговорчивее, голубушка, для вашего же блага.

Под давлением последних слов следователя о прежних сожительницах Маша сдалась. Она перестала защищать Марка Вацлавича и рассказала всё, что знала.

Следователь смотрел в окно на уходящую Машу, когда к

нему в кабинет вошёл секретарь.

– Отпустили? – спросил он.

– Её счастье, что за неё вступился один из самых уважаемых людей в губернии, – сказал следователь.

– Кто же таков её благодетель?

– Князь Петр Иванович Сенявин.

При имени Петра Ивановича секретарь только присвистнул.

– Благородно, – добавил он. – Спас заблудшую душу. Быть может, и образумится эта несчастная.

– Ты ещё совсем молод, голубчик, – ответил секретарю следователь. – Поговорить бы с тобой, когда доживёшь до моих лет. И если встретится тебе тогда хоть один такой образумившийся, почитай жизнь прожита не зря.

– Неужто вам не повстречался? – удивился секретарь.

– До сей поры не случилось. От того у меня на таких вот, как она, рука тяжёлая. Не приведи господь случиться беде, вот эти милованные, – следователь указал пальцем в окно, – ещё сами нас судить станут.

– А что, правда, что некий приказчик Мищенко немалые деньги сулил за её арест? – спросил секретарь.

– Что деньги Мищенко против слова князя Сенявина? – ответил следователь. – Родовитость на Руси покуда сильнее денег.

Глава 17

Маша почти не помнила, как вышла из здания жандармерии. Не помнила, как к ней подбежал брат Митька и осторожно усадил на скамейку. Всё в тот день вспомнилось ей как во сне. Она не могла поверить, что всё, о чём она узнала – правда. Ещё слишком жива была память о человеке, которого она так сильно полюбила. Ведь она полюбила человека особенного, сына народовольца, рожденного на каторге. И именно поэтому она, разобиженная на свою горькую жизнь, так легко прониклась революционными идеями Марка Вацлавича, так легко доверилась ему.

Шумели над Машиной головой ветки деревьев с пожелтевшими листьями. И в сердце её поселилась такая же осень. Казалось, поселилась навсегда. Не было в природе ничего, что могло бы вернуть ушедшую радость и любовь Марка Вацлавича.

Машиному отцу так и суждено будет навеки сгинуть на каторге и к детям больше не вернуться.

– Не плачь, Маша! Не плачь! Клянусь, тебя больше никто не обидит! – приговаривал Митька, глядя её по голове.

«Что же это получается, – думала Маша, не обращая внимания на Митьку. – Он нарочно обманывал меня? Пользовался? Нет, не верю! Ему пришлось так поступить! Но всё наладится, и он за мной возвернётся. Только бы не задержа-

лось это возвращение. Остановить бы для этого время».

Но время вокруг Маши не остановилось. Оно продолжало идти своим чередом, укутывая её боль сначала дождями и опавшими листьями, а затем засыпая высокими сугробами. Марк Вацлавич так и не дал о себе никаких известий, как ни ждала его Маша, как ни молила Бога о его появлении. Машино счастье закончилось, так толком и не начавшись.

Богоявленцы поначалу Машу травили, выкрикивали вслед обидные слова, тыкали пальцами, но она всё терпела, у неё подрастала защита. Любимый брат Митька смело бросался в драку с обидчиками сестры. Поддерживал Митьку и друг Васька Попов. То ли совесть его мучила, то ли, пытался он отогнать от себя подозрения об оговоре Митькиной семьи, он и сам не мог разобраться, но как бы там ни было, дрался отчаянно. Так и отбивались, куда страсти в селе по произошедшему скандалу не улеглись и жизнь не вернулась в прежнее русло.

И вот в небосводе над Богоявленским вновь засветило солнце. Ласково стало оно растапливать снежные шапки на деревьях и согревать землю. Весело защебетали птицы. Жизнь начала свой новый виток.

Вдоль красной кирпичной стены, окружающей усадьбу князя Сенявина, в задумчивости прогуливалась старшая дочь Сенявиных Вера. Юная красавица грела руки в собольей муфте, а голову под широкой фетровой шляпой, отделанной шёлком и перьями птицы.

С огромной скоростью погоняя коня, навстречу ей мчался Арсений Мищенко. Поравнявшись с юной княжной, запынаясь и робко заглядывая ей в глаза, Арсений сказал:

– Здравствуй, Верочка! Мне бы это... Митьку найти.

– Поищи на конюшне, – небрежно ответила Вера, поддёрнув на плечи горжетку из гагачьего пера.

После побега Марка Вацлавича и ареста отца брату и сестре Чадиным пришлось бы совсем тяжело выживать, если бы не заступничество Петра Ивановича. Пожалевший сирот он не только не прогнал Машу со своей кухни, но и взял под крыло Митьку, дав ему работу на конюшне, где ещё недавно работал его отец. Петр Иванович искренне желал облегчить скудное существование Маши и Митьки, не обращая внимания на наговоры Митрофана Спиридоновича Мищенко. А быстро возмужавший и окрепший пятнадцатилетний Митька со всей благодарностью принялся за дело, пропадая на барской конюшне, и что было сил, помогал сестре.

– Митька! Митька, выручай! – увидев друга, нервно закричал Арсений.

– Ты чё, Сенька? – отозвался Митька, продолжая чистить коня. – Стряслось чего?

– Стряслось! Злата наша пропала!

– Эка невидаль, – усмехнулся Митька. – Впервой чо ли?

– Цельный день уже нету. Глаша кричит, кубыть люди видали, что в проклятый лес она уходила.

– Не брешы, – моментально посерьезнел Митька. – Туда

даже ваша взгальная пойти побоится.

Проклятым дремучий, непроходимый лес на краю Богоявленского называли с того самого дня, как появилось село, а почему – точно уже не мог сказать никто. Одни утверждали, что нечисти там всякой до чёрта, другие – что звери там водятся лютые. Каждый мог поведать какую-то легенду. Но главное, что объединяло их все это то, что кто бы в тот лес ни уходил, назад уже не возвращался. Оттого-то не только богоявленцы забыли туда дорогу, но и заезжие люди объезжали этот лес стороной. А для пущей острастки стараниями богоявленцев разрослось на подходе к проклятому лесу кладбище, поселив ещё больший ужас в сознании людей.

Все боялись проклятого леса от мала до велика, вот и смутился Митька, услышав о нём.

– А батька-то ваш где? Чаво не ищет? – спросил Митька.

– В Рамоне батька. Вторую неделю уж. Сам знаешь, фабрику он там поставил. А мамка захворала дюже, жар у ней сильный. Выручай, стемнеет ведь скоро, сгинет малая наша.

– Ладно, – согласился Митька. – Скачи за Васькой, а я у барина коней попрошу, пешим-то нам долго искать придёт-ся.

Вечер над Богоявленским сгустился быстрее, чем ожидали друзья. С наступлением темноты от поисков многие отказались и только, сидя на скамейках на краю села, продолжали судачить:

– Как взгляну я на энтот лес сквозь могильные кресты,

ажник дрожь пробирает, – говорил рябой мужик с длинной седой бородой.

– А Тишка-то где? – спросил маленький худой старичок.

– Уж который час, как надел лыжи да пошёл с ружьем в проклятый лес, – ответил рябой мужик.

– Господи, сохрани! – перекрестились стоящие рядом бабы. – Как же энтó? Один да в такую темь? И как её только, окаянную, туды занесло?

– Я слыхала, кубыть пошла она за клюквой для хворой матери. У Василисы-то уж который день горячка.

– Да какая клюква в энту пору могёт быть?

– Так ведь малая она ещё, почём ей знать. Ох, и отчаянная девка растёт.

– Цыц, окаянные! – одернул баб старичок. – Накликаете ещё беду.

– И не один он, а с сыном, – добавил рябой мужик.

А тем временем тьма всё сгущалась. В проклятом лесу ещё лежали глубокие сугробы. Зловеще скрипели в морозном вечере тёмные стволы деревьев, закрывали небо высокие кроны. Тишка же всё не возвращался, продолжая искать маленькую Злату.

Вдруг из тьмы появились два всадника. Это были Митька и Арсений. Тяжело дыша, на взмыленных барских конях, они остановились возле скамейки.

– Ну что?

– Как?

– Нашли?

Наперебой стали спрашивать односельчане.

– Всё обрыскали, – покачал головой Митька. – Нигде нет.

– Господи, что же за напасть, – вновь застонали бабы.

– Сенька, поехал бы домой, чё стоять без толку? Мать-то, поди, извелась вся.

– Не поеду, – ответил Арсений. – Глашка там, а мне искать надо. Без бати я в семье ответ за всё держу.

– А что же батя, когда воротится?

– Петр Иванович послал за ним. Должно, уже в пути.

Но Митрофан Спиридонович ни о чём не знал. В Рамони его не было. Посыльный лишь к утру найдет его в ресторане Воронежа.

С приобретением кондитерской фабрики в Рамони дела Митрофана Спиридоновича пошли моментально в гору. Резко выросшее благосостояние незамедлительно вскружило ему голову. Митрофан Спиридонович торопился жить, беря от этой жизни максимум удовольствий. Торопился он восполнить все те годы, которые провёл в труде, наживая имущество и пропуская мимо всю сладость своей молодости. Ударила седина в рыжую его бороду. Вот поэтому найти теперь Митрофана Спиридоновича можно было только в воронежских ресторанах за любимым занятием – блеснуть своей губернской роскошью. И в занятии этом не знал он удержу.

На богатом столе облюбованного воронежским купечеством ресторана стояла стерляжья уха, двухаршинные осет-

ры, белуга в рассоле, поросенок с хреном.

– Ох, и умеешь же ты угощать, Митрофан Спиридонович!

– А ну-ка, поди-ка ко мне, брат Михайло, – и властным движением руки Митрофан Спиридонович указал на рядом стоящее кресло, предварительно согнав с него одного из гостей.

Городской купец первой гильдии Михайло Тимофеевич Петров робко подсел к Митрофану Спиридоновичу.

– Ну, Михайло Тимофеевич, сказывай: прошение моё о причислении к купцам получал?

– Верно, Митрофан Спиридонович, получал.

– Так вот, брат Михайло, сумеешь удовлетворить прошение моё – я тебя не так угощу. Помни: Митрофан Мищенко благодарить умеет!

– Да кабы только от меня, Митрофан Спиридоныч, то зависело, я бы хоть завтра записал, – робея и запинаясь, ответил Михайло Петров. – Посуди сам, ты же из мужиков.

– И чё же с того? – разозлился Митрофан Спиридонович. – Ширяевы, Кряжевы, Михайловы тоже из мужиков.

– Ну а гильдейский сбор, – не сдавался Михайло Петров, – оплачивать сможешь? В купечество-то записаться половина дела – удержаться в нём сложнее. Ульянищевых и тех в мещане переместили. Ты бы хоть с губернского города начал. Ну, хоть с Ельца что ли?

– Не бойсь, Михайло Тимофеевич, мой доходец поболее твоего станется. Был мужик Митрофан Мищенко да весь вы-

шел. Я нынче не только барским заводом управляю да полями пшеничными – у меня нынче и своя фабрика имеется, а летом и мельницу с маслобойней запускаю. Мне в Ельце уже тесновато. Но смотри, Михайло Тимофеевич, – прошипел Митрофан Спиридонович, обняв Петрова за голову. – Узнаю, ежели ты, хитрый лис, меня за нос водить удумал – гляди, как бы я тебя милостью своей не уморил до смерти.

И под общий зычный хохот Митрофан Спиридонович оторвал индюшачью лапу и с силой сунул ее Михайле Петрову в рот.

– Будет, Митрофан Спиридонович, разве ссориться ты нас позвал? – остановили его гости. – Сам подарок обещал и в ожидании томишь.

– Мищенко чего обещает, то и дарует! – и, щёлкнув пальцами, дал он знак официантам.

Официанты распахнули двери, и в зал с песней вошёл венгерский хор. Дорогостоящее представление с ночным продолжением началось.

Глава 18

Ещё не остыла постель с черноглазой цыганкой, а Митрофан Спиридонович, получивший наконец-то известие о дочери Злате, загоняя коней, уже мчался в Богоявленское. Чёрный, как туча, в ожидании самого страшного, вошёл он в дом. В сенцах толпились люди, на лавке сидел задумчивый Тишка.

– Обошлось, слава Богу! – сказал он, увидев Митрофана Спиридоновича.

Это Тишка с сыном Васькой спас маленькую Злату. Чудом выжившая, она не один час провела, заблудившись в болотистом проклятом лесу, смело ушедшая туда за клюквой для заболевшей матери.

В детской комнате стояли у окна заплаканные близнецы Арсений и Глаша, разложив лекарства на столе, суетился лекарь Фарух, у изголовья бледной, ослабленной девочки сидел князь Петр Иванович Сенявин. Будучи крестным отцом Златы, он не мог остаться безучастным к случившейся беде и не прийти к своей крестнице.

– Говорите же, Фарух! – сказал Петр Иванович.

– Не стоит так убиваться, – ответил тот, глядя на Арсения и Глашу. – Всё могло быть гораздо хуже, проводи она в лесу ещё хотя бы час.

– И всё-таки?

– Голос к ней вернётся, главное – молчать не менее двух недель, пить тёплое молоко с мёдом. А легкие... Теперь девочке было бы полезно проводить больше времени у моря, благоприятнее всего будет климат Крыма и главное – больше не переохладаться.

– Спасибо вам, Фарух! – поблагодарил лекаря Петр Иванович, оставив деньги рядом с лекарствами и только тогда заметив стоявшего в проходе комнаты Митрофана Спиридоновича.

Тяжело ступая на согнутых ногах, Митрофан Спиридонович подошёл к кровати Златы. Опустившись на колени, он прижал к губам маленькую ладошку любимой дочери, и из глаз его покатались крупные мужские слёзы.

– Не стоит, всё позади, – похлопал его по плечу Петр Иванович.

– Будет тебе, батя, – вторил Арсений. – А то вон люди глядят.

Напуганная Злата выполняла все предписания лекаря и молчала две недели, а, когда заговорила, голоса своего не узнала, как не узнали и родители, и Арсений с Глашей. Вместо звонкого девчачьего колокольчика он прозвучал бархатным мальчишеским баском да таким и остался. Но Злата не расстроилась, махнула рукой. Новый голос её даже забавлял, теперь, подкравшись из-за угла, она пугала мать с сестрой и всю дворню, забавляясь их испугом. А вскоре отец отвёз её лечиться к морю и вечнозеленым кипарисам, в Крым. Дом

их тут же затих, будто из тела ласточкой выпорхнула душа.

Глава 19

По каменному полу сенявинского замка слышался тяжёлый стук каблуков. В отличие от большинства барышень с легкой походкой, Веру всегда выдавала тяжелая поступь с упором на пятку, такая же, как у её отца. Стук французских каблуков направлялся к комнате прислуги, откуда через открытую дверь пробивался свет и доносились тихие голоса. Вера остановилась в проходе и, топнув ногой, обозначила своё присутствие.

– Вера Петровна, понадобилось чего? – мгновенно подбежала к ней Маша.

Не обращая внимания на Машу, будто её и вовсе нет, Вера всмотрелась надменным взглядом в сидящего на лавке Митьку и властно произнесла:

– Почему ты сидишь, когда перед тобой стоит княжна? Подойди ко мне!

Вера сделала несколько шагов в сторону, заманчиво шлепая нижней юбкой.

Митька встал и покорно пошёл следом за юной княжной. Остановившись, она взглянула на высокого ладного Митьку. Вера впервые посмотрела на него внимательно, и её поразили его ясные васильковые глаза, добрый и открытый взгляд. Смягчив тон, Вера сказала:

– Папенька велел закладывать утром экипаж. Да порань-

ше!

– Всё исполню, как прикажете, – уверенно ответил Митька.

Вера уже повернулась, чтобы уйти, но неожиданно остановилась и спросила:

– Это правда, что ты ходил в проклятый лес за Златой?

Вере было интересно узнать, действительно ли Митька так смел, как о нём говорят. Переминаясь с ноги на ногу, он ответил:

– Правда.

– Страшно тебе было?

– А я и не понял, – скромно улыбнулся Митька.

– Как это? Так не бывает, – усмехнулась Вера.

Митька вдруг захотел рассказать Вере всё о том дне: как они с Арсением сбились с ног в поисках Златы и на страх у них не оставалось ни времени, ни сил. Как примчались они в проклятый лес, но Тишка прогнал их, опасаясь, что и они заблудятся. Но, посмотрев на Веру, её идеальную красоту, он застыл и не смог вымолвить ни слова. Неожиданно для самого себя он принялся смело разглядывать её темно-карие глаза, отчего-то казавшиеся прежде злыми, длинные пушистые ресницы, тонкую дугу бровей, точёный носик, блестящие, как смола, волосы и ярко очерченный бутон алых губ. Его взгляд медленно опустился ниже, на бархатный эскаваж, нежно обнимающий белую шейку юной княжны.

Вера заметила этот взгляд, и он ей польстил.

– Ты действительно очень смелый, – тихо произнесла она, и что-то похожее на улыбку отразилось на ее фарфоровом лице.

Вернувшись в комнату к сестре, Митька погрузился в задумчивость. Прежде он не мог перекинуться с Верой и парой слов, она даже ни разу не ответила на его приветствие, на таком расстоянии всегда держала она тех, кто был ниже её по происхождению, и вдруг почти диалог случился между ними.

– Чего ей понадобилось? – спросила Маша у брата. – Как всегда: не хочу баранину – режь овцу?

Но Митька всё молчал.

– Ну и стервь растёт, – покачала головой Маша.

– Нее, – задумчиво протянул Митька.

Это короткое слово стало для Маши неожиданным. Ведь сама она за надменность едва ли не ненавидела Веру, и, как ей казалось, Митька тоже. Уж не влюбился ли он в старшую княжну Сенявину. И поначалу мысль эта испугала Машу. Упаси Господь, Петр Иванович узнает – несдобровать тогда её несчастному брату. Но тут же эту мысль вытеснила другая: а что, если это шанс для них обоих? Что, если воспользоваться этой влюбленностью? Ведь брат её, хоть и сам того не понимал, рос редким красивцем. В своей мужской красоте он не уступал женской красоте Веры, и соблазнить её, ещё не искушенную любовью, едва ли будет сложно. Конечно, сам Митька, имея доброе сердце и природную честность,

никогда бы до такого не додумался, но на то у него и есть старшая сестра. И в Машиных глазах полыхнул дьявольский огонь. Казалось, за эту минуту она уже всё продумала и всё рассчитала.

Сев рядом с братом, она обняла его за кудрявую голову и тихо сказала:

– Митенька, жаль моя! Как я боюсь за тебя, как хочу, чтобы всё у тебя ладно было. Если любишь меня, пообещай, что сделаешь так, как я тебя попрошу?

– Обещаю!

Глава 20

Лето 1907 года в Воронежской губернии выдалось жарким. Изысканное окно-роза было распахнуто настежь. Лёгкий ветерок гулял по всей комнате старшей княжны Сенявиной. Такой желанной прохладой пробегал он по дощатому полу, застланному ковром, по высоким двустворчатым шкафам, забирался на неуклюжий письменный стол и медленно листал страницы лежащих на нём журналов со звучными названиями «Дамский мир», «Парижские моды для русских читателей», «Современная женщина».

Вера сидела на широком подоконнике и смотрела со второго этажа вниз на улицу. Наблюдала, как отец и Митрофан Спиридонович обучают верховой езде семилетнего Егора, как сидит на скамейке с книгой в руках мать и придерживает рукой широкую шляпу, едва касающуюся причёски, надев такую так, что совсем незаметно, как она прикреплена. Иногда отрываясь от книги, она поднимала глаза на супруга и улыбалась. Вера редко видела улыбку на лице матери, да ещё такую счастливую. Кажется, это лето творило чудеса.

– Вот и ещё одно лето проходит, – вздохнула Вера. – И снова всё по-прежнему. Ничего не меняется. Ах, Глаша, как же скучно! Совершенно невыносимо. Скажи, тебе также скучно, как и мне?

Сидевшая в кресле Глаша Мищенко растерянно пожала

плечами.

– Мне всё как-то некогда скучать, – ответила она. – У нас в хозяйстве, хучь и много работников, а тятка с мамкою нас от работы не берегут.

Вера с тоской посмотрела на Глашу и снова отвернулась в окно. Глаша улыбнулась и застенчиво опустила глаза. Она знала, что Вера дружит с ней только потому, что больше в Богоявленском дружить ей было не с кем. Вера лишь от скуки снисходительно позволяла ей приходиться к себе в гости. По всему Глаша была Вере неровня. Вера – княжна, а её отец из мужиков, Вера получила прекрасное домашнее образование, а она с трудом освоила счет и правописание, красота Веры идеальна, а она нескладная, рыжая и веснушчатая. И всё-таки Глаша была рада и такой дружбе с Верой. Добродушная от природы, она никогда не обижалась и не завидовала и никогда не желала больше того, что ей было дано.

– Какая красота! – воскликнула вдруг Глаша, взяв в руки Верину шляпку. – Чьи это перья, чайки?

– Орёл, – равнодушно ответила Вера.

– А птичка-то, птичка! – продолжала восхищаться Глаша.
– Кубыть прямо сейчас улетит.

– Дарю! – царственно произнесла Вера, несказанно обрадовав Глашу.

Спрыгнув с подоконника, Вера открыла шкаф и достала оттуда зонтик, отделанный вышивкой и кружевом.

– Это тоже тебе! Мне его папенька из самого Петербурга

привёз. На Невском проспекте покупал.

Даря Глаше свои вещи, Вера даже развеселилась, глядя, с какой радостью та их принимает. Следом за зонтиком отправились два веера с изображёнными на них маками и ирисами.

– А это какая красота! – Глаша раскрыла веер, декорированный в японском стиле.

– И его забирай.

Вера оставила себе лишь один веер – страусиный на черепашковом каркасе, отделанный бриллиантовым шифром с монограммой своей фамилии и стоивший немислимых денег.

– Верочка, где ты всё это берёшь?

– Заказываю по почте, – она указала на журналы, разложенные на письменном столе.

За стеной кто-то чихнул. Вера распахнула дверь. В проёме стояла белокурая девочка, круглолицая, с беззаботными серыми глазами. Глаша узнала Ксюшу, младшую княжну Сенявину. Та давно наблюдала в щёлку за старшей сестрой и её подругой, не решаясь присоединиться к их девичьему веселью. Одета в коротенькое белое платьице с заниженной талией, с распущенными локонами, украшенными большими бантами, она была похожа на ангела. Глаша тут же позвала девочку к себе и усадила на колени.

– Глаша, где теперь Злата? Когда она вернётся? – спросила малышка.

– Она в Крыму. Она ещё хворает, – ответила Глаша.

– Зачем ты пришла? – нервно крикнула сестре Вера.

Обиженно опустив голову, Ксюша медленно вышла из комнаты.

– Ну, чево ты её гонишь? – удивилась Глаша.

– Надоела, – всё так же нервно бросила Вера. – Ох, как всё надоело!

Наблюдая за Верой, Глаша удивлялась. Ей казалось, что она никого не любит: ни родителей, ни брата с сестрой. Что любит она только себя.

Холодная, надменная Вера и в самом деле не имела никаких привязанностей, единственной её страстью была лишь верховая езда. Зажатая рамками этикета и происхождением, только мчась верхом по чистому полю, она чувствовала себя по-настоящему свободной. Этому занятию она и придалась, оставив подругу, чтобы хоть немного развеселиться.

Полуденный зной становился всё сильнее. Оставив работу, местные мужики пришли на речку остыть самим да искупать взмыленных лошадей. С ними и деревенские мальчишки, загоревшие на сенокосе, остужали себя купанием в быстрых водах Дона. Разбегаясь на деревянных мостках, они ныряли в реку и показывали свои шальные головы только на её середине, а затем наперегонки устремлялись к противоположному берегу. Прискакали сюда на княжеских конях и Митька Чадин с Васькой Поповым.

– Ну, кто со мной наперегонки на тот берег? – крикнул Васька.

– Охолони, Васятка! – отвечали мальчишки. – С тобой, с бесом, тягаться – быстрее потопнешь. Ты лучше глянь-ка наверх!

Все мальчишки дружно обернулись. На крутом берегу Дона на стройном вороном коне Султане восседала красавица Вера. Не видя издалека её глаз, Митька кожей почувствовал, что она смотрит на него. Смотрит, как в тот вечер, властным, надменным взглядом. Солнце жгло Митьке спину, а его знобило от этого взгляда.

– Ох, и хороша! – сказал кто-то из мальчишек.

– Истая царица! – вторили остальные.

И только Митька молчал, будто берёт какую-то, одному ему известную, тайну о ней.

Но вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Своевольный конь под Верой резко встrepенулся и встал на дыбы. С трудом удержавшись в седле, сдержать коня Вера уже не смогла, и вороной красавец помчал её вдоль берега. Ни секунды не мешкая, Митька и Васька запрыгнули на своих коней и пустились вслед за Султаном с беспомощной княжной. Погоня своих скакунов, они стремительно догоняли взбесившееся животное. А на подмогу им, выгнав из воды своих лошадей, уже мчались мужики. Держась за рыжие гривы и пригнувшись к ним как можно ближе, они торопились опередить неминуемую трагедию.

Догнав Султана, Митька ловким движением пересадил Веру на своего коня, а Васька, схватив под уздцы неумного

скакуна, принялся того сдерживать.

– Ай, да хлопцы! Ай, да орлы! – радостно нахваливали мальчишек мужики.

– Живая, Вера Петровна? – спросили они, кружа вокруг неё с Митькой.

В ответ Вера лишь утвердительно кивнула головой, не отводя взгляда от ярко-васильковых Митькиных глаз. Она чувствовала, как сильно стучало сердце, и с каждым стуком всё отчётливее понимала, что стук этот не из её груди.

Глава 21

Белое воздушное платье, развевающееся на ветру, бархатный эсклаваж, тоненькой змейкой обвивающий нежную шею, чёрные глаза и надменно приподнятая тонкая дуга бровей. Митька не видел Веру уже почти месяц, хоть и проводил каждый день на барском дворе, но образ её стоял перед ним, будто тот день минул вчера.

Маша уверяла брата, что Вера здорова и вся семья Сенявиных просто-напросто готовится к отъезду в Кисловодск. Но Митьке хотелось лично в этом убедиться. Он не на шутку испугался за Веру в тот день, когда Султан помчал её к обрыву. И хотя знал, что, не думая, бросился бы на помощь любому человеку, оказавшемуся на её месте, ни о ком другом после происшествия он не думал бы, без конца, целый месяц. Что же такое с ним происходит? На этот вопрос Митька не мог себе ответить, потому каждый день не сводил глаз с Вериних окон, ища для себя ответ в её облике, словно ожидая подсказки от своего сердца.

– Андрей Петрович приехали! – забегали девки возле княжеского замка.

Митька осторожно встал возле кирпичной стены, окружающей усадьбу Сенявиных в надежде увидеть Веру, когда она выйдет встречать брата.

Вокруг юного барина засуетилась дворня, отовсюду слы-

шались восторженные возгласы. В один миг рядом с Андреем оказались мать и отец. Вот из дома выбежала маленькая Ксюша и с радостным криком бросилась на шею любимому брату. Вскоре все вошли в дом, а Вера так и не появилась. Митька и в этот день не увидел её.

В семье Сенявиных в этот день всё внимание было приковано к Андрею. С особым нетерпением ждал приезда сына Петр Иванович.

– Я вижу, сынок, что историю вам преподают должным образом. Но почему именно Екатериной Великой ты так восторгаешься?

Уже закат залил стекла в свинцовом обрамлении и будто пожаром перекинулся на высокие деревянные потолки балочной конструкции, а Петр Иванович с Андреем всё не могли наговориться. Чем реже виделись отец и сын, тем сильнее они нуждались друг в друге.

– Папенька, вы только послушайте, какие «Правила управления» она придумала, и сразу поймёте.

Андрей раскрыл книгу и, подсев ближе к отцу, начал читать:

– «Если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого. Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? – полезно ли?»

Андрей посмотрел на отца. Тот внимательно слушал сына, и Андрей продолжил читать.

– Пять самых важных предметов в этих правилах выделяла Императрица Екатерина. Первое: «нужно просвещать нацию, которой должен управлять». Второе: «нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы». Третье: «нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию». Четвертое: «нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным». Пятое: «нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям. Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед высшим Существом, перед собой, перед обществом, и нужно ему преподать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни».

Андрей закрыл книгу и тихо добавил:

– Ах, папенька, если бы вы знали, как я желаю, чтобы все люди в России были счастливы!

С высоты прожитых лет эти заповеди Императрицы Екатерины Великой, написанные в духе Эпохи Просвещения, с трудом представлялись Петру Ивановичу воплотимыми в жизнь. Но, посмотрев в большие серые глаза сына, Петр Иванович сказал только:

– Я горжусь тобой, Андрей!

На следующий день с самого утра Митька был уже на конюшне. Ему поручили подготовить лошадей для Петра Ивановича и Андрея. Услышав тяжелые шаги у себя за спиной, Митька с надеждой обернулся и не ошибся: перед ним сто-

яла Вера.

Митька так долго ждал этой встречи, и вот Вера стояла перед ним, живая и невредимая, такая же красивая, как и прежде, но сердце его молчало, биение не участилось, и дыхание осталось ровным.

– Подготовь мне Султана! – властно приказала она.

– Султана не дам! – ни секунды не думая, ответил Митька.

– Что ты сказал?! – поразились такой дерзости Вера.

От удивления она больше не смогла найти слов и смотрела на Митьку свирепыми глазами, как рысь перед прыжком.

– Султана не дам, – уверенно повторил Митька. – Убьетесь, не дай Бог, ни по что себя не прощу.

Неожиданно Вера улыбнулась на Митькины слова, и взгляд её сделался ласковым.

– Вот чудак, – ответила она и, больше ничего не сказав, ушла из конюшни.

Так и закончилась встреча, которую Митька ждал целый месяц. Всё в душе его прояснилось. Развеялись сомнения. На счастье или на беду, но стало ясно, что Веру он не любит. И отныне Митька перестал дежурить под её окнами и встреч с ней не искал. Теперь его заботило другое: как признаться Маше, что обещания, данного ей, он выполнить не сможет.

День спустя Маша сказала Митьке, что Вера заболела и поездка в Кисловодск отложена до следующего года. Известие это Митька воспринял спокойно, в сердце его ничего не ёкнуло.

Но вскоре Митька встретил Веру в княжеском парке. Она сидела на скамейке у пруда в белом платье и выглядела совершенно здоровой.

– Митя! – подозвала его Вера, но уже не властным тоном, как делала это прежде, а ласково улыбаясь.

– Сядь рядом, – пригласила она, указывая рукой на место рядом с собой.

Митька послушно сел рядом с Верой. В воздухе летала паутинка, и над головой шелестела пожелтевшая листва. Другой на Митькином месте счёл бы это приглашение за честь, а ему около неё было неуютно. Рядом с Верой всегда соседствовала опасность, и Митька чувствовал это.

– Ты спас мне жизнь, – сказала Вера. – А я никак не отблагодарила тебя. Проси любую награду!

– Наград мне не надобно, – ответил Митька. – Папенька ваш нас с сестрой и так не обижает.

В очередной раз поразившись Митькиной скромности, Вера протянула ему свой маленький портрет и сказала:

– Прими хотя бы это! И, глядя на него, помни о моей признательности тебе.

Боясь скомпрометировать Веру, Митька тут же спрятал портрет и впредь держал его всегда при себе, где бы ни был.

Жизнь будто сама толкала Митьку и Веру друг к другу, давая им шанс. Но Митька боялся этого. Увлечение княжной могло дорого стоить и ему, и его сестре Маше, если о том узнает Петр Иванович. Играть с огнём было слишком опас-

но, но Маша не унималась. Она продолжала твердить брату, что Вера – их единственный шанс в жизни. Маша была уверена: для того чтобы скрыть падшее положение дочери, Петру Ивановичу не останется ничего другого, как согласиться выдать Веру замуж за Митьку да ещё и составить ему капитал. В самом деле, не за конюха же он выдаст замуж свою дочь?

Глава 22

Что такое счастливая жизнь? Кто знает наверняка, где кроется счастье: в богатстве, во власти над людьми? Кто может рассказать и научить счастливой жизни? А может, и не надо для счастья ни богатства, ни власти, а только бы текла твоя жизнь плавно и неторопливо, как тёмные донские воды, да не было бы в ней болезней и смертей, предательства и обмана, зависти и обид, а только справедливость. И лишь времена года сменяли бы друг друга, перелистывая годы: за летом осень, за осенью зима, и над всем этим пусть всегда торжествует весна.

Митька впервые задумался о смысле своей жизни. Он сидел на веранде своего дома, которую пристроил собственноручно с помощью верных друзей Васьки и Арсения и которой очень гордился. По крыше барабанили крупные капли майского дождя. Пахло свежестью и сочной травой. И как же располагала эта дробь по крыше к различного рода размышлениям.

«Ведь так и проходит жизнь, – рассуждал Митька. – И ничегошеньки-то в ней не переменится. Кто богат – будет богатеть, кто беден – влачить своё скудное существование и дале. Для чего мы родимся? За что умираем? И властны ли мы над собой, в силах ли изменить древние устои? А могёть, и прав был Марк Вацлавич? Отуманенные мы, обманутые?

Потому и покорные?»

Хлопнула калитка, и Митька вернулся из своей задумчивости в реальность. На веранду вбежал промокший Васька.

– Промок, аки пёс, – засмеялся он. – До тебя, покуда доберёшься, стемнеет.

– Была тебе нужда шастать в такую непогодь. Лучше б отцу подсобил. Картошку-то садили?

– Успели, слава богу, – ответил Васька, закуривая папиросу. – А вы?

– Тоже. Нам двоим много не надо.

– Вечером-то выйдешь к лавке? Рязанские обещались быть.

Рязанью называли район Богоявленского, где в своё время селились мастеровые люди, привезенные некогда Алексеем Наумовичем Сенявиным из одноименного города для постройки усадьбы, да так и оставшиеся здесь. Отсюда и пошло прозвище всех проживающих в этом районе богоявленцев.

– Должно, выйду, – ответил Митька. – А Сенька-то будет?

– Не знаю, я его уж неделю не видал. Хотя ..., – начал было говорить Васька, но призадумался и замолчал.

Хитрая улыбка скользнула по его изрытому оспинами лицу.

– Чё замолк? – спросил Митька. – Бузуй, коли начал.

– Был я надясь у Фаруха, – продолжил тогда говорить Васька. – Хата-то его, сам знаешь, напротив усадьбы барской стоит. Гляжу, а Сенька-то наш к Сенявиным идёт.

– И чё? – удивился Митька.

– А то, что молодой барин Андрей в Петербурге, – и, ещё больше расплывшись в улыбке, Васька добавил: – Верку ихнюю охаживает, вот чё.

– Будя брехать!

– Собака брешет, а я дело гутарю. Давно за ним примечаю: сохнет Сенька по ней.

Но Митька только рассмеялся в ответ и сказал:

– Иди-ка лучше на рыбалку собирайся. Дождь-то вон кончился.

Почти год прошёл с того дня, как Митька спас Веру, а любопытный Васька всё не унимался, что же на самом деле произошло между ними в тот момент, когда они оказались настолько близко друг к другу. Но Митька только усмехался в ответ и ни о чём не рассказывал. Он вообще был молчалив, сплетен не любил ни слушать, ни тем более обсуждать, за что часто ругал Ваську, но того было не исправить.

Этим вечером, возвращаясь домой с рыбалки, они всё-таки решили навестить друга Арсения.

– Зря мы идём, Митрофан Спиридоныч всё одно его не выпустит, – сказал Митька.

– Он разве не в Рамони? – отозвался Васька.

– Твой сосед – тебе виднее. Хотя щас и поглядим.

– А я вот слыхал, – продолжил, смеясь, рассказывать Васька. – Заводчане гутарили, кубыть он и не в Рамонь ездит, а кутит в Воронеже. Слыхал, кубыть, в усмерть напив-

шись, поехал наш Митрофан Спиридоныч с друзьями из Воронежа охотиться в Африку на крокодилов, да только вместо Африки доехал до Тулы, где поохотился на местных шалав в вокзальном ресторане.

– Ты бы помене брехни слушал! – возразил Митька.

– А чё? Наш Спиридоныч вон каков! Стар дуб – да корень свеж, – засмеялся Васька.

– Поди лучше Сеньку покличь, пришли уже.

Но Митрофан Спиридонович оказался дома и Арсения к друзьям не выпустил. Он вообще считал, что его четырнадцатилетнему сыну рановато гулять вечерами со своими шестнадцатилетними товарищами.

– Ступайте-ступайте отсель, нечего Сеньку мово баламутить! – погнал Митрофан Спиридонович Митьку и Ваську от своего дома.

Спорить они не стали. Уходя, Митька только встряхнул свой плащ и, не оглядываясь, пошёл прочь. Он даже не заметил, как что-то выпало из его кармана. Но стоявший возле калитки Митрофан Спиридонович острым своим глазом увидел на мокрой траве лежащую карточку. Подняв её, он обомлел. С маленького портрета смотрела на него черными глазами княжна Вера. Этот портрет, на котором она была изображена с обнаженными плечами и распущенными волосами, явно не предназначался для чужих глаз.

Утром Митрофан Спиридонович подозвал к себе сына:

– Сенька! Подь сюды!

Как всегда немного робея перед отцом, Арсений послушно подошёл. Тот уже сидел в дрожках.

– Чего тебе, батя?

– Прокатись-ка со мной, сынок, до Сенявиных.

Арсений запрыгнул в дрожки. По пути непродолжительное время отец и сын Мищенко ехали молча. Митрофан Спиридонович нарушил тишину первым:

– Я вот об чём, Сеня, призадумался. Для того и позвал тебя прокатиться, чтоб по-мужски погутарить, без баб. Пора бы тебе Сеня невесту подыскивать.

– Что ты, батя?! – возразил изумленный Арсений. – Рано мне ещё жениться!

– Жениться-то, оно, конечно, рано, – согласился Митрофан Спиридонович. – А вот невесту присматривать – самое время. Хорошую-то невесту, главное, не прозевать. Примечаю я за тобой: по Верке Сенявиной сохнешь? Что же, оно и верно. Девка она дюже красивая и, главное, выгодная. Тебе теперича чаще надо подле неё быть да барину с барыней глянутья, дабы в нужный момент вовремя подсуетиться.

– Что ты, батя? – уже с грустью ответил Арсений. – Она благородная и страсть как хороша. Ровня ли я ей?

При мысли о Вере у Арсения помутнело перед глазами. Он с раннего детства был влюблен в неё, и чем старше становился, тем сильнее становилась эта влюбленность. Он искал встреч с ней. При любой возможности приходил в барскую усадьбу, в парк и даже на конюшню, используя в качестве

предлога свою дружбу с Митькой. Но даже в самых смелых мечтах он не мог и помыслить о том, что однажды его влюбленность может стать взаимной.

– Не бойсь, Арсюха, – засмеялся Митрофан Спиридонович, похлопав сына по плечу. – Я знаю, чаво делать, и тебя в своё время научу. Все бабы одинаковые: и простые, и благородные. Могётъ статья так, что князю и деваться будет некуды.

– Нет, батя! Нет! – возразил Арсений.

Эти слова Арсения сильно разозлили и без того недовольного сыном Митрофана Спиридоновича.

– Слюнтяй! – зарычал он. – Не моя ты кровь! Дружок-то твой, Митька Чадин, поумнее тебя будет.

При этих словах он достал из кармана поднятый накануне портрет и, протянув его сыну, сказал:

– Обронил надясь. Есть-то, вчерашний холоп, а знает куды стелет. А ты? Дурак!

– Не может быть! Не может быть! – шёпотом сокрушался пораженный такой новостью Арсений.

В отличие от сына, Митрофан Спиридонович сдаваться не собирался. Чем больше он богател, тем выше росли его амбиции. Ему уже не хватало быть просто богатым. Теперь он поставил перед собой цель получить ещё больший престиж и войти в благородное сословие. И женитьба сына на княжне Вере подходила для этого как нельзя лучше. А вот неожиданный конкурент в лице Митьки его планам мешал,

и Митрофан Спиридонович решил во что бы то ни стало избавиться от него. Поэтому уже через несколько минут Верин портрет лёг на стол Петра Ивановича Сенявина.

– Гони, Петр Иванович! Гони щенка со двора! – настаивал Митрофан Спиридонович. – В прошлый раз ты меня не послушал, так не ошибись в этот. пожалел сирот, пригрел змей на груди. Всё семя их гнилое.

Увидев портрет, Петр Иванович ничего не ответил Митрофану Спиридоновичу, а только позвал к себе дочь и, оставшись с ней наедине, спросил:

– Скажи мне, Вера, как твой портрет мог оказаться у нашего конюха?

Петр Иванович строго и пытливо смотрел дочери в глаза.

– Вероятнее всего выкрал, – холоднокровно ответила Вера.

– Ну, что же, выходит, что следует прогнать этого воришку, – сказал Петр Иванович, продолжая внимательно смотреть дочери в глаза.

По реакции Веры он пытался понять, действительно ли юный Митька выкрал портрет или она сама подарила его? Но ни один мускул не дрогнул на её прекрасном лице.

– Воля ваша, папенька. Однако найдется ли такой юноша, который не желал бы выкрасть для себя мой портрет?

– Впредь будь внимательнее к своим вещам, Вера! – предупредил Петр Иванович, возвращая дочери портрет.

Митьку он прогонять не стал, и это поражение Митрофа-

ну Спиридоновичу пришлось принять. Ещё с шумного скандала, вызванного Марком Вацлавичем, Митрофан Спиридонович озлобился на всю семью Чадиных и старался всеми силами выжить их из Богоявленского. А теперь, когда Митька встал на пути его планам, связанным с женитьбой своего сына Сеньки на Вере, которые он пока тщательно скрывал, Митрофан Спиридонович был готов на многое. Но Петр Иванович, понимая, что им движет личная неприязнь к сиротам, поступил умнее его хитроумного плана.

Ну и в самом деле, рассуждал он, разве можно найти такого юношу, который не влюбился бы в его старшую дочь, красу губернии? А у этого мальчишки хоть душа чистая, от него не будет подлости, и это Петр Иванович отлично понимал. А что касается Веры, то князь рассудил, что лучше её на время увезти подальше от Митьки, и отправил вместе с матерью и младшими детьми на воды в Кисловодск.

Вера приняла известие об отъезде с непроницаемым спокойствием. Впрочем, так же, как принимала все известия. Вот только чёрные глаза её наполнились непривычным смятением.

Глава 23

После уединенной жизни в Богоявленском Кисловодск со своей бурной богемной жизнью в летний период приятно поразила Ольгу Андреевну. Посчитав, что пора бы показать собравшемуся здесь светскому обществу свою старшую дочь Веру, она не поскупилась на обррамление для неё. Арендовала целый этаж в гостинице напротив фонтана, поближе к Нарзанной галерее, наняла экипаж и отвела дочь в лучшее ателье, не забыв при этом и о себе. Ольга Андреевна ни минуты не тратила зря: проводила пешие прогулки на самых оживленных аллеях парков, не пропускала лечебных процедур в Главных Нарзанных ваннах и ужинала в Ресторации. Так она быстро и легко вошла во все светские круги, не уставая демонстрировать старшую дочь.

– Выйди к нам, Верочка, покажись гостям, – говорила она за завтраком.

– Сыграй для гостей, – открывала она крышку фортепьяно за ланчем.

– Вы ещё не видели, как Верочка танцует, – говорила она на балу, и тут же дюжина поклонников ангажировала Веру на танец.

Все дамы признавали юную Веру внешним совершенством и смотрели на неё с нескрываемой завистью, а мужчины, от юных мальчишек до пожилых ловеласов, смотрели на

неё с вожделением, так, словно каждый из них уже был с ней наедине. Вера ненавидела эти взгляды, от которых не могла ни спрятаться, ни защититься, и чем усерднее Ольга Андреевна представляла дочь в обществе, тем пренебрежительнее она относилась к нему.

– Ах, как хорошо, – радовалась Ольга Андреевна за чаем в гостиной. – Как прекрасна жизнь здесь, и она может быть ещё лучше, ежели мы составим тебе выгодную партию, Верочка. Когда ты будешь блистать в столице, не забывай, что твоя мать не жалела для этого ни сил, ни средств.

– Благодарю вас, маменька! – ответила гордая Вера. – Но к чему все эти траты? Не удобнее ли сразу повесить мне на шею ценник?

– Ты упрекаешь меня? – сошла с лица от негодования Ольга Андреевна. – Ты упрекаешь меня за то, что я устраиваю твою судьбу?

– Нет, маменька, вы не мою судьбу устраиваете, а свою, – не дрогнув, парировала Вера.

– Что?! – крикнула в ответ Ольга Андреевна так, что обернулись играющие в этой же гостиной Ксюша и Егор. – Убирайся с глаз моих! Видеть тебя не хочу!

Вере было только четырнадцать лет, она и заметить не успела, как перестала принадлежать сама себе и превратилась в лот на этом аукционе жизни. Быть может, мать была и права: чем выгоднее Вера выйдет замуж, тем богаче и легче будет её жизнь и жизнь её семьи. Ольга Андреевна сможет

вернуться в Москву, как давно мечтает, богатый зять обеспечит Андрею быстрое продвижение по службе, Ксюше – право выбора супруга по сердцу, а Егору – хорошее образование. Петру Ивановичу удачное замужество Веры позволит расплатиться с долгами, но будет ли она в этой жизни счастлива? Это Ольгу Андреевну заботило меньше всего, её представления о счастье не совпадали с представлениями Веры. Выходит, что Верина красота превратила её в жертву, которую в древние времена приносили языческим богам. Так и Ольге Андреевне требуется пожертвовать одним ребенком, чтобы боги не наказывали остальных.

Вера закрыла глаза, и по щекам её от бессилия изменить этот жизненный уклад покатались слёзы.

Однажды в галерее Ольгу Андреевну окликнула незнакомая дама:

– Ольга, милая! Ты ли это? – сказала она. – Голубушка, ты стала ещё краше.

– Аннушка! – обрадовалась в ответ Ольга Андреевна. – Какая радость встретить тебя здесь!

– Ах, Оля, ты и представить не можешь, какая ты для меня радость! Я здесь ужасно скучаю. Но теперь, кажется, всё переменится. Ты с супругом?

– Нет, я здесь с дочерьми и воспитанником, – очаровательно улыбнулась Ольга Андреевна. – Вера, познакомься – Анна Владимировна Коряковская. В Москве мы были очень дружны.

– Очень рада! – равнодушно ответила Вера, и устало отвернулась.

– Прекрасна! – прошептала Анна Владимировна на ухо Ольге Андреевне. – А мой сын совсем не балует меня своим вниманием, и я путешествую в одиночестве, – уже в полный голос добавила она.

– Ах, голубушка, я слышала о твоём горе: потерять супруга в таком молодом возрасте... – посочувствовала Ольга Андреевна.

– Ты права, это очень тяжело. И вдвойне тяжело, когда некому поручить дела, ведь мой супруг был купцом первой гильдии, а сын растёт таким прохвостом. Но другого выхода нет, как управляться со всем самой.

– Насколько мне известно, ты много преуспела.

– Но как ты проводишь тут вечера, должно быть, за пасянсом с дочерью? – рассмеялась Анна Владимировна. – Я и сама первое время так развлекалась, но вскоре обнаружила: и на водах бурлит интересная жизнь. К примеру, тут есть театр Владикавказской железной дороги.

– Мы там ещё не были, – ответила Ольга Андреевна.

– Очень зря. На той неделе в нём давали «Пиковую даму», и, представь себе, вполне недурно. А сегодня вечером дают «Травиату». У меня на весь сезон ложа, так что я жду вас с Верочкой.

– Мы непременно будем, – радостно ответила Ольга Андреевна.

– Тогда я не прощаюсь.

При этих словах дамы расстались.

– Ах, Анна-Анна, – сказала Ольга Андреевна, взяв под руку Веру. – После замужества, она переехала в Воронеж и за много лет ни разу не дала о себе знать. Хороша подруга. Но говорят, нынче она стала очень богата. Как ей это удалось одной, без мужа? Жаль, что не приехал её сын, хотелось бы на него посмотреть, теперь он, должно быть, уже совсем взрослый.

Вечером, как и условились, Анна Владимировна и Ольга Андреевна с Верой встретились в театре. Опера и впрямь была недурна, и Вера погрузилась в происходящее на сцене, но неожиданный шум в партере отвлек её. Не дождавшись окончания первого акта, в зал, как ураган, ворвалась шальная компания юношей с развеселыми девицами. Они вели себя вызывающе, громко смеялись и отпускали в адрес зрителей колкие шуточки. Особенно выделялся среди них молодой невысокий брюнет. Он бесцеремонно обнимал за талию высокую блондинку, и по всему было видно: в этой компании он заводила.

– Кисловодск, в отличие от Тироля и Дрездена, славится и такими отдыхающими, – сказала Анна Владимировна.

– Боже, какая отвратительная публика! – обмахиваясь веером, ответила Ольга Андреевна. – Какой скот! Что за челядь?

– Не такая и челядь, Оленька. К слову, вот этот невысокий

балагур с блондинкой однажды унаследует состояние больше моего. У его отца доходные дома во всех столицах. Сам он учится в Сорбонне, а здесь живет в Гранд-отеле. Друзья называют его Пабло.

А Веру среди притворного и жеманного общества эта компания развеселила. Она смотрела на них, улыбаясь. Пабло, не переставая шутил, но, обернувшись на ложу и увидев в ней Веру, замолчал. Одного Вериного взгляда было достаточно, чтобы успокоить самого шумного балагура. И ей это польстило.

После спектакля Анна Владимировна пригласила Ольгу Андреевну с Верой в Ресторацию, помпезное двухэтажное сооружение с колоннадой и лестницей, в котором размещались ресторан с танцевальным залом и помещения для отдыхающих с игорными залами. Здесь они снова встретили Пабло, выходящего из казино.

– Поговаривают, что за карточными играми он проигрывает целые состояния, – тихо сказала Анна Владимировна.

Ольга Андреевна только поморщилась в ответ.

Увидев Веру, Пабло подошёл к столику и сказал:

– Разрешите представиться. Пабло Облонский!

– Княгиня Ольга Андреевна Сенявина! – надменно произнесла она. – Моя дочь Вера.

Пабло поцеловал руку Веры и удалился. Больше в этот вечер они его не видели.

«Какая неожиданная скромность, – удивилась Вера. – По-

целовал руку и только. Вот так укрощение льва».

Утром, проходя мимо детской, Вера увидела, как Ольга Андреевна заплетает в белокурые локоны Ксюши банты и целует в розовые щёчки.

«А меня она никогда так не целовала, – подумала Вера. – Да-да, Ксюшу она никогда не будет понуждать выходить замуж без любви, никогда не упрекнёт, не повысит на неё голос. Ксюша всегда была любимицей матери, а мне не доведётся».

Вера, и без того не любившая младшую сестру, и вовсе затаила на неё злобу. Это утро стало точкой невозврата в Верином отношении к ней. Спустившись в гостиную, она обнаружила в ней маленького Егора, в одиночестве играющего в игрушечный паровозик. Тонкий, с лучистыми глазами и грустной улыбкой, в раннем детстве оставшийся сиротой, он не знал ни материнской, ни отеческой любви и тем самым так походил сейчас на самую Веру, такую же, в сущности, сироту, хоть и при живых родителях. Она села рядом и крепко обняла его, проявив тем самым невиданную даже для самой себя щедрость.

Звон колокольчика заставил Ольгу Андреевну спуститься из детской вниз.

– Вы? – удивилась она.

На пороге стоял Пабло Облонский, державший в руках огромную корзину роз.

– Могу ли я увидеть вашу дочь? – спросил он.

Некоторое время Ольга Андреевна пребывала в замешательстве, но наличие доходных домов у родителя Пабло склонили её к благосклонности.

– Что же? Прошу завтракать с нами!

За столом Пабло не сводил глаз с Веры и всё молчал. Вера нарушила тишину первой:

– Как вы нашли нас? – спросила она.

– Да, действительно. Как вы нас нашли? – подхватила Ольга Андреевна.

– О, это проще простого. Достаточно было только спросить, где живёт самая красивая девушка в Кисловодске, как мне указали адрес. Я, собственно, хотел только пригласить вас на пикник, с маменькой и детьми, разумеется.

– О, мы бы с радостью, – не дала договорить ему Ольга Андреевна, – но, увы, на сегодня мы отозваны. Барановские дают вечером бал на своей Мавританской даче, так мы не могли отказать.

– Прекрасно! – обрадовался Пабло. – Значит, до вечера.

При этих словах Пабло попрощался с дамами. А Ольга Андреевна негодовала.

– Что означает это «прекрасно»? Быть того не может, чтобы этот прохвост был вхож в приличные дома. Что он задумал? Ах, за какие грехи свалился на наши головы этот Пабло?

Но негодование матери только забавляло Веру, теперь она с нетерпением ждала вечера. Как и обещал Пабло, они встре-

тились на бале у Барановских.

– Вы не на шутку разозли мою мать своим визитом, – хототала Вера.

– Я и впрямь так неприятен ей? – улыбался в ответ Пабло.

– Мама полагает, что вы и в нашем присутствии намерены забавляться да скоморошничать, словно мальчишка.

– Отчего же? Напротив, – застенчиво улыбнулся Пабло.

– И в самом деле, как это не идёт вам! – Вера неодобрительно покачала головой.

Каждое слово Веры, каждый её взгляд, обращённый к нему, пробуждал в Пабло самые добрые, самые светлые чувства. Каждую минуту он всё сильнее и сильнее влюблялся в Веру. Теряя голову от любви, он уже был готов на всё. За один вечер вся его жизнь переменялась и целиком принадлежала теперь Вере. Он не хотел расставаться с ней ни на секунду. Ложась спать ночью, он мечтал поскорее заснуть, чтобы, проснувшись, утром увидеть её вновь.

Известие о том, что Барановские – добрые друзья Облонских и Пабло вхож в их дом без приглашения, несколько смягчило Ольгу Андреевну, что несказанно обрадовало Пабло. Теперь он мог видеть Веру в любое время дня.

Однажды, гуляя с ней по Тополиной аллее, он спросил:

– Вера, отчего ваша матушка по-прежнему так неблагоприятна ко мне?

– Все дело в ваших друзьях, с которыми вы однажды появились в театре, – улыбнулась Вера. – Помните...

– Помню, – не дав договорить Вере, ответил Пабло.
– В тот вечер я впервые увидел вас. Но ежели вы заметили, с того вечера я больше не вожу дружбу с этими людьми. Будьте покойны, отныне жизнь моя совершенно переменилась и всё ради вас, Вера.

Пабло был так серьёзно настроен, что прикажи ему Вера сброситься со скалы, и он немедленно выполнит её приказ. Вера чувствовала это и равнодушно ответила:

– Немного.

– Всё что угодно выполню! – дрожащим голосом сказал Пабло.

– Смотрите же, не пожалейте, – засмеялась Вера.

Боже, как же она была хороша! Пабло не мог оторвать от неё глаз: тонкий стан, волосы, глаза, улыбка, зубки, как жемчуг. Он дышал ей и был тем счастлив.

– Кони! Кони понесли! – закричал вдруг кто-то в толпе.

Обернувшись, они увидели, как по дороге мчится неуправляемая повозка, на пути у которой площадка с играющими детьми.

– Ах, дети! – вскрикнула Вера, закрыв глаза руками.

Пабло прижал Веру к груди. Проходившие неподалеку казаки успели схватить детей и отбежать в сторону. Трагедии удалось избежать.

– Слава Богу, всё обошлось, – успокаивал Веру Пабло.

Вернувшись домой, Вера попросила оставить её одну. Запершись в своей комнате, она попыталась заснуть, но инци-

дент, случившийся на аллее, всё никак не шёл у неё из головы. Как это всё напомнило историю, случившуюся с ней самой, когда вот точно так же помчал её Султан. И сразу Вере вспомнился Митька, как смело и отчаянно бросился он ей на помощь. Бросился, не думая о себе, не думая, что может покалечиться сам. И так захотелось вдруг его увидеть, такая охватила её тоска.

«Митька, где он сейчас? – подумала Вера. – С кем? Ах, как хочется, чтобы он был сейчас рядом! Как хочется взглянуть в его ясные васильковые глаза».

Глава 24

Утром Пабло застал Веру за игрой на фортепьяно. Она была задумчива и грустна, но Пабло казалась ещё красивее. Он боялся пошевелиться, чтобы не потревожить её, чтобы не спугнуть это обаяние, эту красоту, соединённую с музыкой Моцарта и лучами утреннего солнца.

– Вы здесь? – удивилась Вера, заметив Пабло.

– Я не хотел вас беспокоить, – ответил он.

– Но вы сделали это, – небрежно ответила Вера. – А впрочем, мы с маменькой планировали нанести визит Дружининым, вы можете составить нам компанию.

– О, эти долгие обеды у Дружининых, разговоры о славянской душе и новинках театрального сезона, – устало протянул Пабло. – Ольга Андреевна, не угодно ли вам совершить конное путешествие к Вершине красных камней? – обратился он к княгине. – Вам откроются такие виды, о существовании коих вы и не догадывались. Тем более что я уже отправил приглашение Анне Владимировне, благосклонно принятое ей.

– Ах, проказник, – улыбнулась Ольга Андреевна. – И всё-то вы предусмотрели. Но делать нечего, я не могу оставить Анну Владимировну наедине с эдаким шалопаем.

– Здесь и впрямь прекрасно! – восхитилась Вера, взобравшись с Пабло на вершину горы.

– Обещаю показать водопад и гору Кольцо, вы останетесь довольны. Я всегда счастлив угодить вам.

– Неужели счастье может заключаться в такой малости?
– удивилась Вера.

– Счастье заключается в любви, теперь я это точно знаю. Я люблю вас, Вера! – смущаясь, признался Пабло. – Поверьте, никогда прежде я не был так сентиментален. Поистине моя любовь к вам приобрела характер бедствия. Что вы сделали со мной, милая Вера?

Первое в жизни признание в любви к себе обескуражило Веру, хотя она и была к нему готова. Но ответить взаимностью Пабло она не могла.

– Мне жаль, но я не могу ответить вам тем же, – сухо сказала она.

– Я и не требую. Я хочу только, чтобы вы знали о моих чувствах.

И в глазах Пабло заблестели слёзы.

– И что за беда нам с этим Пабло, – сокрушалась Ольга Андреевна, раскладывая пасьянс. – Весь Кисловодск уже судачит о твоём романе с ним, Вера. Конфуз невыносимый. А Барановские и вовсе убеждены, что он готовится сделать тебе предложение. Как тогда нам быть? Да, он небеден и не так плох, как показался в театре, и всё-таки у него дурная репутация.

– А ежели я полюбила его? – неожиданно парировала Вера.

– Ах, что за глупости ты говоришь? Сложившаяся вокруг нас ситуация не повод для шуток!

– И всё-таки? – не унималась юная княжна.

– И слышать ничего не желаю! – схватившись за голову, вышла из комнаты Ольга Андреевна.

Вера, конечно, не любила Пабло, но ей доставляло удовольствие злить мать. А Пабло был настроен по-настоящему серьёзно. Теперь в надежде получить благосклонность красавицы он осыпал её цветами и подарками, устраивал пикники и танцевальные вечера, приглашал на кавалькады и ждал взаимности, но Вера оставалась непреклонна.

Однажды на скачках она увидела вороного коня, самого строптивного и непокорного, и не могла оторвать от него глаз.

– Я хочу его себе! – капризно сказала Вера.

– Он будет ваш! – покорно ответил Пабло.

Ему стоило немалых трудов сторговаться с хозяином, и вот наконец-то заветный подарок был у Веры, но она его не приняла.

– Отчего вы не приняли мой подарок? – недоумевал Пабло.

Вера ничего не ответила и, сказавшись больной, перестала принимать Пабло в своём доме.

«Убьётесь, не дай Бог, ни почто себя не прощу», – всё не шли из головы Веры эти Митькины слова. Он сказал их, не задумываясь. А подумал ли Пабло о том, как опасен был для её жизни этот каприз? Нет, Пабло был совершенно ослеп-

лён своей любовью и стремился лишь бездумно угодить. А вот Митькины забота и ответственность были заложены в нём, сироте, не знавшем родительского тепла и полагавшемся в жизни только на себя, в самом детстве. И эта мужественность, серьёзность в совокупности с внешней красотой выгодно отличала его от всех остальных юношей. И Вера, сама не заметив, как это произошло, поддавалась на Митькино обаяние, на его такую притягательную, мужскую силу и смелость.

А что Пабло? Он мог дать Вере безбедное существование, дом и дорогие наряды. Впрочем, всё то, что предложит каждый кавалер из её окружения, но вот это ощущение защищённости, которого так недоставало Вере, рядом с Пабло она не испытывала. И Вере стало совершенно ясно: для Пабло нет места ни в её сердце, ни в её жизни.

Пабло же совершенно потерял голову от любви. Увидев Веру на Галицинском проспекте, он бросился к её ногам:

– Умоляю, не отталкивайте меня! Я на всё готов, только позвольте хотя бы иногда, хотя бы издали видеть вас.

Но чем больше Пабло унижался, тем сильнее презирала его Вера.

Однажды, не выдержав разлуки, он прислал ей записку: «Милая Вера, разлука с Вами стала невыносимой пыткой для меня. Умоляю, позвольте увидеть Вас! Только одно свидание, и Вы спасёте раба Вашего от трагической участи. Буду ждать вас сегодня вечером у Стеклянного пруда в парке.

Ежели Вы не придёте, я погибну!»

И Вера пришла, красивая и надменная, в изысканном туалете, изящно придерживая рукой от ветра широкополую шляпу, но не из жалости или уважения, а из любопытства. Она наслаждалась своей властью над этим человеком, любовалась своей красотой, превращающей мужчин в рабов.

Пабло чувствовал себя ничтожно, но любовь к Вере сковала его, и, превратившись в игрушку в её руках, он долго не решался начать разговор. Вера заговорила первой:

– Вот и закончилось лето. У нас в Богоявленском, должно быть, дожди и листва опала. И нам с вами настало время прощаться. Завтра мы уезжаем.

– Как завтра?! – ужаснулся Пабло от одной только мысли, что грядёт скорая разлука с Верой.

– Не ищите меня! – равнодушно продолжила она. – И постарайтесь забыть. Я забуду вас уже завтра. А теперь прощайте, Пабло!

– Нет! Нет! Не покидайте меня, Вера! – ещё долго будет бормотать Пабло в любовной горячке, в то время как Вера с матерью, Ксюшей и Егором уже давно уехали из Кисловодска и вернулись домой.

Да, высший свет Кисловодска много потерял с отъездом старшей княжны Сенявиной, красавицы Веры.

Глава 25

В Богоявленское княгиня Ольга Андреевна с детьми вернулась только в декабре. С их возвращением губерния пополнилась и новыми молодыми мужчинами, поклонниками княжны Веры из Кисловодска. Влюбленные юноши не хотели выпускать из поля зрения этот юный идеал женской красоты.

Вера же, оказавшись в свете, блестящем, шумном, весёлом и говорливом, покидать его больше не хотела, так же, как и не хотела оставлять своих новых привычек. Теперь на скуку у неё просто не оставалось времени. Отныне каждый день княжны Сенявиной был расписан по минутам. Не успев скинуть пеньюар, Вера надевала домашнее платье и спускалась в большой зал, где за огромным столом завтракала вся их семья. После завтрака, надев прогулочное платье, отправлялась гулять по парку или на занятия по верховой езде, затем, снова переодевшись уже в визитное платье, она посещала подруг или принимала их у себя, после чего в её расписании наступал черед чайной паузы и нового платья. Во время таких пауз Вера принимала подарки, которые теперь постоянно присылали ей преданные поклонники. Эти роскошные букеты и драгоценности стали темой для обсуждения во всех губернских салонах. Далее же, сразу после обеда, для которого у Веры также существовало отдельное платье, она,

наконец, приступала к выбору вечернего наряда.

Каждый вечер Вера в сопровождении матери посещала балы в Дворянском собрании или воронежский театр, где зал блистал бриллиантами, мехами и золотыми эполетами. И всюду, где бы они ни появились, им оказывали самый тёплый приём. И уже весной случилось событие, к которому в семье Сенявиных уже были готовы. На пороге их дома появился молодой гвардейский офицер с предложением руки и сердца. Он был некрасив, но зато умён и образован и к тому же очень богат. Но, сославшись на юность дочери, Петр Иванович ответил категорическим отказом, и Вера вздохнула с облегчением. Столь раннее замужество не входило в её планы. А вот Ольгу Андреевну этот отказ расстроил, ведь ещё в Кисловодске она задалась целью отдать дочь замуж и сделать это как можно выгоднее. Богатство влюблённого в Веру офицера показалось ей привлекательным, но спорить с супругом она не стала.

В семье решили, что новый образ жизни изменил Веру. Всем стало казаться, что юная княжна сделалась общительнее и приветливее. И Вера, будто в подтверждение этого мнения, как-то неожиданно потянулась к старшей дочери Митрофана Спиридоновича Мищенко – Глаше, чему та не могла не обрадоваться. Она проявляла неподдельный интерес к Вериним рассказам об отдыхе в Кисловодске и светской жизни. Глаша с нетерпением ждала, что вот-вот отец и ей разрешит вступить в эту красивую, блестящую жизнь, проводи-

ком в которую станет для неё Вера. В своих мечтах Глаша уже видела себя красивой и нарядной, в окружении поклонников в театре и купеческом собрании. Но Глаша даже не подозревала, что в голове хитрой и расчетливой Веры созрел коварный план, которым она планировала обезопасить себя от будущего посягательства на свою руку и сердце, которое, и это было очевидно, не заставит себя долго ждать, для чего и приблизила к себе наивную Глашу.

Ну а пока Глаша мечтала о светской жизни, в их доме все жили в ожидании большой радости: Василиса Ивановна была на сносях, и вскоре в семье Мищенко должен был появиться четвертый ребёнок.

Глава 26

Серафима Митрофановна Мищенко появилась на свет 11 августа 1910 года, а 19 сентября отпраздновать крестины малютки собралась добрая половина богоявленцев. В этот день Митрофан Спиридонович с радостью встречал в своем доме каждого гостя.

Собирался ехать на праздник и Митька. Когда из дома выбежали Ксюша и Егор, он укладывал в дрожки подарки для новорожденной. Тут были свёртки и от него с сестрой Машей, и большие коробки с яркими ленточками от княжеской семьи Сенявиных.

Подбежав к Митьке, Ксюша взяла его за руку так просто, по-свойски и, запинаясь в своих словах, стала торопить:

– Митя, Митенька, ну скорее же! Поехали скорее!

И притянув его за рукав, шепнула на ухо:

– Скорее, пока папенька не передумал.

Митька обернулся на князя Петра Ивановича. Тот, стоя на крыльце с накинутым на плечи плащом, одобрительно кивнул и устало махнул рукой. Сопrotивляться напору младшей дочери было бесполезно.

– А ну-ка, залазьте! Да держитесь покрепче! – обратился Митька к детям, и те с радостным писком бросились в дрожки.

– Езжай осторожнее! – крикнула вслед уезжающему

Митьке выбежавшая на улицу Ольга Андреевна.

Обернувшись на мужа, она сказала:

– Зачем ты разрешил им ехать? Разве их круга там соберутся гости?

– Перестань, Ольга, они всё-таки дети! – возразил Петр Иванович.

В богатом доме Митрофана Спиридоновича Мищенко было многолюдно, и играл патефон. Но, невзирая на большое количество гостей, сразу же бросалась в глаза зажиточность хозяина. Зеркала в богато декорированных рамах, карнизы с дорогими шторами на окнах, пузатый, неуклюжий гардероб, буфеты и комоды, кресла с высокими спинками, шкафы и часы – все эти вещи можно было увидеть только у Митрофана Спиридоновича, по богатству дом его уступал только усадьбе князя Сенявина.

Войдя в дом, Митька первым делом перекрестился, глядя на образа, затем, пройдя через залу, с трудом пробираясь через изрядно подпивших гостей, подошёл с подарками к Митрофану Спиридоновичу и Василисе Ивановне. Митрофан Спиридонович принял Митьку неожиданно ласково.

– А, Димитрий! Здорово, брат! – протянул он свою широкую ладонь, и, поблагодарив за подарки, пригласил Митьку за стол: – Проходи, садись! Будь дорогим гостем!

Митьке предусмотрительно оставили место рядом с Арсением и Васькой. Праздник был в самом разгаре. На угощение Митрофан Спиридонович не поскупился. Стол изоби-

ловал и белой, как сливки, индюшкой, откормленной грецкими орехами, и «пополамными» расстегаями из стерляди, и налимьей печёнкой, а дорогие вина с водкой текли рекой. Ещё долго по Богоявленскому будут ходить легенды об этом торжестве, обрастая всё новыми и новыми легендами.

Митька на этом празднике успевал не только веселиться, но и приглядывать за барчатами:

«А то, неровен час, покалечатся, чертятя», – думал про себя он.

Митька искренне любил этих детей, ведь они были такими озорными и непоседливыми, как он сам когда-то. Заводилой здесь, как всегда, являлась Злата. Домой из Крыма она вернулась совершенно здоровой и такой же хулиганистой, как раньше. Вот только голос прежний к ней так и не вернулся, навсегда оставшись бархатным, ребячьим.

С любопытством наблюдал за этой детской троицей и Васька. Особенно его внимание привлекала юная Ксюша.

«Как же эти сестры Сенявины быстро взрослеют, – думал он, глядя на двенадцатилетнюю княжну. – В одно лето превращаются они в прекрасных барышень».

И всё-таки Ксюша с Верой были совершенно разными. Белокурая Ксюша не отличалась такой яркой и манящей красотой, как старшая сестра, но в ней жило неповторимое очарование. Сероглазая, всегда приветливая, с ещё пухлыми, почти детскими щёчками, она в момент обезоруживала застенчивой улыбкой. Две сестры Сенявины были как два полюса

– Вера – совершенное, но ледяное изваяние, Ксюша – ласковая, весенняя бабочка. Так не хотелось в этот день Ваське верить, что она княжна, настолько Ксюша казалась близкой и родной.

Васька взял в руки гармонь и запел веселую, жизнеутверждающую песню:

Под окном широким,
Под окном высоким
Вишня белоснежная цветёт.
Мимо этой вишни,
Мимо этой хаты
Парень бравый в первый раз идёт.

Васька даже не заметил, как со всех концов стола подхватили его песню и пустились в пляс односельчане. Это пела Васькина душа:

Он в окно посмотрит,
Он в окно заглянет –
Ничего за вишней не видать.
Отойдёт, вздохнёт он,
Бровью поведёт он,
К вишне возвращается опять.

Ты открой, родная, открой, дорогая.
Ты открой, любимая, окно.
Или ты не видишь, иль не понимаешь,
Что я жду тебя давным-давно.

Что это за вишня,
Что это за хата,
Что это за девка у окна?
Что это такое,
Сердцу нет покоя.

Где лежит дороженька одна...

И чем громче Васька пел, тем больше оживлялись гости. Он с гордостью наблюдал, как подхватил его песню и Митрофан Спиридонович, сидевший во главе стола в обнимку с его отцом Тишкой, как в одно мгновение, запрыгнув на лавку, подхватила песню Злата. Её детский, но уже сильный голосок значительно возвышался над остальными. Но веселее всего Ваське было наблюдать за Ксюшей. Пытаясь не отставать от всех, она подпевала, но путала слова и очень от этого смущалась. Она даже не догадывалась, как мила и очаровательна была в этот момент.

Глава 27

Закутавшись в шаль, Ксюша быстро прошла по липовой аллее и спустилась на берег Дона. Тут она уже гуляла не спеша, осторожно ступая расшитыми бисером туфельками на замерзшую землю, припорошенную первым снегом, любуясь, как огромный пылающий шар солнца садился за горизонт. С недавних пор Ксюша стала сама не своя, потеряла аппетит и испытывала постоянную грусть. Она напрочь забросила своих кукол и прежние детские забавы. Ей наскучило всё, что ещё совсем недавно казалось радостным и интересным. Ксюша, сама того не осознавая, прощалась с детством. Теперь она стала грезить о балах и званых вечерах, на которых ей хотелось блистать так же, как сестра Вера. Наконец ей хотелось кружить головы лучшим кавалерам, как это делала сестра. И среди этих кавалеров она уже видела его – самого блестящего рыцаря, предназначенного ей судьбой. Ксюша уже нарисовала его, красивого, отважного и благородного, в своём воображении, уже видела в своих снах. Но для выхода в свет Ксюша была ещё слишком юна, а из детских забав выросла. Оттого-то ей и было сейчас так скучно и тоскливо.

Вечер выдался тихим, безветренным, и Ксюша услышала, как откуда-то с высокого берега доносились звуки гармонии и беззаботный смех. Ей ужасно захотелось посмотреть на этих людей, которым радостно и весело в то время, когда

ей грустно. Поднявшись на пригорок, она увидела рядом с торговой лавкой веселящихся крестьянских юношей и девушек. Они играли на гармонии, пели и плясали.

После бегства из Богоявленского Марка Вацлавича Садилека мужики перестали собираться около торговой лавки, где велись их долгие политические беседы и, кажется, совсем забыли о том, что их тут объединяло. Но долго здешним скамейкам пустовать не пришлось. Теперь каждый вечер на них стала собираться на гулянья сельская молодёжь. В этой разудалой компании Ксюша узнала верных друзей Митьку Чадина и Ваську Попова.

Встав за торговую лавку, так, чтобы оставаться незамеченной, Ксюша стала внимательно всех разглядывать. Васька играл на гармонии и пел хулиганские частушки, а Митька стоял неподалеку в окружении трёх девушек, явно боровшихся между собой за его внимание. Митьке исполнилось уже семнадцать лет, и он был очень красив, обаятелен, а главное – по-прежнему оставался честным и бескорыстным. Наблюдая за этой веселящейся сельской молодежью, Ксюша и сама развеселилась. Ей так нестерпимо захотелось к ним. Захотелось петь и танцевать вместе с ними, но позволить себе этого, в силу своего высокого происхождения, она не могла.

Но вот Митька обернулся и заметил Ксюшу, хотя виду не подал. Он лишь потихоньку подошёл к ней и с участием спросил:

– Случилось чего, Ксения Петровна?

Ксюша отрицательно покачала головой и застенчиво улыбнулась. Улыбнувшись ей в ответ, Митька сказал:

– Давайте-ка я вас до дому провожу. А то вон уж темень какая спустилась.

– Могёть, я провожу? – прозвучал Васькин голос у Митьки за спиной. – Я всё одно до хаты собираюсь.

И закинув гармонь на плечо, он застыл в ожидании ответа.

– Ну, коли так, ступай ты, – ответил Митька и, обратившись к Ксюше, добавил: – С нашим Васькой и сотня разбойников не страшна.

Ксюша была не против, она с детства привыкла, что с ней, как с царевной, нянчится едва ли не каждый богоявленец. Они шли молча. Миниатюрная, хрупкая Ксюша лишь изредка поглядывала на Ваську и тихонько напевала песенку, которую он только что играл на гармонии. А Васька, весельчак и балагур, неожиданно затих и только нервно курил самокрутки. Он старался держаться немного позади Ксюши, чтобы она не смотрела на его лицо, испещрённое оспинами, которого он вдруг стал стесняться. Подойдя к усадьбе, Ксюша бросила Ваське лишь равнодушное:

– Доброй ночи!

И упорхнула, как пташка. А Васька ещё долго стоял у кирпичной ограды и будто ждал, что она вот-вот выпорхнет обратно.

Войдя в дом, Ксюша тихонько закрыла за собой дверь и прошла в гостиную. Но в большом зале ярко горел свет. Кро-

ме Егора, в доме никто не спал. В воздухе висела тревожная тишина. Ольга Андреевна сидела в кресле, опустив голову на руку, Петр Иванович, опершись на трость, поправлял поленья в камине. Войдя в зал, Ксюша повернула голову и столкнулась глазами с Верой. Окинув младшую сестру с головы до ног пренебрежительным взглядом, та устало отвернулась.

– Ксюша, доченька, ну где же ты пропадаешь? – протянув к дочери руки, спросила Ольга Андреевна.

– Я гуляла у Дона, – обняв мать, ответила та.

– Ступай к себе, – строго сказал ей Петр Иванович.

Ксюша поняла: это не из-за неё в доме переполох. Но что же случилось? Вечером Вера с Ольгой Андреевной уезжали на бал в самом лучшем расположении духа. Что же всё-таки случилось? Поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, Ксюша обернулась. За ней никто не следил, а значит можно затаиться и подслушать взрослый разговор. Так Ксюша и поступила. Внимательно прислушиваясь к каждому слову, она с ужасом поняла, что повод для столь позднего разговора был самый печальный. Один молодой студент, сватавшийся к Вере, не сумев пережить её отказа, застрелился. И этим студентом был Пабло.

После расставания с Верой Пабло пытался забыть её в безудержных кутежах, в горячих объятиях продажных женщин, но ничего ему не помогало. Он забывался лишь на короткое время, но наступало похмелье, и тоска по Вере накатывала с новой силой. Ни в чём Пабло не находил спасения. Жизнь

без Веры не представляла теперь для него смысла.

«Увидеть бы её ещё хотя бы раз, – думал он. – Прикоснуться губами к её руке. Не о чем больше и мечтать, нечего больше и желать».

Пабло решил во что бы то ни стало разыскать Веру. Для этого, бросив Сорбонну, вернулся в Россию. Вера не оставила адрес, и он знал только то, что Ольга Андреевна дружит с Анной Владимировной Коряковской. Рассчитывая на её помощь, он и приехал в Воронеж.

Анна Владимировна не обрадовалась визиту Пабло, у неё имелся свой сын, для которого Вера могла бы стать отличной партией, но всё-таки сжалилась над несчастным и устроила ему встречу с Верой.

Пабло задыхался от счастья! Увидев Веру, он бросился к её ногам и готов был разрыдаться от нахлынувших чувств, но Вера оставалась холодна и появление Пабло приняла равнодушно. Тогда он решился на предложение руки и сердца.

– Вера, жизнь моя, знайте: наша встреча с вами не случайна – это судьба! Моя любовь к вам навек! Станьте моей женой, и вы ни в чём не будете знать отказа! Я никогда не обижу вас и сделаю всё, что в моих силах, чтобы вы были счастливы. Если вы откажете мне и покинете, я погибну!

Как же жалок был Пабло в глазах Веры в эту минуту. Она смотрела на него с презрением и даже брезгливостью.

– О вашей гибели я уже слышала в Кисловодске, однако вы живы, – рассмеялась в ответ Вера. – Я никогда не буду

вашей женой и прошу мне более не докучать.

Решительный отказ Веры не оставил Пабло надежды на счастливое будущее, так как будущего без Веры для него не существовало, и рассудок Пабло помутился. В ту же ночь он застрелился на мостовой. Так красота Веры стала приносить беды.

– Ах, какое несчастье! Какое несчастье! – причитала Ольга Андреевна. – Мне всегда не нравился этот юноша. А теперь эта ситуация может сильно навредить Верочкиной репутации. Отныне мы рискуем потерять много выгодных претендентов на руку нашей дочери.

– Оля, что ты говоришь?! – возмутился Петр Иванович.

Ему не было никакого дела до выгодных претендентов. Он боялся, что драма, произошедшая с Пабло, может сильно навредить душевному равновесию его молодой, неопытной дочери. А вот сама Вера к произошедшей трагедии оставалась, совершенно равнодушна. Она уже давно не слушала родителей, и мысли её витали где-то очень далеко и от самоубийства Пабло, и от переживаний отца и матери. По её красивому лицу блуждала едва заметная улыбка.

Глава 28

– Звезда! Зажглась первая звезда!

Егор быстро сбегал по лестнице, крепко держа за руку Ксюшу, и тянул её за собой. В этот вечер она была рядом с ним и по традиции, как самому младшему в семье, рассказывала о рождении Христа. Но Егор не слушал рассказ, который давно знал, а только завороженно смотрел в вечернее небо. Он ждал, когда же загорится та самая заветная Вифлеемская звезда.

Теперь пост был закончен, и Егору не терпелось скорее заглянуть под ёлку, где их всех должны были ждать рождественские подарки.

Егор рос добрым, ласковым и доверчивым мальчиком. Он тянулся к книгам и упорно не хотел взрослеть. Его тёмно-карие глаза смотрели всегда по-детски наивно. Он не знал обид, ведь в приютившей его семье Сенявиных не делали разницы между ним и остальными детьми – так сильно любили.

Тем временем лесная красавица, украшенная забавными ёлочными игрушками и свечами, уже раскинула игольчатые лапы в самом центре большого зала, а на стоящем рядом массивном столе белоснежно сияла накрахмаленная скатерть и, пробуждая аппетит, слышался запах расставленных угощений.

Рождественский сочельник в доме Сенявиных хоть и оставался семейным ужином, всё же на кухне с самого утра традиционно готовились двенадцать блюд. Но, по настоянию Петра Ивановича, невзирая на закончившийся пост, пища оставалась скромной.

Этот вечер в барской семье очень любили: он казался сказочным. Всё семейство участвовало в приготовлении праздничного стола, дарили друг другу подарки, а на окнах, за которыми большими хлопьями падал пушистый снег, зажигали свечи.

– Ксюша, а что бывает, когда Рождество выпадает на субботу? – спросил Егор сидевшую рядом за столом кузину.

– Если Рождество выпадает на субботу, то зима будет ветреной, а весна и лето сырыми, – ответила Ксюша. – Будет недостаток плодов, но будут они хороши. Осень придёт сухой, а вот овцам будет погибель – много падёт скота.

– Ты это верно знаешь? – удивился Егор.

– Так говорят, – серьёзно ответила Ксюша.

– Кто говорит?

– Моя старая няня сказывала, когда я была ещё совсем маленькой.

Ксюша посмотрела за окно и радостно закричала:

– Смотрите! Смотрите! Ряженные за окном! В гости к нам!

Незнакомцы на улице громко запели:

Тяпу-ляпу,

Скорей дайте коляду!

Ножки зябнут,
Я домой побегу.
Кто даст,
Тот князь,
Кто не даст –
Того в грязь!

Колядовавших тут же пустили в дом. Наряженные в смешные костюмы, они продолжали петь и танцевать. Узнав в них семейство Мищенко – Арсения с Глашей, озорную Злату и большого неуклюжего Митрофана Спиридоновича, Ксюша с Егором, громко смеясь, присоединились к ним. Пустилась в пляс и Ольга Андреевна с Верой, даже Петр Иванович, отбросив трость, последовал за домочадцами. Все они хохотали и были в эти минуты совершенно счастливы.

Дети за стол больше не садились. Оставив родителей наедине со своими взрослыми разговорами, переодевшись в карнавальные костюмы с большими бумажными звездами и фонариками в руках, они пошли гулять по селу и стучаться в те дома, где на окнах были зажжены свечи.

Молодые княжны Сенявины обожали рождественский сочельник, когда, освободившись от всех сословных правил, запретов, наравне со всеми деревенскими мальчишками и девчонками, они пели рождественские песни, шутили, танцевали и разыгрывали целые спектакли. Им нравилось без стеснения заходить в дома односельчан, где их приглашали к столу и где они могли участвовать в непривычной для них

жизни. Жизни незнакомой и загадочной.

Ночь клонилась к утру, но никто не расходился к тёплым печкам. Мороз щипал нежные щёчки княжон, снежные сугробы, озаряемые яркой луной, искрились, как в сказке. Украшенные светящимися фонариками дома ни в какие другие дни года не выглядели такими картинными. Наряженные ёлки во дворах, над которыми возвышался едва заметный дымок из печных труб, одинокая сосна, укутанная снегом, — всё создавало неповторимую магию волшебства.

Но вот с широкого выгона послышались звуки гармонии, смех и беззаботное пение:

Ходит коляда по святым вечерам,
Заходит коляда в Богоявленское-село.

Собирайся, селяне,

Будем с колядой!

Открывайте сундучок,

Доставайте пятакоч!

Открывайте, коробейники,

Доставайте копейки!

Подходи, не робей,

Сейчас народ потешим.

Кто будет чёртом, а кто лешим!

А кто никем не хочет

Пусть за пятак хохочет!

Эта хулиганская колядка собрала вокруг шумной компании, вышедшей на выгон, много наряженных, развесёлых

молодых мальчишек и девчонок. Отвечая на их коляду сильным, бархатистым голосом, запела свою и Злата:

Воробушек летит,
Хвостиком вертит...

Продолжая её песенку, зазвучал знакомый, почти братский для одиннадцатилетней Златы Васькин голос:

А вы, люди, знайте,
Стол застилайте...

Переодетого в лешего Ваську с трудом можно было узнать.

Соединившись в один большой хоровод, все принялись приветственно обниматься и поздравлять с Рождеством. Молодёжь удивлённо хохотала, угадывая друг друга за нелепыми нарядами. А Митька, подойдя к стройной фигуре в длинном плаще с капюшоном, закрывающим лицо, тихо проговорил следующую строчку начатой колядки:

– Гостей принимайте...

Фигура в черном плаще так же тихо ласковым голосом ответила, протягивая ему зажжённую свечу:

– Рождество встречайте!

Приняв свечу, Митька опустил голову к рукам своей собеседницы и нежно поцеловал её ладошки. Он мог узнать Веру из тысячи фигур, и даже в этот морозный вечер чувствовал её особенный запах. Вера же, в свою очередь, недоумевала, как этот простой крестьянский юноша мог быть таким внимательным, таким ласковым? Никто из её богатых поклонников не отличался подобной чуткостью к ней. Все терялись

и замирали перед её совершенством, и только Митька следил не за красотой Веры, а за тем, что происходит рядом с ней, чтобы в любой опасный момент закрыть своей спиной, уберечь от любых невзгод. Это-то и покорило сердце Веры.

Сейчас они были счастливы затеряться во всеобщем веселье, когда никто не обращал на них внимания, кроме звезд да заледеневших донских вод, когда никто не заметил в большой компании их отсутствия. И только где-то уже совсем далеко раздавалось едва слышное пение:

Ты нас будешь дарить –

Мы будем хвалить,

А не будешь дарить –

Мы будем корить!

Коляда, коляда!

Подавай пирога!

Глава 29

На следующий вечер в доме Сенявиных давался бал. Гостей угощали изысканными французскими блюдами, для приготовления которых специально из столицы был выписан повар-француз. Но не ради угощений собрались у Сенявиных гости. Главной приманкой являлась старшая княжна, красавица Вера.

Кто не знал княжны Веры, непременно желал познакомиться с ней – с той, о ком как о мифологической богине слагались легенды. А кто имел счастье знакомства, чувствовал постоянную потребность хоть издалека, хоть иногда, но видеть её. Мужчины слетались к Вере, как мотыльки на яркий свет, и, едва представленные ей, тут же объяснялись в любви. Женщины же остерегались её и ревновали к красоте, сплетничая о романах, которых не было, пытаясь создать для неё дурную репутацию. Но вместе с тем и опасались коварного ума этой надменной красавицы, всё подмечающего взгляда и мстительного характера, отчего и позволить себе эти сплетни могли лишь втайне от Веры. Но, несмотря ни на что, даже самые злые языки сходились во мнении, что прекрасней девушки они не встречали.

На этом рождественском бале Вере был представлен граф Платов. Этот человек был по-настоящему богат. Получив в наследство от бездетного дядюшки золотопромышленника

миллион на банковском счету и в придачу имение в Воронежской губернии, тянущее еще тысяч на двести, он сделался не только миллионером в двадцать восемь лет, но вместе с тем гордым, эгоистичным и заносчивым любимцем женщин.

К объявленному на бале сюрпризу – живой картине, он отнёсся скептически. Декорации леса, выставленные слугами, вызвали у него усмешку:

– Для чего этот лес, когда мы и без того в дремучем провинциальном лесу?

Зазвучала музыка. Из глубины декорации вышла Ксюша в платье, словно собранном из луговых цветов. Сев на декоративный камень, она оголила миниатюрные стопы, сложила руки на поднятых коленях и опустила на них голову. Её серые глаза опустились в невидимый пруд.

– «Алёнушка»! – мгновенно угадали картину гости.

– А известно ли вам господа, первоначальное название сей картины? «Дурочка Алёнушка», – оскалил белые зубы Платов.

Насмешливого и колкого на язык, его не многие выдерживали более десяти минут, присутствующие рядом отвернулись и сейчас.

Но вот фольклорные мотивы сменились звуками мандолины, и русский лес сменился итальянским двориком. На сцену вышла Вера в белой рубашке спущенной на белое округлое плечо, блестящие, гладко зачёсанные на прямой подбор чёрные волосы собраны на затылке в узел. Взглянув

на Платова, она улыбнулась, подмигнув маслиновым глазом, и нежно ухватив изящной рукой гроздь белого винограда, замерла. Платов побледнел и встал как вкопанный.

– О, да у нас новый Пабло! – смеялась на следующий день Вера.

После бала граф Платов сделался постоянным гостем в доме Сенявиных. Теперь по утрам он присылал Вере розы, жемчуга и бриллианты, а вечерами сидел рядом в гостиной, и молча не сводил с неё глаз.

– Как же мне надоел этот Платов, – жаловалась Вера Глаше за чаем. Огонь в камине разгорался, а языки пламени, казалось вот-вот перекинутся на сосуды из тёмного стекла с удлинёнными горлышками, геометрически точно расставленные на каминных полках. – Ах,

Боже мой! Боже мой! Куда мне от них всех деваться?

– Что ты, Вера? – искренне удивлялась Глаша. – Он молод, умён, богат, любит тебя. Вон подарки какие дарит! Ах, кабы мне такого.

– Не нужны мне его подарки, и сам он не нужен, – уверенно ответила Вера.

– А ежели посватается? – спросила Глаша.

И действительно, в один из вечеров граф Платов приехал к Сенявиным сильно взволнованным. Потупив взор, он, казалось, собирался с какими-то одному ему известными мыслями или чего-то боялся, и видел только, как вышитая золо-

том туфелька с заострённым носом и каблуком-рюмочкой, будто маятник, двигалась влево-вправо, влево-вправо. Вера словно издевалась над ним, нарочно не спуская с него своих пытливых черных глаз.

В этот вечер Вера была скромно причесана, лишь густая черная коса спадала набок, а из украшений она надела только любимый эсклаваж. В присутствии Платова Вера нарочно игнорировала подаренные им украшения, демонстрируя тем самым своё равнодушие к нему и презрение к богатству.

Но вот граф Платов глубоко вздохнул и вкрадчиво заговорил:

– Вера Петровна, сегодня я имел честь говорить с вашими родителями и просить руки вашей. Я до конца моих дней буду благословлять минуту, когда Петр Иванович и Ольга Андреевна великодушно ответили мне согласием.

При этих словах «маятник» Вериной ножки остановился. Она замерла и побледнела, граф же бросился к её ногам и с прерывающимся дыханием продолжил говорить:

– Вера! Милая, любимая Вера! Увидев вас впервые, я мгновенно потерял рассудок. Все эти два месяца каждый день я только и думаю, что о вас! Вера, клянусь, со мной вы ни в чём не будете знать нужды! Я исполню любой ваш каприз, предугадаю любое ваше желание! Вы никогда не пожалеете о том, что стали моей женой! Для графини Платовой не будет ничего невозможного!

Слушая его, ни один мускул не дрогнул на лице Веры. Она

лишь слегка закусил нижнюю губу и устремил взгляд на образ.

Глава 30

– Ну, слава Богу! Одну сосватали, – сказала Ольга Андреевна, поднося ко рту чашку чая.

– Второй ещё и рано, – ответил Петр Иванович, говоря о младшей дочери, тринадцатилетней Ксюше.

– Ты знаешь, Петя, в последние дни меня очень беспокоит Вера. Уж не больна ли она?

– Не вижу причин для беспокойства. Уверен, она вполне здорова, это всего лишь предсвадебное волнение. Оно свойственно каждой девушке. Вспомни себя перед нашей свадьбой.

Петр Иванович улыбнулся и, взяв трость, встал из-за стола. Поцеловав руку жене, он сказал:

– Уже поздно, я завершу свои дела в кабинете, а ты ступай спать.

Оставшись в столовой одна, Ольга Андреевна позвонила в колокольчик, и через несколько секунд в гостиную торопливо вошла Чадина Маша.

– Изволили звать, Ольга Андреевна? – спросила она, той же рукой потерев усталые глаза.

– Разве Вера Петровна не спустится на ужин?

– Вере Петровне нездоровится, просили не беспокоить, – ответила Маша.

– Ну, хорошо, ступай.

В замке Сенявиных один за другим стал гаснуть свет в окнах. На Богоявленское спустилась ночь. Улицы опустели, затих звонкий девичий смех, стихли последние звуки гармони, и только где-то вдали изредка доносился собачий лай.

Перед сном Ольга Андреевна решила навестить Веру. Войдя в спальню к дочери, она застала её читающей книгу. Уютно склонив голову на спинку кресла и распустив по плечам и груди густые, блестящие, как смоль, волосы, Вера не казалась больной. Подобрав под себя стройные ножки в белых чулочках на подвязках, она выглядела очаровательно. И особую прелесть её вечернему образу придавали пышные, отделанные шитьем закрытые панталоны.

– Вера, ты не спишь? – спросила Ольга Андреевна, закрыв за собой дверь в комнату.

Вера ничего не ответила.

– Вера? – снова спросила Ольга Андреевна.

– Я же просила не беспокоить! Зачем Вы пришли, мама? – нервно ответила та.

Она посмотрела на мать глазами, полными негодования. Впрочем, смотреть по-другому Вера, казалось, и не умела.

– Я только хотела справиться о твоём здоровье, – сказала Ольга Андреевна.

– Ах, будьте покойны, маменька, моё здоровье не станет причиной для расторжения помолвки! – не скрывая раздражения, ответила Вера.

– И всё-таки нервы у тебя расстроены. Пожалуй, я при-

глашу к тебе лекаря.

– Благодарю за заботу, мама! Но отчего же Вы не позаботились спросить моего желания, когда согласились на моё замужество с графом?

– Ах, вот в чём дело! – возмутилась княгиня. – Жених не угодил! Позволь полюбопытствовать, чем же?

– Я не люблю его!

– Да что ты знаешь о любви? – парировала Ольга Андреевна. – Любовь – это не то, что пишут во французских романчиках. Любовь приходит с годами, с пережитыми вместе испытаниями, с рождением детей. Вот как зарождается любовь, вот как она крепнет. И то, что такой блестящий кавалер, как граф Платов, берёт тебя в жены – большая честь для нашей семьи!

– Ах, честь?! – гордо выпрямилась Вера, вскочив с кресла. – Не знаю, как вам, а по мне, такая честь унизительна!

И сменив том, Вера принялась убеждать мать:

– Да поймите Вы, мама, он видит только мою красоту. И красоту мою он купить желает вот этими самыми подарками.

Вера запустила руку в шкатулку, стоящую на её туалетном столике, и достала оттуда горсть украшений. Протянув ладонь с браслетами и перстнями к матери, она затем бросила их на пол. Но Ольга Андреевна спокойно заметила на это:

– Не в нашем с тобой положении, Вера, драгоценностями разбрасываться.

– Ах, вот оно что! – поняла Вера. – Вы нашли верный

способ расплатиться с долгами! Да только я вешать на себя ценник не позволю!

И тут же нежную щёку Веры обожгла пощечина матери.

– Неблагодарная! – крикнула княгиня. – Да ты знаешь, сколько денег стоило составить тебе гардероб? Сколько денег стоит содержать экипаж, твоих лошадей, содержать эту усадьбу и всё имение? Скольких расходов требует завод? Сколько стоит дать приличное образование четверым детям? Быть может, ты предпочитаешь продать всё это и поселиться в убогой квартирёнке в убогом Воронеже?

Ольга Андреевна была полна гнева. В эти слова она вложила всю свою несостоявшуюся жизнь, в которой в глубине души винила и Веру, видя в ней супруга Петра Ивановича, не сумевшего дать ей тот уровень жизни, которого она от него ждала.

– Твой дед разорился, и всё, что удалось унаследовать твоему отцу, – эти стены, – развела руками Ольга Андреевна. – Не забывай, ты бесприданница! И всё, что у тебя есть, – это твоя красота. Но и она быстротечна. Граф Платов – это, в первую очередь, твой шанс избежать нищеты, которая ждёт тебя в будущем, когда ты рада будешь и ценник на себя повесить.

Но Вера упрямо ответила:

– Я не выйду за него замуж!

– Выйдешь! Или ты мне не дочь! – вытянула вперёд указательный палец Ольга Андреевна.

Раздался дверной хлопок, и Вера безвольно опустилась в кресло. Повлиять на решение матери и отца она не могла. В патриархальной семье Сенявиных мнение родителей было сильнее желаний детей. И всё-таки Вера не собиралась сдаваться. Ради тайны, которую она хранила от всех, Вера готова была идти до конца.

Но вот снова послышался стук в дверь. На этот раз к ней пришла служанка Чадина Маша.

– Что тебе нужно? – нервно спросила Вера.

– Это от него, – сказала Маша, протягивая Вере маленький клочок бумаги.

– Спасибо, – сменив тон, ответила Вера. – Ступай!

Прочитав короткую записку, Вера, закрыв глаза, прижала её к груди и улыбнулась.

Через несколько минут под окнами княжеского дома промелькнула чёрная тень. Она быстро проскользнула в сторону парка и потерялась в липовой аллее. Чёрная тень вышла на пригорок и остановилась. Перед ней на высоком заснеженном склоне стояла величественная одинокая сосна. Десятки лет, словно страж, несла она свою службу, окидывая взором далекие горизонты, будто готовая предупредить даже малейшую опасность.

Вот чёрная тень сбросила капюшон, и жёлтая луна осветила прекрасное, совершенное лицо княжны Веры. В чёрных глазах её засветились звезды. В эту минуту от одинокой сосны отсоединилась другая тень, высокая и статная. Это был

Митька! Верина тайна! Верина любовь!

Она сделала робкий шаг вперёд и направилась ему навстречу.

Закрыв глаза Вера, не переставая, повторяла про себя: «Я должна это сделать! Должна!»

– Верка, где же ты пропадаешь? – тихо спросил Митька.

Не глядя на него, Вера прошла вперёд и повернулась спиной. Ей хотелось заткнуть уши или вовсе оглохнуть, только бы не слышать его голос, которому она не могла сопротивляться. Вере предстояло сделать выбор сейчас, в эту самую минуту: покориться воле родителей и выйти замуж за графа Платова, навсегда забыв о Митьке, своей страстной любви, или расстроить помолвку, чего бы ей это ни стоило, ради иллюзорного, почти невозможного счастья с ним?

Митька понял её терзания и заговорил первым:

– Я знаю. Сестра Манька гутарила: на Троицу свадьба твоя будет.

Вера понимала: ей уже семнадцать лет, она княжна и выгоднее жениха, чем граф Платов, ей не найти. Она не видела Митьку уже две недели, избегала встречи с ним и всё думала, думала, думала. В какой-то момент ей даже стало казаться, что она сможет свыкнуться с графом и со временем забыть Митьку как странное наваждение своей юности. Но Вера не смогла обмануть своего сердца. Каждый день, проведенный без Митьки, становился для неё всё невыносимей. Она не находила себе места и ни в чём не видела радости. Она стала

терять интерес к жизни.

Невероятными усилиями Вера заставила себя взять волю в кулак и посмотреть Митьке в глаза. Ах, эти глаза! Любимые васильковые глаза! Сколько же в них нежности и добра. А эти кудри, обожаемые чёрные кудри! Это мужественное лицо, эта стать! Вера опустила голову ему на грудь, прислушалась к сердцебиению. Митька обнял Веру в ответ, и всё для неё тут же прояснилось. Всё встало на свои места. Вера совершенно точно поняла: нет ничего на свете такого, что могло бы заставить её расстаться с ним.

На Веру нахлынули воспоминания. Она вспомнила вечер, когда впервые заметила его взгляд в темноте зала, как забавляло её потом наблюдать за ним украдкой. Вспомнила, как стучало его сердце в тот день, когда он спас ей жизнь. Вот точно так же, как сейчас, стучало его храброе сердце. Вспомнила, как шутя, подарила свой портрет, а он потерял его под калиткой Митрофана Спиридоновича. Как долго она потом пыталась гнать от себя мысли о нём, справиться с чувствами, но всё оказалось тщетно. И вот уже год, как она и дня не может прожить без Митьки, и даже при всём своём образовании не знает таких слов, которыми можно выразить эту неожиданную любовь.

– Этой свадьбы не будет! – тихо, но уверенно сказала Вера. – Ещё не знаю как, но я сделаю всё, и этой свадьбы не будет.

Митька лишь тяжело вздохнул и ещё крепче обнял Веру.

Домой он вернулся задумчивый и угрюмый. Маша не спала. Долгое время она не засыпала, пока не вернётся домой пьяница-отец, но вот он сгинул на каторге на веки вечные, а Маше спокойнее жить не стало. Повзрослел любимый брат, и Машино сердце болело уже о нём. Теперь она не засыпала, пока не убедится, что он дома.

– Вечерять будешь? – спросила Маша.

– Надо ей всё сказать, – будто не слыша сестру, промолвил Митька. – Нехай она выходит за графа, с ним она ладно жить будет.

– Митька, ты никак белены объелся? Чего мелешь-то? – удивилась Маша.

– Я ей всё одно неровня. Да и не хочу я.

– Уж не лихорадка ли тебя взяла? – всё не верила своим ушам Маша.

– Ну зачем, Маня? Ведь не любя она мне!

– Как?!

– Да – хороша, да – умна, я за неё хучь на каторгу, хучь на плаху, но не любя она мне, не любя! – крикнул Митька и тут же, опустив голову на руки, повалился на кровать.

Маша села рядом с братом и ласково, как в детстве, погладила его по голове.

– Митька, ты, Митька, – так же ласково сказала она. – Ты вот послухай лучше, чего я тебе скажу. Тебе только двадцатый годок пошёл, и жизнь эту ты ещё не знаешь. Я вот в свои двадцать три уж хлебнула досыта. Любовь что? Её с ка-

шей-то не съешь. Да и не женить я тебя на ней хочу. А опозорить – так с неё не убудет. Тогда-то барину крутись не крутись, а позор дочери прикрыть придётся, заплатит столько, сколько положим. А тогда уж нам и сам чёрт не брат – уедем хучь в Воронеж, хучь дальше. И заживём мы сызнова! Почеловечьи заживём! Будя нам на кровососов энтих спины гнуть! Авось и мы люди! Ты же сам мне то обещал.

– Что ты, Маня? – испугался Митька. – Не то я тебе обещал! Мне же чудилось, кубыть любя она мне. И уехать я с ней обещался, чтобы ты, я и Верка. А вот так – нет! Не людски энто!

– Ну ладно, Митька, погутарили и будя. Утро-то, оно вечера мудренее.

Маша задула свечу и улеглась на печи. Решимость Митьки не действовать по её совету сильно взволновала Машу, но отказываться от своего плана она не намеревалась. Маша знала, что Митька сильно привязан к ней, и потому рано или поздно он поддастся на её уговоры.

Машина ненависть к семьям Сенявиных и Мищенко с каждым днём всё крепла. Видя их богатство, сравнивая их праздную жизнь со своим тяжёлым трудом и скудным существованием, разобиженная на неустроенную бабью долю, она не оставила в сердце ни капли сострадания к хозяевам.

Глава 31

С приходом весны, как природа, изменилась и Вера. Она словно оттаяла ото льда, словно очнулась после долгой болезни. Исчезли грусть и меланхолия, и на прекрасном её лице появилась улыбка. Вера снова вернулась к привычному для себя образу жизни и, будто, сделалась приветливее, чем была прежде. Теперь она с подчеркнутым уважением принимала своего жениха – графа Платова, с несвойственной для себя теплотой обращалась с Чадиной Машей и даже распорядилась перевести её из кухни в штат личной прислуги, и ни один её день не обходился теперь без встречи со старшей дочерью Митрофана Спиридоновича Мищенко Глашей. Неожиданно Вера сама потянулась к ней, и они сделались настоящими подругами: вместе гуляли, вместе пили чай, вместе совершали конные прогулки. Днём Вера учила Глашу правильно говорить, одеваться, советовала необходимые для прочтения книги. Не оставляла она Глашу и вечерами. Вывела её в высший воронежский свет в дворянском собрании, сажала в свою ложу в театре и самое главное – представила графу Платову как ближайшую подругу.

Глаша терялась в тени Вериной красоты. Её, скромную и нескладную, почти не замечали, и всё-таки она была счастлива. Глаша полюбила Веру как сестру, восхищалась её красотой, восторгалась умом и ценила расположение к себе.

На правах близкой подруги она присутствовала при каждой встрече Веры с женихом. Пользуясь абсолютным доверием обоих, наивная, бескорыстная Глаша и сама не заметила, как стала незаменимым связующим звеном в их отношениях, ведь оба доверяли ей свои тайные мысли, любовь и сомнения, переживания и восторги, часто обращались за советом.

– Ах, Глаша, смогу ли я стать хорошей женой для графа? – сомневалась Вера.

И Глаша принималась успокаивать подругу, помогала развеять сомнения.

– Ах, Глаша, достоин ли я княжны? Как благодарить Бога за счастье быть мужем Веры?

Глаша утешала и графа. И ни разу не помыслила она ни о чём дурном. Хотя порой, оставаясь в одиночестве, нет-нет да и пожелает себе такой же счастливой судьбы, как у Веры. Пожелает такого же жениха, любящего и благородного, но, взглянув на себя в зеркало, погонит эти мысли прочь. Гром грянул, когда никто не ожидал.

Наконец, наступил день сговора, на котором Петру Ивановичу предстояло представить собравшимся гостям графа Платова и Веру как жениха и невесту. Для объявления помолвки в княжеской усадьбе был созван бал.

Красная кирпичная стена встречала гостей торжественной иллюминацией. Гирлянды украшали и фасад дома, а на козырьке парадного входа красовались подсвеченные изнутри вензеля – первые буквы имён княжны Сенявиной и графа

Платова.

В разгар бала, увлекшись доверительной беседой, Платов и Глаша даже не заметили, как оказались совершенно одни в закрытой комнате. Потеряв бдительность, они и не поняли, как же так вышло, что все гости вдруг исчезли. Чьими руками были закрыты тяжёлые двустворчатые двери дальней комнаты? Но, бесспорно, эти руки принадлежали кому-то с очень острым и расчётливым умом, с жестоким и холодным сердцем. И как так вышло, что именно Петр Иванович открыл двери этой комнаты? Какой уловкой этот кто-то привёл его туда? Искать ответы на эти вопросы было уже бессмысленно. Как ни пытался оправдаться молодой граф Платов, как ни пытался убедить в своей невинности, такой «оплеухи» князь Петр Иванович Сенявин простить не мог. Тут же Платов и Глаша были обвинены в порочной связи и предательстве по отношению к Вере. Честь дочери для Петра Ивановича оставалась свята.

– Его счастье, что время нынче переменилось, – кричал он, взбешённый. И казалось, что искры летели из наполненных гневом темно-карих глаз князя. – Я бы его на дуэль вызвал!

Невозможно было вымолить прощение и у «преданной» невесты. Вера отказывалась принимать даже письма Платова.

Так, за несколько недель до свадьбы помолвка была расторгнута. Убитому горем графу ничего не оставалось, как

продать своё имение и навсегда покинуть места, где всё напоминало о его несчастной любви и неоправданных надеждах. Но самым скверным сделалось положение Глаши. Платов уехал, не удосужившись ни слова сказать в оправдание ни в чём не повинной девушки, что расценилось в обществе как доказательство её вины. По всему уезду мгновенно разнесся слух о нравственном падении семнадцатилетней Глафиры Мищенко.

Рыдая, Глаша пыталась объяснить с Верой, но та не стала слушать, и захлопнула перед её лицом дверь. Глаша попыталась найти защиты в семье, но и там, к её удивлению, случившемуся, только обрадовались. Радовался брат Арсений вернувшейся к возможности хоть иногда видеть Веру и вздыхать о любви под её окнами, радовался даже строгий отец, нахваливая старшую дочь, что сохранила ему шанс породниться через Арсения с княжеской семьей. Так, выставленная на всеобщее посмешище, беззащитная, она была вынуждена закрыться в своей спальне и днями напролёт замазывать грех, которого не совершала.

А богоявленцы, между собой, частенько сплетничали о том, как развратную девку любовник бросил и как приличные хлопцы теперь стороной обходят опозоренную, обманутую дочь Митрофана Спиридоновича Мищенко. И вечерами нарочно затягивали под окнами их дома:

Ехали казаки из Дону до дому,
Пидманули Галю, забрали с собою.

Ой, ты, Галю, Галю молодая,
Пидманули Галю забрали с собою.

Ой, поидем, Галю, з нами казаками,
Краше тебе будет, чим у ридми мами.
Ой, ты, Галю, Галю молодая,
Краше тебе будет, чим у ридми мами.

Галю согласилась, з нами подчипилась,
Тай повизли Галю темними лэсами.
Ой, ты, Галю, Галю молодая,
Тай повизли Галю темними лэсами.

Визли, визли Галю темными лэсами,
Привизали Галю до сосны косами.
Ой, ты, Галю, Галю молодая,
Привизали Галю до сосны косами...

Но не прошло и месяца, как возле дома Мищенко появилась неожиданная гостья. Весёлая, без тени печали на лице, как всегда ослепительная, Вера приехала верхом так, будто не пробегала между ними с Глашей злосчастная чёрная кошка. Увидев на пороге дома Арсения, она надменно кивнула ему и потребовала вызвать Глашу. Арсений, обрадованный визитом обожаемой Веры, покорно послушался. Радость от того, что Вера расторгла помолвку, до сих пор не отпускала его. Окрыленный, словно подаренным ему шансом, он не

смог ни слова сказать в защиту сестры.

Глаша, бледная и исхудавшая, затравленная, как зверь, вышла к Вере в надежде на примирение. В надежде на объяснение, которое поможет снять с неё все обвинения в несовершенном предательстве. Но слова Веры, которую ещё совсем недавно она считала едва ли не сестрой, растоптали несчастную Глашу сильнее прежнего.

– Твоё неожиданное предательство бесконечно огорчило меня, Глаша. Но я не держу на тебя зла за ту порочную связь с человеком, который имел честь называться моим женихом. Я умею прощать, потому и пришла к тебе.

Услышав эти безапелляционные обвинения, Глаша с трудом нашла в себе силы дойти до дома, рыдания душили её. От обиды она не смогла найти ни одного слова в свою защиту. А торжествующая Вера направилась было к лошади, как обжигающий холод обдал её спину и голову. Обернувшись, она едва успела увернуться от брошенного в неё ведра.

– Объявишься ещё на нашем базу – убью! – хрипловатый голосок прозвучал с особенной злостью.

Облитая до головы ледяной колодезной водой Вера оторопела. Она даже испугалась этих искрящихся ненавистью зелёных глаз одиннадцатилетней девочки. О, эта Злата! Она не то что Глаша и Арсений – она имела другой нрав. Она имела беспредельную смелость и силу своего отца, Митрофана Спиридоновича Мищенко. Эта девчонка, единственная вставшая на защиту сестры, единственная из Мищенко,

для кого честь семьи всегда будет дороже всяких денег, связей и выгоды, была способна на многое. Злата – маленький враг Веры с этого дня и навсегда.

И всё-таки случившийся скандал не сделал чести и самой княжне Вере. Поэтому вся семья Сенявиных, желая переждать, когда поутихнут страсти вокруг расторгнутой помолвки подальше от Богоявленского, на долгие полгода перебралась в Крым, где о случившемся никто не знал.

С особенной радостью воспринял известие об отъезде Веры Митька. Он один смог разгадать, что всё произошедшее было тонко продуманным и холодно спланированным замыслом расчетливой Веры. Безумная её любовь, погубившая уже не одного человека, стала ни на шутку пугать его.

Глава 32

Воскресное петербургское утро. Блестящий снег под ногами и ледяной пронизывающий ветер. Уткнув лицо в ворот юнкерской шинели, юный князь Андрей Сениavin шёл через Александровский сад в гости к своему любимому дядьке Михаэлю Нейгону. Андрей практически каждое воскресенье навещал его дом, но каждый раз, когда проходил Александровский сад, его не покидало чувство тревоги и озноб пронизывал тело. Уже семь лет прошло с того дня, как Андрей стал свидетелем страшных событий Кровавого воскресенья, развернувшихся здесь, а ужасная картинка стояла перед глазами как живая. Стоило закрыть глаза, и он вновь видел лица людей, перекошенные болью, портреты, кресты, слышал истошные крики, оглушающие пушечные залпы и выстрелы.

Чем старше становился Андрей, тем отчетливее понимал всю тяжесть произошедшей трагедии, тем мучительнее становилась боль от её непоправимости и тверже чувство ответственности в нём, шестнадцатилетнем юноше, за народ, защищать который он, как и все его предки, избрал делом своей жизни.

Те смутные дни внесли в умы большое смятение. И Андрей каким-то шестым чувством осознавал, что жизнь в стране теперь будет меняться, но как именно он и представить себе не мог. Вряд ли мог представить и его отец, пере-

живший с ним вместе ту трагедию, вряд ли мог представить, защищавший в тот день Зимний дворец на баррикадах и Михаэль Нейгон, на пороге дома которого уже стоял Андрей.

Молодой князь продрог на морозе, а в просторной квартире Михаэля Федоровича было тепло, тихо и только потрескивали поленья в камине да в зале музицировала на фортепьяно юная Натали, дочь Михаэля и Марты. Во всём её облике в этот миг была какая-то поэтическая загадочность. Увидев Андрея, она ласково улыбнулась.

– Андрей! Здравствуй, мой мальчик! – вышел из своего кабинета Михаэль.

Он привязался к мальчику как к родному сыну и принимал самое живое участие в его судьбе.

– Наконец-то ты пришел. Мы ждали тебя. Мне наконец-то удалось разыскать своего боевого товарища, о котором я много рассказывал твоему отцу. И вот он здесь. Я сию же минуту хочу представить вас друг другу.

Поприветствовав Андрея, Михаэль тут же обратился к своему гостю, сидящему в кресле у камина:

– Вот, Алексей Валерьевич, рекомендую – князь Андрей Петрович Сенявин, сын моего близкого друга, и, несомненно, будущее России.

От такого представления Андрей покраснел и, пригладив тонкими пальцами белокурые волосы, робко ответил:

– Очень рад!

– Да, Алексей Валерьевич, это верно! Я точно знаю, что

таким юношам суждено стать опорой и славой Российской Империи.

Но ни один мускул не шевельнулся на строгом лице незнакомца, а светло-карие глаза его, казалось, смотрели в самое сердце. Андрей понял, что Алексей Валерьевич был появлению Андрея, прервавшему его разговор с Михаэлем Федоровичем, не рад. И всё-таки он учтиво ответил:

– Дай-то Бог!

И переведя взгляд на Михаэля, Алексей Валерьевич продолжил прерванный разговор:

– Мне также доводилось слышать подобные разговоры о «маленькой победоносной войне». Едва ли с этим можно согласиться. Не стоит забывать, что первый залп на этой войне, где мы с вами едва ли не оставили свои жизни, был сделан японцами. И то, что эта война являлась попыткой уйти от реформ, также маловероятно, ибо, как мы видим, затея эта не только не удалась, но и привела к тому, что страна сорвалась в революционную бездну, сделав реформирование политического строя неизбежным.

Андрей тихонько уселся в углу кабинета, чтобы не мешать, и слушал Алексея Валерьевича, открыв рот, стараясь запомнить каждое слово, сказанное им. Тихий, но твёрдый голос нового знакомого имел на Андрея магическое воздействие. Ему невозможно было не верить.

– Не может быть, чтобы у России не было выхода из этой бездны? – набравшись храбрости, решился вмешаться в раз-

говор Андрей.

Но увидев на себе будто насмехающийся взгляд Алексея Валерьевича, он тут же пожалел о сказанном и готов был провалиться на месте от стыда за этот глупый и, как ему показалось, неуместный вопрос.

– Пути выхода, безусловно, есть, мой мальчик, – поддержал Андрея Михаэль. – Только какие пути – вот вопрос. На мой взгляд, это должна быть контрреволюция сверху. И в какой-то степени она осуществляется: разгон Второй Государственной Думы – довольно отчетливый пример. Однако большего правительство пока не хочет позволить.

– Или продолжение революции снизу, – парировал Алексей Валерьевич. – Вот какой путь на сегодняшний день представляется более реальным.

Андрей несколько раз по словам повторил про себя сказанное Алексеем Валерьевичем предложение и был рад, что тот поддержал заданную им тему разговора. Для Андрея это значило, что не такой уж и глупый вопрос он задал, что он может быть достойным собеседником для этих умных, героических мужчин. Окрыленный этими мыслями, Андрей продолжил говорить:

– Выходит, что необходимо поддерживать низы? То есть крестьянство, составляющее большую часть нашего населения? Но либеральные издания утверждают, что невозможно усовершенствовать форму землевладения, решать аграрные проблемы без предварительного перехода от существующе-

го строя, больше, как они утверждают, напоминая рабство, к полной свободе.

– Отчасти они правы, мой мальчик, – поддержал эту мысль Михаэль. – Вот и Витте считал, что все изменения в общественной и государственной жизни нужно начинать с изменения политического строя. Но так полагал Витте. Столыпин же, напротив, полагал, что перемены в политическом строе в государстве не суть главное, но его речь, произнесенная в Государственной Думе в ноябре 1907 года, признаюсь, заставила меня аплодировать. Петр Аркадьевич сказал: «Пока крестьянин беден, не обладает личной земельной собственностью, пока он находится в тисках общины, он остается рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы».

– «Богатое крестьянство служит везде лучшей опорой порядка», – также процитировал речь Столыпина Андрей.

– «Противникам государственности нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» – добавил цитату столыпинской речи и Алексей Валерьевич. – Bravo, господа! – иронично подытожил он. – Право, мы можем составить клуб столыпинистов.

– Я убеждён, господа, потеря такого деятеля, как Петр Аркадьевич Столыпин, – невосполнимая потеря для государства, – в задумчивых серых глазах Андрея засверкали слёзы.

Этот день, проведённый в доме Михаэля, вызвал у Андрея невероятный всплеск радости, вызванный знакомством

с Алексеем Валерьевичем. Он, воспитанный на преданиях о Вещем Олеге и Добрыне Никитиче, славных ратных подвигах князя Святослава, Александра Невского, Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского, изучавший историю Средних веков на походах Михаила Воротынского, атамана Ермака и Дмитрия Пожарского, как «Отче наш» заучивший тактику и стратегию ведения боя своих кумиров: Ласси, Суворова, Ушакова, Багратиона, Милорадовича, Нахимова, Корнилова, Скобелева и, конечно, своих предков Сенявиных – просто не мог не восхититься Алексеем Валерьевичем, георгиевским кавалером, героем Мукдена. Теперь Андрей пользовался всякой возможностью, чтобы прийти к Михаэлю в дом и, может быть, встретить там этого необыкновенного человека. И чем больше Андрей узнавал его, тем больше восторгался.

Тридцатичетырёхлетний Алексей Валерьевич Серебрянов родился в семье хоть и обедневших, но потомственных дворян. С раннего детства он отличался очень слабым здоровьем и долгое время речь о военной карьере для него даже не шла. Но, окончив гимназию с отличием, он поступил в Пажеский Его Императорского Величества корпус. И этим своим решением пошёл наперекор воле семьи, впервые проявив отличавший его от многих сверстников стальной характер и несокрушимую волю.

При рождении вытасченный из утробы матери щипцами, он жил наперегонки со смертью и совершенно ничего не бо-

ялся. Порой казалось даже, что сама смерть боится его – настолько всё ему было нипочём. Невзирая на subtilность, он всегда умел защитить и себя, и товарищей. Даже в Паже-ском корпусе его боялись. В одной из драк он не побоялся схватить голой рукой лезвие ножа, чем ни на шутку напугал обидчиков, вынужденных отступить.

По экзамену Алексей Валерьевич был произведен в кор-неты и назначен на службу в Варшавский военный округ. Там он, убежденный монархист и дворянин до мозга костей, выделялся из общей массы местной знати. Но за эту смелость демонстрировать свою русскость в варшавском высшем об-ществе, а также за знание множества европейских языков, в том числе польского, был принят в высшем свете Варша-вы. Оттуда он и был, по собственному почину, отправлен на Дальний Восток, только уже в чине поручика, в самом нача-ле Русско-японской войны. К сожалению, именно здесь он лицом к лицу столкнулся и с другого рода офицерами, не такими, как сам, как Михаэль Нейгон. Здесь он столкнулся с офицерами не боевыми, а штабными, нераспорядительны-ми, подменяющими настоящую боевую работу постоянными совещаниями по «выработке плана действий», в то время, когда в войсках царило паникёрство. С тех пор Алексей Ва-лерьевич не признавал никакого начальства и не имел ника-ких авторитетов, отчего продвижение его по службе всегда будет затормаживаться. Но даже самые злые языки подтвер-ждали: Алексей Валерьевич отличается невероятной личной

храбростью, и он доказал это в печально известном Мукденском сражении, где бесконечно находился под огнём противника, рисковал жизнью, но оставался образцом, по которому старались равняться и другие. За это сражение он, уже кавалер ордена святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», был отмечен Георгиевским крестом 4-й степени и чином штаб-ротмистра.

Через год после окончания войны Алексей Валерьевич поступил в офицерскую кавалерийскую школу, по окончании которой в 1908 году получил в командование эскадрон и чин ротмистра в почетной 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Строгий, требовательный, но справедливый, исключительной храбрости на поле брани, вне службы обаятельный, он был не только гордостью своей роты и подчинённых, он стал и любимцем женщин петербургского света. Его характеру точно соответствовала и внешность: высокий, худощавый с немного резкими чертами мужественного лица. Он часто выглядел задумчивым, а его тонкие губы, сложенные будто в сдержанном негодовании, казалось, от рождения не знали улыбки. Выделяла его и уверенная походка, и прямая осанка, и такая характерная особенность при всякой возможности носить расстегнутой шинель с поднятым воротником.

Андрей быстро привязался к Алексею Валерьевичу. Его, конечно же, тянуло к этому сильному, уверенному в себе человеку. Андрей во многом старался брать с него пример и

многому у него учился, расспрашивая об армии, о прошедшей Русско-японской войне. На радость Андрея, Алексей Валерьевич был к нему благосклонен, поняв и полюбив его добрую, честную, по-юношески восторженную душу.

– И всё-таки как вам с Михаэлем Фёдоровичем удалось найти друг друга после Мукдена? – спросил однажды Андрей Алексея Валерьевича.

– Мы встретились случайно, на Высочайшем приёме Георгиевских кавалеров в Зимнем дворце и, как видишь, более связи не теряем.

– Позвольте спросить? – засмутился Андрей. – Верно ли говорят, будто на одном из таких приёмов, поссорившись с офицером высшего чина, вы выбросили того в окно?

– Вот уж и впрямь живучи мифы, – сдержанно улыбнулся Алексей Валерьевич. – И не высшего чина был офицер и не на приёме. Это случилось ещё в Варшаве. Право, я уже и забыл о том инциденте.

– И вы никогда-никогда не прислушиваетесь к мнению других людей?

– Отчего же? К мнению людей практики я весьма охотно прислушиваюсь, – уверенно ответил Алексей Валерьевич. – Прислушиваюсь к мнению Михаэля Федоровича, потому как вижу, какая громадная работоспособность заложена в нём, пунктуальность при выполнении работы. Как близко к сердцу принимает он проблемы своих солдат, как неизменно старается помочь им. Ко всем вопросам он относится чрез-

вычайно вдумчиво. Командир для солдата, Андрей, это всё равно что отец. Ни в одной гимназии, ни в одной академии этому не научат. Это быстро осознается на практике. Посуди сам, сколько сил, терпения и любви нужно вложить, чтобы сделать из простого крестьянского мужика, не умеющего ни писать, ни читать, солдата, боеспособную единицу. А солдат должен быть одет, обут, сыт. И это тоже задача командира – следить, чтобы новую форму не разворовывали, чтобы провиант был съедобен, ротные артельщики и кашевары не присваивали приварочные и чайные деньги.

В силу своей романтической юности о солдатском быте Андрей задумывался меньше всего, и эти слова Алексея Валерьевича стали для него большим откровением.

– Да-да, друг мой, – продолжил Алексей Валерьевич. – Зачастую это головная боль командира, как изыскать возможность закупить мясо, капусту, горох, картофель, яйца и масло, соль. И плох тот командир, который относится к таким вещам пренебрежительно.

В общении с Алексеем Валерьевичем Андрею казалось, что он не по годам взрослел, и ему это нравилось.

Однажды придя к Михаэлю Федоровичу, Андрей не застал у него своего нового товарища, и очень оттого огорчился.

– Андрей, а хотите я научу вас раскладывать пасьянс? – увидев его расстроенным, предложила Натали.

– Что же, изволь, – улыбнулся этой непосредственности

он.

И в самом деле, общение с очаровательной двенадцатилетней дочерью Михаэля спасало Андрея в минуты одиночества. Так напоминала она ему своей детской наивностью обожаемую сестру Ксюшу, общением с которой он был обделён из-за разделяющего их расстояния. Напоминала она о любимом Богоявленском, которого он никогда не забывал. Вот и сейчас, раскладывая пасьянс с Натали, Андрей думал о доме, о своей семье. Как они там? Все ли здоровы? Всё ли у них ладно?

Глава 33

Митьку разбудил осторожный стук в окно. Он посмотрел на ходики, стрелки показывали полночь. Открыв дверь, Митька взгляделся в темноту. На улице было холодно и сыро, но уже пахло весной.

– Кто здесь? – спросил Митька.

– Это я, – тихо, почти шёпотом ответил такой знакомый женский голос.

– Верка?!

Не мешкая, Митька схватил её за руку и втолкнул в дом, после чего, внимательно оглядевшись, закрыл дверь и плотно задернул занавески на окнах.

– Ох, и дурная же ты, Верка! А кабы кто увидел тебя да угадал? Да в такую-то пору! – строго сказал Митька.

Вера обняла Митьку и, крепко-крепко прижавшись к его груди, всё так же тихо, почти шёпотом ответила:

– Меня Маша провела. Никто не видел!

– Ох, уж мне эта Маша! – недовольно пробормотал Митька.

Маша не отступится от своей затеи, Митька это хорошо понимал и про себя злился на сестру. Но ссориться с Машей он не хотел, потому что сильно любил её – единственного родного человека, заменившую ему мать.

А Вера, впервые оказавшись в маленьком домике своего

любимого Митьки, почувствовала себя здесь на удивление спокойно. Невзирая на всю свою избалованность роскошью и богатыми интерьерами, ей очень понравилась та простота и уют, которые перед ней предстали. И эта божница, имевшая несколько икон в скромных серебряных окладах, находящаяся в переднем углу комнаты, и маленькая зажженная лампада перед ней, и прялка в спальне, за которой долгими зимними вечерами пряла свою пряжу Маша, и большая кровать с высокой периной и перьевой подушкой – всё в этом доме очаровывало Веру.

В эту ночь она была полна смелости и решимости, готовая пойти на любое преступление, только бы оказаться в объятиях своего любимого Митьки. Легко и непринужденно сбросила она с себя лиловое бархатное платье, обнажив восхитительной красоты юное тело.

– Дурёха ты, дурёха! – пытался вразумить её Митька. – Всю жизнь ведь жалеть будешь!

– Люблю! – шептала в ответ Вера, покрывая Митьку жаркими поцелуями.

И понимая всю опасность, которая могла постигнуть его за связь с княжной, разве мог Митька сопротивляться этой манящей красоте, этому совершенству?

Ночь летела пущенной стрелой, и Вере уже нужно было уходить, но Митька не торопился будить её. Он вдыхал её запах, гладил волосы и запоминал лицо, нежное и умиротворенное. Митька понимал, что отныне они крепко связаны, и

он несёт ответственность за неё, но больше в его сердце ничего не изменилось. Глядя на неё спящую, он думал только о том, что если бы она была такой всегда, нежной, беззащитной девушкой, а не властной, жестокой барыней, тогда, быть может, однажды он и смог бы её полюбить.

Глава 34

Вот минул с той ночи месяц, за ним второй, третий. В Богоявленском установилась жаркая летняя погода. С самого утра Вера заперлась в своей комнате с французским романом в руках, но читать не выходило. Который раз начинала она читать одно и то же предложение, но мысли её тут же улетали далеко. Все её мысли были о Митьке.

Вера твердо решила, что её первая ночь будет отдана только обожаемому Митьке, ещё в пору сватовства с графом Платовым. Тогда, когда угроза жизни с нелюбимым человеком была так близка, она всем своим существом ощутила отращение к другим мужчинам, и выбор для неё встал только один – или Митька, или могила. Но после той счастливой ночи казалось, что Вера вовсе потеряла рассудок. Теперь ей двигала не только любовь, но и безудержная ревность. Ревность, не знающая границ и не приемлющая компромиссов. В эти три месяца со двора Сенявиных исчезли все мало-мальски привлекательные девушки, которые были так увлечены красавцем Митькой и которыми тот в свою очередь отнюдь не пренебрегал. Вера готова была не просто их прогнать, лишив работы, но и вовсе уничтожить, если бы это только было в её власти. Она хотела контролировать каждый Митькин шаг и каждое его движение, но, не имея такой возможности из-за необходимости держать свою любовь в тай-

не, кажется, медленно сходила с ума. Часто подолгу сидела она, устремив печальный взгляд в одну точку. И всё думала, думала, думала. Печаль сдавливала её грудь, а глаза застилали слёзы. Какое может быть будущее у её любви? Быть может, им удастся держать свой роман в тайне ещё год, два года, но шило в мешке не утаишь, и о них догадается отец, мать. А не догадятся сами, так донесут. Ну хотя бы Митрофан Спиридонович. Этот пёс всё чует за версту, носом землю роет и не остановится, покуда не сосватает Вере своего непутевого Сеньку. А возможно ли получить благословение отца на свадьбу с Митькой? Нет, это совершенно исключено. За простолюдина ни за что не отдаст! Слишком большой позор для их благородной княжеской семьи. Что же тогда остается? Бежать? Вера закрыла глаза и представила любимые черты Митькиного лица, его мужественные широкие скулы, васильковые глаза, его тёмно-русые шелковистые кудри. Да, Вера готова была бежать за ним куда угодно: в Воронеж – так в Воронеж, в Сибирь – так в Сибирь! Хоть в самые дальние края. Но что же Митька?

А Митька строго-настрого запретил ей рассказывать кому бы то ни было об их тайном романе и свиданиях украдкой, особенно Маше. Он не любил Веру, но пойти на подлость не мог. За себя он не боялся. И в самом деле, что ему может сделать Петр Иванович? Прогнать со двора, спустить собак, придать суду и отправить на каторгу? Да и чёрт с ним! Но хорошо зная о намерениях своей сестры, тщательно обере-

гал честь возлюбленной. Но и только. И Вера это чувствовала. От этой не взаимности её злость становилась всё более невыносимой для окружающих. Доставалось не только дворне, которую она легко могла унижить и оскорбить, доставалось и родной сестре Ксюше, и без того всегда нелюбимой. Но младшая княжна Сенявина, расцветающая не по дням, старалась не принимать близко к сердцу не понятную для неё злость сестры.

Ксюша была легка, как ветер. Озорная, белокурая, она являла собой предмет обожания для каждого, кто хоть на минуту оказывался рядом с ней. И только Вера не любила её. Почему? А причин для этого у неё было достаточно: и расцветающая, светлая, тёплая красота Ксюши, так отличавшаяся от вечного холода Вериного совершенства, и то, что, не скрывая своего обожания от старшей дочери, княгиня Ольга Андреевна отдавала всю свою любовь только младшей Ксюше, и то, что Андрей, самая сильная привязанность отца, князя Петра Ивановича, – плоть от плоти, воплощение мысли, как часто сам он называл сына, все свои письма из далекого Петербурга неизменно начинал словами: «Моя милая, обожаемая, единственная Ксюша!» Вот и сейчас завидев Ксюшу в тени липовой аллеи и вонзив в спину сестры свой ледяной взгляд, Вера возненавидела её уже за то, что та обернулась и озарила весь парк своей лучезарной улыбкой.

А Ксюша словно ничего и не замечала. Ей было просто неинтересно тратить своё настроение на чью бы то ни было

злость. И ведь куда лучше прогуляться по лугу, где стрекочут кузнечики и пахнет чабрецом, а где-то вдалеке звучит тихая песня косивших траву крестьян. И вокруг всё так хорошо, спокойно, ясно и тепло, и вся её счастливая жизнь ещё впереди и всё в ней возможно. Ксюша хотела и умела любить жизнь и всё, что эту жизнь наполняло. А главное – она имела огромное желание своей любовью делиться с другими. И ещё она верила, что всё то хорошее, что наполняет её сердце сейчас, никогда не кончится и дальше будет только лучше.

– А знаешь, Васенька, сегодня непременно случится что-то хорошее! – сказала Ксюша, подойдя к Ваське Попову.

Сенокос был в самом разгаре, и никто на Ксюшу особого внимания не обращал. Она всегда запросто общалась с крестьянами в своём имении, чем уже давно никого не удивляла, но за что младшую княжну все особенно любили.

– Это вы почём знаете? – удивился Васька.

– Я так загадала. Ежели встретится первым хороший человек, то непременно будет добрая весть.

– Ох, и стрекоза вы, Ксения Петровна! – радостно заулыбался Васька.

Он уже не один год был влюблён в Ксюшу, и каждое доброе слово от неё делало его счастливым. Он смотрел на Ксюшу и не мог оторваться от её серых глаз. Вдруг что-то будто сжало его сердце, перебив дыхание, руки затряслись, и, набравшись храбрости, с придыханием он вымолвил:

– Ксюша, дружочка, любя ты мне! Дюже любя! А не то

сама не знаешь?

– Что ты, Васенька?! – ничуть не смутившись, Ксюша только рассмеялась в ответ. – Разве можно?!

– Да вы не бойтесь! Я ведь как гутарят: хоть папаха черна, да душа светла!

– Вам бы, Ксения Петровна, нынче в леваде гулять. Али место тут барышне? – прервал этот едва начавшийся разговор Васькин отец, Тишка. – Жара-то какая стоит! Не дай Бог, напечёт!

– Ксения Петровна! Ксения Петровна! – подбежала к ним запыхавшаяся Маша. – Письмо там от Андрей Петровича! Прописал он, кубыть на следующий месяц в гости обещаются! С товарищем!

– Я же говорила! Говорила! Будет добрая весть! – радовалась Ксюша, хлопая в маленькие ладошки.

Она моментально забыла Васькино признание и, сорвавшись с места, легче голубиноного пуха помчалась домой, схватив за руку Машу.

И тут-то Тишка со всей отцовской любовью принялся лупить Ваську за признание его в любви к Ксюше.

– Ты никак голову зашиб?! – горячился он. – Так я тебе её разом вылечу! Ты чего мелешь-то?

– Охолони, батя! – едва уворачивался Васька от отцовых тумачков.

– Я тебя проучу, сукин сын, на барышень заглядываться! – не унимался Тишка. – А не я, так барин прознает – на ка-

торге сгноит!

– Митьку-то не сгноил! – в запале крикнул Васька.

– Что Митька? – остановился, держась за сердце, Тишка.

– Там ещё угадать надо: не то правда, не то брехня.

– Как знаешь, батя, а только я от Ксении не почто не отступлюсь! И всё одно мне, что за то со мною станется!

Глава 35

Месяц промчался быстро, и вот уже медленно подбирается к Богоявленскому по пыльной дороге пегая лошадёнка. Тихо бурчит себе что-то под нос старый извозчик. Трудно было понять, поёт ли он грустную песню, пеняет ли на свою нелегкую жизнь, а может, просто бормочет что-то во сне. Но, несмотря ни на что, этот старик хоть и медленно, но верно вёз Андрея к дому. Милому, любимому дому. Не один год прожил Андрей в блестящем Петербурге, а дорожке Богоявленского столица так и не стала. Все мысли его были устремлены в имение, где прошло счастливое детство, где каждый уголок дома помнит его ребячьи шалости, где всё так же взирают с портретов строгие глаза великих предков, перед которыми нельзя солгать, струсить, уронить достоинство великой своей фамилии.

Погода в этот день стояла сухая и безветренная. Со всех сторон открывались взору давно уже убранные поля, а в воздухе витали тоненькие паутинки и неповторимый запах осени. Как же прекрасно было Богоявленское осенью! Пышное и нарядное, словно укутанное в золото и бархат, вставало оно сейчас в памяти Андрея. Ни один дворец мира не смог бы сравниться с этой роскошью русской природы. Андрей жадно вдыхал этот воздух, словно пытаясь запасти его внутри себя на долгие годы вперёд, чтобы в любые невзгоды, кото-

рые, быть может, ждут его в будущем, давал этот воздух родных мест сил и терпения. И как же хотелось Андрею поделиться своими восторгами с Алексеем Валерьевичем, своим новым, но уже любимым другом, которым он так восхищается. Но тот будто ничего не замечал и, сидя в карете рядом с Андреем, казалось, дремал. Сейчас он и представить себе не мог, какую большую роль сыграет в его жизни эта поездка, как изменит она всю его дальнейшую жизнь.

А пока Алексей Валерьевич знал только то, что по-настоящему искренне привязался к Андрею, этому доброму, чистому, искреннему юноше. Он часто повторял: «Андрей – едва ли не единственный живой человек среди этого лживого и притворного моего окружения!» Потому, хоть и не имея к тому большой охоты, но всё-таки согласился на уговоры Андрея провести отпуск в его родовом имении.

Так же тепло отзывался об Алексее Валерьевиче и Андрей, называл сарматом, спартанцем и своим учителем. Сейчас он сам себя нахваливал за эту отличную идею пригласить друга в своё имение и познакомить с отцом. Он с нетерпением ждал той минуты, когда представит их друг другу, подбирая слова, которые смогли бы отразить все краски его восхищения и гордился собой за то, что сумел уговорить Алексея Валерьевича поехать с ним.

«Он непременно понравится отцу, – рассуждал про себя восторженный Андрей. – Ведь и я, и Михаэль Федорович так гордимся обществом этого человека».

– Воды бы напиться, барин, – сказал очнувшийся от дрёмы извозчик, завидя на пути колодец-журавль. – А то, когда это ещё доберёмся.

– Пожалуй, – ответил Андрей.

Подойдя к колодцу, Андрей прочитал венчавшую его надпись: «Люди добрые, испейтя водицы и казаков бедных пожалейте, грехи им проститя и в молитвах помянитя».

– Оно завсегда так было, что колодцы копали замаливавшие грех, – сказал старый извозчик. – Уж дюже дело это опасное. Иные обет молчания давали, покуда рыли, а иные и вовсе требовали, чтобы во время работы ихней, не прерываясь, Псалтырь читали.

– И что же, отпускались грехи? – спросил Алексей Валерьевич старого извозчика.

– А то как же? Коли вода есть, значит, обет исполнен, значит, принял Господь молитву, простил грех, – ответил тот.

– Как вы полагаете, Алексей Валерьевич, о чём мог думать этот человек, пробираясь через меловые и песчаные пласты? Что мог вспоминать? О чём молиться? – задумчиво спросил Андрей.

Алексей Валерьевич ничего не ответил, но на душе его стало смутно. Андрей был ещё очень юн, а вот у него, пожалуй, на один колодец грехов уже набралось и сколько-то ещё будет впереди?

Дальняя дорога утомляла, но Андрея это не печалило, ведь он знал, что дома его с нетерпением ждут. И он не оши-

бался. С самого утра в княжеской усадьбе Сенявиных царил настоящий переполох. Горничные готовили спальни, кухарки щипали гусей, разливали по графинам настойки, Ольга Андреевна примеряла новое платье, не отходил от окна Егор, взятый когда-то на воспитание в семью Сенявиных и давно уже ставший членом семьи, ждали и сестры, раскладывая пасьянс на скорое прибытие брата. Но с особенным нетерпением приезда сына ожидал Петр Иванович, ведь шестнадцатилетний Андрей с блеском выдержал приёмные экзамены в почётное Павловское военное училище, и теперь получил название юнкера, а также снаряжение и обмундирование по образцу войсковому и все права состоящих на действительной военной службе. Петр Иванович был счастлив за сына, ведь теперь перед ним непременно откроется большое будущее. Он мечтал лишь о том, чтобы Андрею удалось всё то, что когда-то не удалось ему, чтобы карьера сложилась удачней, а судьба счастливей.

Радостные мысли не отпускали Петра Ивановича в это счастливое утро, и гордость за сына переполняла сердце. Но вот за окном кабинета послышались радостные возгласы, и, вернувшись из приятной задумчивости, Петр Иванович взял трость и как можно скорее пошёл на улицу, чтобы первым обнять, прижав к груди единственного наследника.

И вот на крыльце дома всё перемешалось – люди, взгляды, поцелуи, счастливый смех. Крепко обнял Андрея Петр Иванович, вот протянула руки к сыну утонченная Ольга Андре-

евна, красивая и, казалось, всё такая же молодая, вот радостно хохоча запрыгнул на спину Андрея ещё по-детски несдержанный Егор. Со скоростью ветра сбегала по лестнице Ксюша и бросилась на шею Андрею, покрывая брата поцелуями. Как можно крепче прижав к себе любимую сестру, он целовал в ответ её родные серые глазки и белокурые локоны. Спустилась на крыльцо, приветствуя брата, и царственная Вера. Даже взволнованная дворня всё крутилась вокруг, не расходясь по делам.

Вдруг очнувшись от этой поглотившей его семейной суеты, Андрей, обняв за плечи отца и Ксюшу, подвёл их к Алексею Валерьевичу, наблюдавшему за этой счастливой встречей со стороны, и гордо произнес:

– Вот, отец, рекомендую – ротмистр Серебрянов Алексей Валерьевич, самый необыкновенный человек из всех встречавшихся мне в жизни! Герой Русско-японской войны, дружба которого является для меня великой честью!

– Я много слышан о вас от своего большого друга Михаэля Нейгона, – поприветствовал гостя Петр Иванович. – Ваш приезд для нашей семьи – большая радость, и отныне двери нашего дома всегда открыты для вас!

– А вот, Алексей Валерьевич, моя младшая сестра Ксюша!

Ксюша протянула руку гостю, ласково улыгнувшись. Прислонившись губами к её руке, Алексей Валерьевич вдохнул запах юности и свежести, и сердце его словно так же помо-

лодело. Ксюше вдруг показалось, что пауза эта затянулась, да ещё и на глазах всей семьи:

– Ну что же мы стоим? Пройдёмте скорее в дом! Мы очень, очень вас ждали! – сказала она, и с легкой непринужденностью взяв Алексея Валерьевича под руку, повела всех в дом.

Глава 36

В семье Сенявиных Алексея Валерьевича приняли как родного. Да и ему в Богоявленском всё пришлось по душе. Тихая, размеренная жизнь, о существовании которой он, кажется, и не подозревал, моментально околдовала его. Прогулки верхом по утрам, чай из дорогого фарфора со свежим вареньем за большим столом вместе с Ольгой Андреевной, долгие задушевные беседы с Петром Ивановичем и Андреем, и любопытные, робкие взгляды юной княжны Ксении. Не полюбил Алексей Валерьевич только Веру. Опытный и искушённый в делах амурных, он видел её насквозь. Жестокая, циничная и беспринципная, пусть и необыкновенно красивая, Вера не возбудила в нём теплых чувств.

На одном из раутов в доме Сенявиных, которые с такой любовью принялась устраивать Ольга Андреевна, «угощая» гостей Алексеем Валерьевичем, Вера спросила за обедом:

– Скажите, Алексей Валерьевич, действительно ли в Японии был такой недостаток провизии, что еженедельно убивали по двести пятьдесят лошадей?

При этом вопросе за столом повисла тишина. За одним его концом кто-то поперхнулся, за другим гости брезгливо отложили приборы.

– Вера очень впечатлительна, а газеты писали такое, от чего порой и заснуть было не просто, – отозвалась сконфу-

женная Ольга Андреевна.

Но Вера замерла в ожидании ответа, не сводя с Алексея Валерьевича пытливых глаз.

– Ну что вы, Вера Петровна? При таком убое армия осталась бы вовсе без лошадей, – сдержанно ответил Алексей Валерьевич.

– Не тревожьтесь, Вера Петровна, армию спас перелёт перепелов, – рассмеялся Митрофан Спиридонович, разрешив конфуз. – А за строевого коня нынче двести пятьдесят рубликов дают, дороговато вышел бы обед, – уже тише добавил он.

И разговор вернулся в привычное русло с бесконечными расспросами о жизни в столице, Русско-японской войне и общем положении дел в армии, ужасно утомлявшими Алексея Валерьевича, но увлекавшими гостей. И в очередной раз, всегда сдержанный, чрезмерно спокойный, Алексей Валерьевич ничем не выдал своего недовольства, а только незаметно покинул говорливых гостей Сенявинского дома и удалился в парк, где можно было спокойно насладиться тишиной.

– «Но, говорят, вы нелюдим, – неожиданно прозвучал у него за спиной чей-то ласковый голосок. – В глуши, в деревне всё вам скучно, а мы... ничем мы не блесним, хоть вам и рады простодушно».

Алексей Валерьевич обернулся и увидел Ксюшу с томиком Пушкина в руках. Тоненькая, одухотворенная, белоку-

рая, она была словно соткана из воздуха. И на сухом, всегда строгом лице Алексея Валерьевича появилась улыбка, такая искренняя и такая естественная. Чарующее обаяние этой девочки не оставило его равнодушным. И Алексей Валерьевич осознал вдруг, насколько рядом с Ксюшей ему уютно и тепло. Остаток вечера они провели вместе, гуляя по парку. Ксюша читала вслух «Евгения Онегина», а Алексей Валерьевич, как старый учитель, тихо поправлял её интонацию.

Неожиданно для самого себя Алексей Валерьевич понял, что за один этот вечер, проведённый с Ксюшей, он готов терпеть глупость уездных друзей Ольги Андреевны, провокации Веры. За один этот вечер он был благодарен Андрею, что привёз его в своё имение.

На следующее утро, когда ещё весь дом спал, к сидящему за чтением в княжеской библиотеке, Алексею Валерьевичу пришла Вера.

– Вы, верно, сердитесь на меня? – спросила она.

Тёмно-зелёного сукна стены мгновенно потускнели от отблеска изумрудов в её ушах.

– Не имею на то ни единого повода, – учтиво ответил Алексей Валерьевич.

– Поверьте, я и в мыслях не имела желания поставить вас в неловкое положение, – продолжила разговор Вера, садясь в кресло под тень балдахина напротив Алексея Валерьевича.

– Вам опостылело это провинциальное и притворное общество вашей маменьки, не так ли?

– Верно! – улыбнулась Вера.

– Вы имели желание поставить в неловкое положение их, а послужил для этой цели инструментом я.

Он был прав, но Вера приготовилась опровергать этот довод. Алексей Валерьевич отложил книгу, настроившись на долгую беседу. И в самом деле, не случайно же пришла к нему Вера, да и ещё и в такую пору, когда разговор их никто не мог услышать. Он смотрел Вере точно в глаза, не робея перед её красотой. И это отличало его от всех прежних Вериных знакомцев. В комнате повисла интригующая тишина, словно на дуэли, и первой её нарушила Вера.

– Напротив! Вы, сами того не желая, приковываете к себе всеобщее внимание, в особенности этих старых куриц, увидевших в вас прекрасную партию для своих дочерей. Ну ещё бы, офицер из самого Петербурга, приличное жалование имеете. Такой шанс для них. Всё так приторно, притворно, и всё заранее известно. Сначала они станут приглашать вас в гости, затем последуют тайные письма, слёзы в темном парке, и вот вы и сами не заметите, как вас объявят женихом. Вы тяготитесь этим, я вижу.

– Ну а вы решили избавить меня от этой участи?

– Можете считать и так, – улыбнулась Вера.

– И чего же вы хотите взамен?

Не желая лишних церемоний, Алексей Валерьевич круто повернул разговор в откровенное русло, чем изрядно удивил Веру.

– Вы, должно быть, прилично играете в шахматы, Вера Петровна? – продолжил он.

– Не пробовала.

– Непременно научитесь, из вас выйдет достойнейший соперник! А знаете почему?

– И почему же?

– У вас неженский ум! Хотя это и большая редкость при такой красоте! Я не раз встречал женщин схожего с вашим умом. О, дай вам волю, и из вас вышли бы новые Мессалины и Медичи! Столько в вас для этого злобы и жестокости.

Алексей Валерьевич вскочил с места и в два шага оказался возле Веры. Ступив ногой на подиум её кресла, он взялся обеими руками за подлокотники с такой силой, что, показалось, ещё секунда и витые коллоночки по его углам треснут.

– Чего ты хочешь, княжна? – прошипел он. – Какую партию ведёшь?

Из глаз Алексея Валерьевича словно искры посыпались, а лицо сделалось страшным. И Вера не на шутку испугалась. Как же она так просчиталась? Да, герой Мукдена, ротмистр Серябрянов – не Пабло и не Платов, его жизнь закалила со всех сторон, и его не сыграть ни в одной партии. И Вера от очередного хитрого своего плана отступилась, но разговор этот и свой испуг запомнила.

– Доброе утро! – неожиданно среди резных книжных шкафов, прозвучал голос Ксюши. – Так рано, а вы уже на ногах.

– Да, Ксения Петровна, я совершенно потерял сон, и вы не поверите отчего, – сказал Алексей Валерьевич, поцеловав руку Ксюши.

– И отчего же? – удивилась она.

– Не могу найти в вашей картинной галерее портрет адмирала Дмитрия Николаевича. Или, прошу прощения, он не приходится вам родственником?

– Вы просто очень невнимательны, – улыбнулась младшая княжна.

– Проводите меня к нему, будьте так любезны, – попросил Алексей Валерьевич.

– Прошу за мной, – радостно согласилась Ксюша, и, не оборачиваясь на Веру, они вышли из библиотеки.

– Вот и Дмитрий Николаевич, – сказала Ксюша, подведя Алексея Валерьевича к портрету. – Вы правы, Дмитрий Николаевич приходится нашей семье не прямым предком, но мы бережно храним память о нём. А знаете ли вы, что он изображен на памятнике тысячелетия России?

– Действительно? – удивился Алексей Валерьевич. – Я не знал.

– А вот портрет его сына, Николая Дмитриевича, – продолжила свой рассказ Ксюша. – В его жизни случилась очень большая, но очень печальная история любви. Весной 1827 года он прибыл в Тифлис и встретил свою любовь – Нину Александровну Чавчавадзе. О ней говорили, что она была юна и прекрасна, как ангел. Но чувства Николая Дмитриевича

ча остались без ответа, она отдала своё сердце Грибоедову. Николай Дмитриевич даже сравнивал свои чувства со страданиями Вертера Гёте. Он много достиг, был отмечен многими наградами, но продолжал смертельно тосковать по Тифлису, где пережил наисчастливейшее время. Он мечтал жениться, но признавался, что беда его в том, что другой Ниночки ему не найти. Оставшись в одиночестве, он писал: «Я теперь, как корабль, брошенный воинами, который потерял руль и мачты. Езжу по России и не знаю, где найти себе приюта».

Алексей Валерьевич не смотрел на портрет – он смотрел на Ксюшу и поражался, откуда в ней столько добра, откуда столько света? И что её ждёт дальше в этом забытом имении, да ещё с такой сестрой рядом?

Отныне они много времени проводили вместе: гуляли по берегу Дона, читали вслух стихи, играли в четыре руки на фортепьяно. Ксюша любила петь под аккомпанемент Алексея Валерьевича и раскладывать по дому трогательные послания для него, а потом осторожно наблюдать из-за колонны, как он улыбается, читая их. А ещё за семейным чаепитием по вечерам она обожала слушать его дивные рассказы о далеких краях, в которых он побывал, о людях из незнакомых народов, которых повидал. В эти минуты она смотрела на него, не отводя своих восторженных серых глаз, и боялась дышать, лишь бы не перебить его, лишь бы не помешать. Засыпая же ночью, думала только о том, чтобы скорее

проснуться утром и снова увидеть его.

А по утрам Алексей Валерьевич дарил Ксюше любимые фиалки, покорно носил за ней веера и шали, в которые укутывал при малейшем дуновении ветра. Они были очень разные: открытая, жизнерадостная, юная Ксюша и сдержанный, суховатый, замкнутый и умудрённый жизнью Алексей Валерьевич. Но их обоих неотвратимо тянуло друг к другу. Здесь, в Богоявленском, Ксюша практически и не видела других мужчин за исключением отца и брата. И вот появился он, такой мужественный, такой волевой, настоящий герой. То ощущение защищённости, которое Ксюша испытывала рядом с ним, подкупало и опытных женщин – подкупило и её. И наивная, неопытная, она и не заметила, как запылало неведомым огнём её девичье сердце, как заполнил этот человек все её мысли и мечты. В своих девичьих грёзах она ждала любви, она мечтала о любви, и вот, будто тёмные донские воды, это чувство накрыло её с головой.

Глава 37

На длинной деревянной скамейке за красной кирпичной стеной, окружающей сеньявские владения, сидел Митька, затачивая ножичком сломанную ветку дерева. В его васильковых глазах читалась непривычная озабоченность. Он устал разрываться между двух огней – сестрой Машей и возлюбленной, княжной Верой. Устал врать обоим. И думал только о том, как вырваться из этого капкана, в котором оказался, как выпутаться и никого не обидеть. Но зазвучавший звон колоколов заставил Митьку отвлечься от терзавших мыслей и, тяжело вздохнув, перекреститься, подняв глаза на золотые купола. Взглянув на выходящих из церкви Иоанна Богослова односельчан, он заметил, как из этой мерно идущей змейки людей отделился худощавый, невысокого роста молодой человек и направился к нему. Это был Васька, Митька сразу узнал его.

– Здорово ночевали! – сказал он, подходя к Митьке.

– Слава Богу! – невесело ответил тот.

– Чё сидишь тут такой ненастный? В церковь уж который день глаз не кажешь? Отец Прокофий про тебя спрашивал?

– Некогда. Вот молодого барина дожидаюсь, он нонче в Петербург уезжает, надобно до Воронежа отвезть.

– Скоро он! Чё же, один едет али с товарищем своим?
– с неподдельным любопытством и озабоченностью спросил

Васька.

Слухи о нежной привязанности Ксюши к Алексею Валерьевичу быстро разнеслись по Богоявленскому, и безудержная ревность жгла горячее Васькино сердце.

– Почём я знаю? – ответил Митька. – Сказано барина отвезть, а остальное не моя забота.

– А чё, правду Сенька гутарит, кубыть Митрофан Спиридоныч тебя к себе в Рамонь работать звал и даже пятьдесят копеек за день давал?

– Правда, – нехотя ответил Митька.

– А чё ж отказался? Пятьдесят копеек – цена дюже хорошая.

– К чему? На службу мне вот-вот. Потому и наниматься не стал.

– А я-то подумал: Веру Петровну оставить боишься, – рассмеялся Васька, не отводя от Митьки любопытных глаз.

Васька уже долгое время допытывался у Митьки правды об отношениях с Верой, слухи о которых множились день ото дня, но тот всегда отмалчивался. Не ответил он и сейчас, но Васька всё не унимался.

– Ну коль на службу, то Митрофан Спиридоныч будет доволен, – рассудил Васька. – Чую: он и переманивал тебя отсель, чтоб от Веркиных глаз подале ты был. Сеньку свово в мужья ей метит, рыжий пёс. Да только куда ему, слюнтюю энтому? Не по рылу каравай! А Спиридоныч, гадская морда, всё богатеет. Надысь хату свою каменным забором огородил.

У всех плетни, а у него, глянь-ка, каменный! Ну, ничего, дай только срок – никакая ограда ему не поможет!

При последних словах Васька выпрямился и весь словно расцвёл. Голос его звучал громко и уверенно.

– Ты чё мелешь-то? – удивился Митька. – Не пойму я тебя чё-то! И Сеньку обругал. За что так люто ненавидишь Мищенко? А ведь он тебя в Москву лечиться отправлял, когда ты малой был, денег не пожалел.

– А чё их жалеть, ворованные-то?! – вскипел Васька.

– А мне вот всё одно, – ответил Митька. – Не у меня ведь ворует – и ладно.

– Вон ты какой, – протянул Васька. – О себе только заботу имеешь! А я вот в последнее время всё чаще Марка Вацлавича вспоминаю. Какие слова гутарил! Какие рассуждения имел! Вот человек был! Все о себе, а он о людях печалился!

– Тоже мне нашёл, кого вспоминать? – возмутился Митька. – Он нас с Манькой чуть по миру не пустил, а он вспоминает.

– Так его вины в том нет! Всё из-за душегубов энтих! – кивнул Васька на княжескую усадьбу. – Эх, такого человека загубили. Где он тепереча, жив али сгинул где?

– А ты крестного своего Архипа поспрашивай, – предложил Митька. – Он ведь его сюды притащил.

– А и правда, – обрадовался Васька. – Ох, и голова же ты, Митька. А ведь я об том и не подумал.

– Вот только сдаётся мне, Васятка, другая печаль тебя му-

чит, – сказал Митька. – Завидуешь ты богатству Спиридоныча, вот и весь сказ?

Васька на эти слова только рукой махнул, но про себя знал, что прав был друг его. Ваську и в самом деле жгла черная зависть к богатству Митрофана Спиридоновича, растущего, как на дрожжах. За неимением такового у себя он понимал, что не светит ему в жизни ни такие же утехи, ни Ксюшина любовь, к которой с его-то происхождением, не то что посвататься, а даже к руке прикоснуться не светит. А что ему тогда светит? Всю жизнь батрачить на этого самого Митрофана Спиридоновича, как его отец. Как отец унижаться, кланяясь, завидев хозяина. Вот только не в его это было характере. Васька с детства рос упрямым, бесстрашным и злопамятным. В душе он таил обиду даже на Митьку: за красоту, за силу, за то, что никогда ему не подчинялся.

– Ну побрехали и будя, – сказал Митька. – А то вон Андрей Петрович скажут, могёть услышать.

И вскочив с места, Митька подбежал к Андрею, взяв под уздцы его коня и приветствуя молодого барина.

– Здравствуй, голубчик! – вежливо ответил Андрей. – Всё ли готово к отъезду?

– Всё готово, Андрей Петрович, только вас дожидаемся!
Андрей быстрыми шагами направился в дом. Он торопился обнять на прощание отца и поцеловать любимую сестру Ксюшу.

– Доброе утро, душа моя! – ласково улыбаясь, сказал он,

войдя в комнату к Ксюше.

Он подошёл к окну. На улице начался дождь, и ветер обрывал листву с деревьев, а в комнате его младшей сестры было уютно и тепло. И Андрей не мог понять, от чего же больше этого тепла: то ли от малинового бархата, обнимающего стены Ксюшиной комнаты, всевозможных ширм, этажерок, то ли от её улыбки.

Андрею было грустно от того, что приходилось вновь расставаться с Ксюшей. Брат и сестра, словно близнецы, привязанные друг другу с малолетства, не любили этих печальных, но вынужденных сцен прощания, Ксюшиных слёз и молитв Андрея о её благополучие. Но в этот раз Андрей был спокойнее: он оставлял сестру с любимым другом. Невзирая на отъезд Андрея, Алексей Валерьевич согласился провести остаток отпуска с семейством Сенявиных, чем несказанно обрадовал и Петра Ивановича, и, конечно, Ксюшу.

Веселее была и Ксюша, она едва могла скрыть свои теплые чувства к Алексею Валерьевичу и торопилась поделиться ими с любимым братом, единственным человеком в семье, которому легко могла доверить самые сокровенные свои тайны. Не стесняясь и не боясь осуждений, принимая любые его советы.

– Вижу, Ксюша, как вы подружились, – давно уже всё понимая, сказал Андрей. – Бесконечно этому рад.

– Ах, Андрей! – крепко обняла его за шею Ксюша.

– Да, вместе вам будет нескучно, – улыбнулся Андрей.

– Только умоляю тебя, дружочек, не читай ему французских романов, после развода они сильно утомляют его.

– Развода?! – отпряла Ксюша от брата.

– Да, развода! – с грустью подтвердил Андрей. – Алексей Валерьевич женился ещё в Варшаве. А вернувшись с войны, узнал, что супруга его спуталась с каким-то прохвостом. Страшное предательство! В то время, пока супруг на войне... Но, впрочем, не нам судить её. Важно ещё и то, что развод – дело непростое, как ты понимаешь. Для этого должны быть представлены доказательства супружеской неверности. И Алексей Валерьевич, оберегая честь хоть и предавшей, но всё-таки жены, взял вину на себя. Это стало тяжелым испытанием для него. И порой я думаю, что всё это послужило причиной его замкнутости, даже кажущейся черствости. А в глазах его и сегодня бывает щемящая тоска.

– Ах, разве же так можно? – всплеснула руками Ксюша.

– Нельзя! – ответил Андрей. – Однажды и тебе предстоит быть женой, поэтому всегда помни об этом!

Тем временем в большой гостиной собралась вся семья, чтобы проститься с Андреем. Он расцеловал мать и сестёр, терпеливо выслушал наставления отца, впервые заметив на его лице глубокие морщины и печальный взгляд, и думал про себя: «Дорогой мой отец! Клянусь, ты будешь гордиться мной! Я жизни не пожалею, но не опозорю ни нашу фамилию, ни твои первые седые волосы!»

А потом Андрей долго-долго не мог наговориться с Алек-

сеем Валерьевичем, с обожанием заглядывая в его глаза. И всё это время в ожидании своей очереди крутился рядом Егор. Он так ждал этой возможности обнять Андрея и сказать ему на прощание свои, пусть по-детски наивные, но очень важные слова. Но Андрей только похлопал его по плечу и пообещал написать из Петербурга. С горечью Егор осознал, что для него места в сердце Андрея почти не осталось. Теперь оно было занято Алексеем Валерьевичем, взрослым, интересным и легендарным. А что же он? Юнец, совсем мальчишка. Чем он мог быть теперь интересен Андрею? Увы, ничем. И он это понимал. И что же ему оставалось? А ему оставалось ждать, что однажды и на его жизненном пути встретится такой же друг, взрослый и интересный, с которого он будет во всём брать пример. И действительно, он не заставит себя долго ждать и уже совсем скоро окажется рядом, заменит ушедших так рано родителей, заменит Андрея. Но что это будет за человек? Ах, если бы Андрей только знал, всё бы отдал, чтобы вернуть этот день, который станет поворотным в жизни Егора, и не оттолкнул бы его так неряшливо от своего сердца, оставил бы при себе. Но Андрей был ещё слишком молод, он не мог понимать, из каких, казалось бы, незначительных поступков складываются звенья прочной цепи, которая в будущем может послужить виселицей для миллионов людей.

Глава 38

Громкими разговорами, зычным смехом и хулиганскими песнями наполнились улицы Богоявленского ранним осенним утром 1912 года. Уборка урожая была окончательно завершена, а значит, пришла пора всем юношам призывного двадцатилетнего возраста нести воинскую повинность. Уходили работники и со двора князя Петра Ивановича Сенявина. Был среди них и Митька Чадин, его ждала трехлетняя служба в пехоте.

Как ни уговаривали Митьку сестра Маша и тайная возлюбленная княжна Вера остаться, никого не послушав, он сделал по-своему. Не дожидаясь жеребьевки, решавшей кому призваться на действительную военную службу, а кому зачисляться в ополчение, Митька попросился в армию добровольцем. А ведь попроси он князя Петра Ивановича об отсрочке, и ему не пришлось бы служить вовсе. Но службой в армии Митька спасал себя.

Он слишком устал от той жизни, в которую по глупой юности своей ввязался. Он устал давать обещания и сестре, и Вере, и одновременно с этими обещаниями врать обеим. Он устал от косых взглядов односельчан и насмешек Васьки. Он уже давно проклял тот день, когда послушался Машу и вступил в эту придуманную ей авантюру. Таким образом, Митька решил наконец избавиться от цепей, настолько запутав-

ших его жизнь, что порой выходом из неё он видел только смерть. Он уходил с твердым намерением никогда больше сюда не возвращаться и не видеться ни с Верой, ни с Машей.

Дать последние наставления и благословить призывников на верную службу царю и отечеству на крыльцо усадьбы вышли князь Петр Иванович и уже сделавшийся своим в семье ротмистр Серебрянов. За сухой, сдержанной речью Алексея Валерьевича и вдумчивыми, сердечными, почти отеческими наставлениями отца следила восторженная Ксюша. Подобную сцену она наблюдала каждую осень, но в этот раз за прощанием с призывниками она следила особенно внимательно. Уж слишком много сейчас уходило на службу знакомых с детства и близких её простому, доброму сердцу людей.

Ксюша постоянно оборачивалась на дверь своего дома в ожидании увидеть старшую сестру, но та не выходила. Ксюша не понимала: неужели Вере неинтересно посмотреть на призывников, проводить их в далёкий путь. Младшая княжна даже не догадывалась, что всего несколько дней назад её гордая и неприступная сестра, узнав о решении Митьки, стояла перед ним на коленях, обхватив за ноги, и умоляла остаться. И день без Митьки казался ей невыносимым, а три года звучали так же страшно, как смертный приговор. Не догадывалась Ксюша и о том, чего стоило Вере это самообладание, когда ей хотелось выбежать из дома, броситься на грудь любимому Митьке и долго-долго целовать его у всех на глазах. Но разве могла она себе это позволить? И оставалось ей

только беззвучно рыдать, запершись в своей спальне и медленно сходить с ума от мысли, что расстанется с возлюбленным так надолго.

А вот приехавшая к усадьбе Сенявиных Злата оказалась прозорливей и, указав пальцем на окно Вериной спальни, с торжествующим злорадством спросила:

– А что у вас там, плач Ярославны?

Но Ксюша не поняла этого вопроса и только пожала плечами в ответ. И глядя вслед уходящим призывникам, увидела, как один из них, самый высокий и статный, обернулся и, сняв шапку, поклонился родному Богоявленскому, словно навсегда прощаясь с ним, а затем поторопился догнать своих товарищей. Ксюша узнала его, это был Митька. Она вспомнила, как он развлекал её и Егора, когда они были маленькими, вырезая свистульки и катая на лошадях. И несмотря на светлую грусть, воспоминания эти озарили её лицо ласковой улыбкой.

Но вот голоса провожавших отцов и матерей, сестёр и друзей затихли, и все стали расходиться по своим делам. Ушла на барскую кухню заплаканная Маша, ушёл Арсений, тяжело воспринявший расставание с другом Митькой. И только изрядно пьяный Васька всё не отходил от княжеской усадьбы.

– А ты что же, братец, в ополчение попал? – спросил его Алексей Валерьевич.

– А я, ваше благородие, к призыву не подлежу! Потому, как у мамки с папкою один! – ответил Васька с нескрывае-

мой неприязню к Алексею Валерьевичу.

– Хороша опора! – иронично поморщился Алексей Валерьевич, глядя на Ваську сверху вниз.

Васька ненавидел Алексея Валерьевича уже за то, что тот жил с Ксюшей в одном доме, имел возможность видеть её когда угодно, беседовать наедине, целовать руку. А бурные слухи об их нежной привязанности друг к другу жгли Васькино сердце, не давая спокойно жить. К тому же Васька понимал, что Алексей Валерьевич – блестящий офицер, дворянин и, самое главное, холост, а значит, в любой день может посвататься к Ксюше. А кто он сам? Батрак, сын батрака, внук батрака. И такое положение вещей не оставляло ему ни малейшего шанса на победу за Ксюшино сердце. Однако терять ему было нечего, и трусом он никогда не слыл, поэтому сейчас готов был на любой вызов. И только появление Ксюши не дало в эту минуту разразиться скандалу. Увидев её светлые, ласковые глаза, Васька замолчал и, сняв с плеча гармонь, громко, так, чтобы все вокруг слышали, затянул любимую всеми дончаками песню:

Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольется,
Там сердце девичье забьётся
С восторгом чувств – не для меня.

– Вы не сердитесь на него, он очень славный, – заступилась за Ваську Ксюша. – Только мучает его что-то в последние дни.

Ксюша внимательно посмотрела на Алексея Валерьевича, будто изучая каждую черточку его лица. После рассказа Андрея о браке Серебрянова и тайне его развода Ксюша воспылала к нему ещё большей влюбленностью. Запретные мысли поселились в её голове, и справиться с ними она не могла. Ксюша с любопытством думала: а как это оказаться с ним наедине? Как это быть его женой?

– Знаете, мне порой жаль, что я не родилась мужчиной, – с серьёзной интонацией сказала Ксюша. – Из меня бы тоже вышел замечательный офицер. Я могу поддержать любую беседу об армии. К примеру, я знаю, что состав сухопутного воинства состоит из пехоты, кавалерии, артиллерии и технических войск. А кавалерия подразделяется на гвардейскую и армейскую. И вообще я всё-всё знаю о кавалерии!

– Ксюша, какая же вы прелесть! – рассмеялся Алексей Валерьевич. – Вы не поверите, но никогда прежде мне не было так весело, как сейчас с вами. Только зачем вам всё это? Для чего вам эти знания?

Но, не меняя серьёзного тона, Ксюша вдруг сказала:

– Знаете, я давно держу в сердце тайну, которую могу поведать только вам! Алексей Валерьевич, я люблю вас!

– Что за вздор?! – ни секунды не думая, твердо ответил он. – Ксенюшка, милая, послушайте моего совета. В вашем юном возрасте не стоит так увлекаться книжными романами!

Кровь прихлынула к лицу Ксюши. В эту минуту ей каза-

лось, будто её облили кипятком, так сильно загорелись от стыда щёки. Ксюше захотелось в эту же секунду испариться, провалиться, всё что угодно, только бы он перестал с таким осуждением смотреть на неё.

Закрыв ладонями глаза, как можно быстрее она бросилась в дом и до следующего утра не выходила из своей комнаты. Ксюша, не переставая плакала и ругала себя за это нелепое признание, а успокоившись, стала подбирать слова, которые могли бы объяснить и извинить этот опрометчивый поступок.

Всю ночь, не смыкая глаз, она провела у зеркала, пытаясь найти в себе изъяны, заставившие его так ей ответить: «Ах, если бы я была так же хороша, как Вера, тогда он непременно влюбился бы в меня и ответил взаимностью. А что я? Я не хороша! Не хороша!»

Ксюша придумала с десяток причин, повлиявших на отсутствие взаимных чувств у Алексея Валерьевича, упорно не замечая одну, самую главную – свою преступную молодость. Двадцать лет! Именно такая пропасть разделяла их. Разница в возрасте в двадцать лет!

Наутро, набравшись храбрости, Ксюша спустилась к большому столу, за которым обычно завтракала вся семья. Так было и сегодня, вот только Алексея Валерьевича за ним не оказалось.

– Наш гость рано утром уехал в Петербург, – сказала Ольга Андреевна.

Медленно опустившись на стул, Ксюша только безвольно обхватила руками свою белокурую голову.

Глава 39

После отъезда Алексея Валерьевича всегда такая подвижная и оживленная Ксюша сделалась печальной и молчаливой. Ничто не доставляло ей радости. Она забросила книжки, фортепьяно, альбомы и краски, совсем перестала выходить на улицу. И оставшись наедине со своими печальными мыслями, со своей отвергнутой любовью, Ксюша мгновенно повзрослела. И вся её прежняя цветная жизнь стала вдруг серой, безрадостной и потеряла всякий интерес.

Сначала, подолгу стоя у большого окна в зале, Ксюша пристально всматривалась вдаль в надежде разглядеть там долгожданного путника. Бежала на каждый звон колокольчика в дверь, надеясь увидеть на пороге его, такого далекого и долгожданного. Но вот вслед за опавшей листвой закружили белые снега, а он так и не появился, так и не прислал ей ни одной весточки о себе. Потом Ксюша попыталась забыть себя в молитвах, то прося у Бога новой встречи с Алексеем Валерьевичем, то остуды на своё пылающее сердце. Но заветный образ вновь и вновь вставал перед ней, являлся во снах. А воспоминания всё возвращали её в те счастливые дни, когда он был рядом, дарил фиалки, читал «Онегина» вслух, терзая и терзая её душу.

Перемены в маленькой княжне замечали все домочадцы, но никто не придавал этому явлению большого значения,

списывая кто на осеннюю хандру, кто на взросление, кто на отъезд любимого брата, связь с которым у Ксюши была особенно крепкой. И только умная, внимательная Вера понимала истинную причину грусти сестры.

– Надеешься, что он вернётся? – спросила однажды Вера, застав Ксюшу стоящей у окна.

– Надежда есть ожидаемая уверенность, а у меня её нет! – ответила та, не сумев сдержать слёз на последних словах.

Вера перевела взгляд с сестры на окно, подумав про себя: «Как же мы похожи нынче. Преданные и забытые».

Но даже эта такая близкая печаль не заставила Веру пожалеть сестру. Природная холодность оставляла её безразличной к Ксюше. У Веры была своя грусть и чужой для неё не существовало.

А ведь без Митьки Вера, как и Ксюша без Алексея Валерьевича, впала в уныние. Как и для Ксюши, все её дни теперь стали настолько одинаковы, что, казалось, ничем не отличались один от другого. Она даже перестала следить за календарём. Но всю эту печаль она могла преодолеть ради счастливой минуты их встречи. Вера готова была ждать Митьку хоть целую вечность, но уверенности в том, что он вернётся, у неё не было. Вера чувствовала, что в Митькином сердце живёт какая-то тайна. И все свои мысли и сомнения она могла поведать только одному человеку – Чадиной Маше. Митькина сестра единственная была посвящена в тайны Вериной любви. Вера успела привязаться к ней как к родной, но вот

и Маша сразила неожиданным известием о своём отъезде.

– Не успел Митин след простыть, как покидаешь меня ты, – грустно сказала она, стоя у застывшего пруда. – Для чего вы оставляете меня одну?

– Будет вам, Вера Петровна! – равнодушно ответила ей Маша. – Чёй-то одну? Всё ваше семейство туточки!

– Семейство... – задумчиво повторила Вера. – Что мне за дело до семьи? У отца одна печаль – Андрей! У матери – Ксюша! А я? Я с детства живу как на торгах. Кто больше даст, за того и выдадут, будь то хоть старик или калека, да хоть сам чёрт с рогами. Они же в долгах живут, как в кандалы закованы, а мама всё о роскошной жизни грезит. Платов обещал по долгам этим расплатиться – вот и дала она согласие на брак, желания моего не спросив. Так и уйду с молотка! А ведь они, если хочешь знать, ни разу и не поговорили со мной как с дочерью. Ни разу не поинтересовались, что у меня на душе? Какой я желаю видеть свою жизнь? Я лишь часть княжеской фамилии. Сначала няньки, потом гувернантки, экипажи, наряды. Все вложения для выгодной перепродажи. За всю жизнь ни разу никто и не обнял. А ты говоришь: семейство. Ах, Маша! Милая Маша! Ну для чего тебе этот Воронеж? Для чего? Останься, я всё тебе дам: работу непыльную, деньги, платья!

– Благодарю, Вера Петровна! Да только я от работы не бегаю, сами знаете. А без Митьки мне тут всё одно жизни не будя. Бабы вон до сих пор на меня искоса глядят. Ничего,

земля-то она большая, глядишь, и для меня место в городе найдётся. А тама жизнь покажет. Могёт, ещё и свидимся где.

Переживания княжны Веры были Маше безразличны. После ухода Митьки в армию все её хитрые планы рухнули, и Маша потеряла к Вере всякий интерес. Теперь в Богоявленском её ничего не держало, поэтому-то она и решила отправиться в Воронеж, быть может, там ей удастся найти лучшей для себя доли.

Глава 40

Так и шёл день за днём, а Богоявленское жило своей простой, незатейливой жизнью. Но вот вновь зашумели его улицы и запели. Потому как во всю Российскую Империю пришёл один из главных христианских праздников – Крещение.

Двухнедельные Рождественские святки заканчивались, и наступил Крещенский сочельник. Перед Богоявлением Господним все семьи в селе, как и перед Рождеством, собирались за общим столом, к которому подавались постные кушанья из риса, мёда и изюма, готовилась кутья. А в церковь Иоанна Богослова потянулась очередь за святой водой.

– Праздник Крещения называют ещё праздником Богоявления, – говорили своим детям родители. – Потому что при крещении Господа явилась миру Пресвятая Троица: «Бог Отец глаголил с небес о Сыне, Сын крестился от святого Предтечи Господня Иоанна, и дух святой сошёл на Сына в виде голубя».

С этими словами мальчишки и девчонки выпускали в небо воркующих птиц. Вечером же, дабы оградить свои жилища от проникновения в дом нечистой силы, которая, по народным поверьям, разгуливала по улицам и норовила проникнуть в дома, ставили мелом на всех дверях и оконных рамах знаки креста, считавшегося надёжной защитой от всего бесовского. А молодые смелые юноши и девушки наря-

жались в костюмы, представляя нечистую силу, чем пугали и веселили прохожих, жгли костры, собирались на игрища, устраивали посиделки. И во всём этом разгуле самой смелой, активной и озорной была тринадцатилетняя Мищенко Злата. Непоседливая, беззаботная, она везде была первой, будь то катание на коньках наперегонки, на санях с гор или «утюгом», когда до двадцати саней неслись они по улице. Повсюду слышался ее громкий смех. А уж в песнях и танцах и вовсе не знала себе равных эта золотоволосая зеленоглазая девчонка. И все вокруг попадали под её настроение. По всему Богоявленскому слышалась затянута ей под Васькину гармонь песня:

Розпрягайте, хлопці, коні
Та лягайте спочивать.
А я піду в сад зелений,
В сад криниченьку копать.

Маруся раз! два! три!
Калина, чернявая дивчина,
В саду ягоди рвала.

Копав, копав криниченьку
У зеленому саду.
Ай не вийде дівчинонька
Рано-вранці по воду?

Маруся раз! два! три!

Калина, чернявая дивчина,

В саду ягоды рвала.

И, конечно, не обходился этот вечер без традиционных гаданий, таких увлекательных для молодых девчонок. Спрашивали они имя у прохожих на улице, бросали башмачки, разглядывали узоры на кофейной гуще, ходили к дверям запертой церкви и слушали тишину, а потом рассказывали друг другу, будто чудились кому-то звуки венчального хора, кому-то колокольчика как символ замужества, а кому-то и страшный глухой стук.

Повсюду гудело веселье, и только в княжеской усадьбе Семявиных оставалось на редкость тихо, ведь некогда подвижная и сияющая безмятежностью, как утренняя роса Ксюша, всегда наполнявшая дом весельем и оживленностью, с тех пор как покинул её Алексей Валерьевич, невообразимо изменилась. Она абсолютно потеряла аппетит и, утратив румяный цвет лица, стала казаться совершенно больной.

Но вот вместе с вьюгой ворвалась в княжеский дом золотоволосая Злата и перевернула всё вверх дном. Румяная и нарядная, пахнувшая свежестью и морозом, разбудила сонную дворню, задремавшего своего крестного, князя Петра Ивановича, и супругу его Ольгу Андреевну, словно вихрь, промчавшись по дому. И вот загорелись свечи, засвистели самовары, распахнула Злата и дверь в Ксюшину спальню:

– Так и зачахнешь в своей светёлке! – укоризненно ска-

зала она.

Злата долго ещё рассказывала о весёлом гулянье этого вечера, но Ксюша слушала подругу безучастно, только из вежливости, пока та не предложила:

– А давай гадать!

– Что ты? – испугалась Ксюша. – Грех-то какой!

– А! – махнула рукой Злата, шепотом добавив: – Отмолим!

И полился воск в фарфоровое блюдце. Ксюша долго вглядывалась в замысловатые фигурки, пытаясь разглядеть в них благосклонный исход своей неразделённой любви. Но ничего увидеть не могла. И вдруг, всплеснув руками, вскрикнула:

– Крест! Ах, Златонька! Как страшно!

– А мне купол церковный мерещится, – успокаивала Злата Ксюшу, склонившись над блюдцем. – И круги, будто кольца. Уж не к свадьбе ли?

Как хотелось Ксюше поверить в добрую примету, но время продолжало идти, ничего в жизни её не меняя. Даже в день собственных именин запись в своём дневнике Ксюша оставила совершенно безрадостную: «6 февраля 1913 год. Четыре месяца прошло с того дня, как покинул меня Алексей Валерьевич, но боль от этого расставания и одиночества не становится меньше. Сегодня моё пятинадцатилетие, но жизнь моя решительно кончена. Я ищу, но не нахожу ответ, как же мне жить дальше. Куда деться, если счастливой я больше никогда не стану?»

Слёз у Ксюши больше не было. Разницу между днями и ночами она также перестала замечать. Сутки напролёт Ксюша проводила у огромного со стрельчатой аркой окна, глядя на занесённый глубокими снегами двор и всё ждала, ждала, ждала. Но за окном кружили только вьюги да метели. Родное имение стало казаться ей совсем пустынным и заброшенным. Вокруг было тихо, и только одиноко потрескивали поленья в огромном камине.

Ей, пятнадцатилетней девочке, казалось, что впереди ничего хорошего уже не будет. Она всё пыталась понять, для чего нужна была эта осень, эти прогулки в парке, это чтение вслух, музицирование по вечерам и цветы по утрам, если всё так бездарно закончилось. Для чего Бог свёл их в этом унылом имении? Ведь не бывают же такие встречи случайными? Ведь для чего-то вселил Господь в её сердце эту любовь? Ну не для того же, чтобы так скоро отнять?

Каждый день Ксюша давала клятвы верности Господу, чтобы принял он её молитвы, божилась всем пожертвовать ради возможности быть с Ним, любить Его. И в самом деле, для чего ей эти стены, книги, наряды, экипажи, для чего нужна вся эта жизнь? Для чего всё это по-прежнему есть, а Его нет? И всё, что теперь у неё осталось – только воспоминания.

Глава 41

Одним, ничем не примечательным, мартовским утром, когда уже бежали ручейки и звенела капель, возвращаясь домой после утреннего богослужения, семья Сенявиных увидела возле парадного входа своего дома незнакомый экипаж. А войдя в дом, все ахнули. Кого угодно они готовы были видеть у себя в гостях, но только не его. В большом зале возвращения хозяев ожидал Алексей Валерьевич Серебрянов.

Не обращая внимания на княжон, он поприветствовал Петра Ивановича и Ольгу Андреевну, по-отечески прижал к груди Егора. Обрадованный нежданному гостю князь захватил его в свои объятия. Забегала прислуга. Мгновенно в доме начался переполох.

– Петр Иванович, Ольга Андреевна, мне нужно переговорить с вами с глазу на глаз, – сказал он.

От неожиданности и нахлынувших чувств у Ксюши закружилась голова. Она пошатнулась и чуть было не потеряла сознание, но стоявшая рядом не менее обескураженная Вера подхватила сестру и, обняв за плечи, прижала к себе. Однако не отдававшая отчета своим действиям Ксюша оттолкнула Веру и выбежала прочь из дома. С отуманенной головой и нависшей на глаза пеленой бежала она всё дальше и дальше от этого человека, принесшего ей столько страданий и слёз. Его появление казалось Ксюше неведомым дурманом,

помутнением рассудка, от которого и бежала она, остановившись только в парке возле пруда не в силах отдышаться. Нахлынувшие с новой силой чувства переполнили её юное, стремящееся выпрыгнуть из груди сердце.

Ксюша глотала весенний, пахнувший талым снегом воздух, и необъяснимый страх сковывал её дрожащие руки и ноги, а сердце всё рвалось из груди. Время вокруг неё будто остановилось, и она уже не понимала, сколько простояла около этого пруда, не чувствуя холода, не в силах обуздать свои мысли и, не прекращая, теребила в руках муфточку, а обернувшись, увидела перед собой Алексея Валерьевича.

Любимый и долгожданный, он стоял перед ней так близко, что хотелось немедленно броситься ему на грудь, рассказать, как долгими днями и ночами стояла она у окна в ожидании его возвращения, рассказать всё то, что терзало её сердце, сказать, как сильно она его любит. Но, не сумев совладать со своими чувствами, Ксюша не вымолвила ни слова, только горячие слёзы сами собой потекли по щекам.

Прижав к себе юную, хрупкую Ксюшу, Алексей Валерьевич также не мог подобрать слов, мысленно коря себя за её слёзы. После мучительного развода он и мысли не допускал, что однажды полюбит вновь, и долгие годы счастливо жил, обходясь мимолетными романами. Но вот эта белокурая девочка ворвалась в его жизнь и всё в ней перевернула. Так она была чиста и непорочна, что очерстневшее его сердце забилося вновь, да с такой частотой, что, кажется, прежде и не

жило вовсе. И он, такой сильный и отважный, любви своей испугался. В надежде задушить в себе это едва зародившееся чувство он умчался в Петербург, не простившись с Ксюшей, но очень быстро осознал, что жизнь его вернуться в прежнее русло всё равно уже не сможет. Эта любовь уже случилась, и выжечь её не удастся. А вдали от Ксюши он мучился, чах. И всё это время без неё превратилось для него, героического офицера, в самую тяжёлую пытку. И если любовь – это дар, так и отказываться от неё – грех. Так пусть она будет, пусть живёт эта любовь столько, сколько отмерит для неё Господь.

– Отчего вы покинули меня? – прошептала, наконец, Ксюша. – Отчего?

Её ясные серые глаза были прозрачны от слёз и надежды. Эти глаза нельзя было обмануть, и, прижав к щеке её маленькую ладошку, Алексей Валерьевич ответил:

– Ксенюшка, душа моя, если бы вы только знали, чего мне это стоило. Я же не от вас бежал – я от себя бежал. От своей любви к вам! Поверьте, ничто на свете неважно мне, кроме вашего счастья! Но вам пятнадцать лет, и вы ещё совсем дитя. Я же на двадцать лет старше и едва ли могу предложить вам жизнь, достойную красоты и происхождения вашего.

– Алексей Валерьевич, вы желаете мне счастья! Но ведь счастье для меня – это вы!

Успокоившись и утерев слёзы, Ксюша ласково добавила:

– А я верила, что вы вернётесь ко мне! Наша встреча... она не могла быть случайной. Не могла завершиться ничем.

Мы жили так далеко друг от друга и так долго не знали друг друга. Мы даже могли никогда не встретиться. Но это произошло, а значит, впереди нас что-то ждёт. И я знаю – это непременно что-то хорошее. Это судьба! Да-да, судьба, ибо всё велось к этому!

– Тогда я прошу вас сделать моё счастье! Я прошу вашей руки!

– Да! Да! – ни секунды не мешкая, воскликнула Ксюша.

И в ответ на это согласие Алексей Валерьевич завлѣк Ксюшу в их первый поцелуй. Ксюша не могла насладиться этим мгновением и этой встречей. Столько счастья принесло ей появление Алексея Валерьевича, что счастье это казалось сном. А если это сон, пусть он никогда не заканчивается! Пусть никогда не наступает пробуждение!

– Я так ждала вас! А теперь я очень вас люблю! И так будет всегда! Я существую только для того, чтобы любить вас! А вы – для того, чтобы любить меня! Отныне мы есть друг у друга, и это самое главное.

Так, в один день судьбы двух любящих людей соединились, и обратного пути уже не было. Отныне их ждал один общий путь, и будущее Ксюши и Алексея Валерьевича определилось. Всё, что ещё только ждало их впереди, определил этот день. Но они не заглядывали вдаль, а были счастливы здесь и сейчас и верили, что счастье это будет бесконечным.

Но не все в семье Сенявиных были преисполнены такой же радости. Особенно Ксюшино счастье омрачила нежиз-

данная реакция матери:

– Боже мой! Какой мезальянс! Подумать только! – возмущалась она в разговоре с супругом. – Алексей Валерьевич, бесспорно, славный и порядочный человек, но что он может предложить нашей дочери? К чему его военная слава, если он беден как церковная мышь? Стоит ли за таким «счастьем» ходить в Петербург, когда в нашей губернии так много куда более состоятельных женихов? И к тому же он всего на шесть лет младше нас.

Ольга Андреевна была более чем решительна, чтобы не дать состояться этой помолвке. Неприятно удивилась возвращению Алексея Валерьевича и княжна Вера. Её совсем не прельщала перспектива появления в семье человека, которого она боялась больше, чем собственного отца.

– Вижу, ты не рада мне, княжна! – сказал Вере Алексей Валерьевич.

– Вам не о чем волноваться, ротмистр. Не мне вас благословлять, – ответила Вера. – А папа вас любит, и Андрей вас любит, и Михаэль Федорович вас любит! Вас все любят!

Вера оказалась права. Решающее слово в патриархальной семье Сенявиных оставалось за Петром Ивановичем. А его не прельщали ни богатство женихов дочерей, ни статус, ни родовитость. Он и сам когда-то женился на Ольге Андреевне по зову сердца, того же он желал и своим детям. Поэтому, прежде чем дать ответ Алексею Валерьевичу, он пришёл поздним вечером в комнату к своей младшей дочери.

– Вижу, голубушка, как у тебя глаза горят! – сказал он, крепко прижав к груди дочь.

– Ах, папенька, я так счастлива сегодня! Я так его люблю!

– Я знаю, Ксюша, он достойный человек! Честный и порядочный дворянин! И он любит тебя. Если ты будешь с ним, я буду спокоен за тебя и за твоё будущее.

Петр Иванович смотрел на свою младшую дочь, которая, казалось бы, ещё вчера была совсем ребенком, но вот уже готова выйти замуж. Ему жаль было расставаться со своей весенней пташкой, со своим лучиком солнца, со своей очаровательной, прелестной девочкой, к тому же ещё такой юной, и он внимательно вглядывался в её серые глаза, чтобы отыскать в них хотя бы малейшее сомнение в правильности этого замужества, но его там не было. И обхватив дочкино лицо ладонями, он произнёс:

– Выходи за него! И помни: самая большая ценность – это верность! На верности основывается семья. Если есть верность, то есть семья. Разрушается верность – разрушается семья.

Получив благословление Петра Ивановича, на следующий же день в церкви Иоанна Богослова старый священник отец Прокофий провёл богослужение, в котором Алексей Валерьевич Серебрянов и княжна Ксения Петровна Сенявина пообещали друг другу перед Богом. Священник надел жениху и невесте кольца, которыми они затем троекратно обменялись.

Свадьбу решено было играть на Красную горку, после Великого поста – праздник, испокон веков считавшийся на Руси самым благоприятным днём для бракосочетания. Браки, заключённые в этот день, считались самыми крепкими и счастливыми. А до этого времени Алексей Валерьевич должен был вернуться в Петербург. Поэтому-то Ксюша, так сильно боявшаяся вновь потерять своего возлюбленного, настояла на скором обручении, наконец-то сделавшим её спокойной и абсолютно счастливой.

Глава 42

Как только Алексей Валерьевич покинул дом своей невесты, за ним тут же полетели длинные, бесконечно нежные письма, полные дорогих сердцу воспоминаний: «Милый, любимый, единственный мой Алексей! Снова и снова я хочу вспоминать наши беседы в парке. Наш последний вечер и Ваши глаза. Ваши задумчивые, милые, любимые глаза, и тепло ваших рук. Я прикоснулась к Вам и улыбнулась от счастья...»

Алексей Валерьевич отвечал лишь скупыми строчками, но за этими строчками царила целая буря чувств и эмоций: «Ксюша, знайте, что во всех моих мыслях и молитвах Вы всегда со мной! И дни, и ночи я только и думаю, что о Вас!»

А в доме тем временем полным ходом шли приготовления к скорой свадьбе. Рассылались приглашения, нанимался оркестр, в кондитерской Воронежа уже был заказан свадебный торт, составлялось меню блюд и напитков. Царил переполох и в Ксюшиной комнате. По всем креслам были разложены шелка и кружева, сундуки наполнялись приданым: обрезами, драгоценностями, мехами, туалетными принадлежностями, столовым и чайным серебром.

– Ох, Ксюша, гляжу я на весь этот бедлам, и мне во рту делается приторно, – сказала Злата, приехавшая в гости к подруге. – Вот чтобы я так, да не в жизнь!

– Глупенькая, – хохотала в ответ Ксюша. – Вот полюбишь, и тебе Митрофан Спиридонович свадьбу сыграет, и станешь ты самой счастливой на всём белом свете!

– И чего это бабы вечно так замуж рвутся? – не соглашалась Злата. – Разве плохо тебе жилось? А выйдешь замуж – станешь ребятишек нянчить да суженого своего поджидать? Всю себя ему отдашь?

– Но ведь так Господом Богом указано! – Ксюша села рядом со Златой, взяв за руку. – И нет другого пути для человека! И нет другого пути к счастью и полноте жизни, как только тот путь, который нам указал Христос. Нет и иного закона человеческих отношений, кроме закона любви. Этот закон и есть отдача самого себя супругу, а ответ – получение великого дара любви от того, кому ты себя отдаёшь.

– А мне так никто не указ! Я сама себе и приказчик, и судья, и не в жизнь ни мужу, ни кому бы то ни стало подчиняться не желаю.

– Помилуй Бог, Златонька! – удивилась Ксюша. – Да что же ты такое говоришь? И странная ты, и смешная, ей Богу!

Но вскоре восторги любви жениха и невесты оказались омрачены. Алексей Валерьевич не успевал вернуться к назначенному сроку, и свадьбу потребовалось перенести. Как ни уговаривали домочадцы Ксюшу венчаться после Троицы, она никого не слушала. Ждать своего счастья ещё два месяца представлялось ей невыносимым, и венчаться решено было в мае.

Вечером накануне венчания в спальню к Ксюше постучалась Вера. Её появление стало для Ксюши полной неожиданностью. Родные сёстры были настолько разными, что их не сближали ни общие радости, ни общие горести, и пропасть между ними год от года только росла. Но, как ни странно, в этот вечер глаза Веры были полны такой тоской, какую прежде Ксюша не видела. И в искренность этой тоски Ксюша поверила.

Помогая расшнуровать Ксюше корсет перед туалетным столиком, на котором уже стоял присланный женихом подарок – шкатулка внутри с вуалью, венчальными свечами, кольцами и украшениями для свадебной прически, Вера ласково заговорила, и всё сказанное ей казалось волшебным преобразованием снежной королевы:

– Знаю, все эти годы я была не самой хорошей сестрой. Но мне грустно от того, что ты покидаешь наш дом. Пятнадцать лет ты была рядом, а теперь оставляешь меня.

– Я буду писать тебе! Каждый день! – с искренней уверенностью ответила Ксюша.

– И всё-таки, не торопишься ли ты? – спросила Вера. – Ты ещё так юна. Да и старухи болтают, что венчаться в мае – примета дурная. Будто венчанные в мае маются всю жизнь.

– Всё это вздор, глупости и предрассудки! – сжала губы Ксюша. – Не хорошо то, что я выхожу замуж вперёд тебя. Но я так сильно люблю его! Отныне он сделался всё для меня! Только мне отчего-то очень страшно.

Услышав эти слова, Вера взяла Ксюшу за плечи и строго спросила:

– Ты что-то скрываешь?

– Я видела сон, будто выхожу я из церкви отчего-то не с Алексеем, а с Васькой Поповым, тем, что у Митрофана Спиридоновича работником нанят. И уводит он меня к Дону, а в нём воды чёрные, бурлящие. Так всё серо вокруг, будто перед грозой, и Алексея рядом нет.

– Полно тебе, глупенькая! – улыбнулась Вера. – Это нервы.

И обняв сестру, она добавила:

– Не бойся, я буду рядом!

Но сон этот, увиденный Ксюшей накануне свадьбы, стал только первым, но далеко не единственным предзнаменованием в череде огорчений жениха и невесты. С самого утра на улице установилась невыносимая жара, и Ольга Андреевна, так и не смирившаяся с выбором дочери, сказавшись больной, отказалась присутствовать на венчании. Не успел приехать к назначенному дню и Андрей, главная до этой поры опора и защита маленькой княжны. А когда Ксюша и Алексей Валерьевич подошли к церкви, увидели двигающаяся в их сторону траурную процессию, и красивая, как весенний цветок, в подвенечном платье Ксюша моментально сникла и чуть было не потеряла сознание.

Уже заметно расстроенная, стоя на белом плату, лежащем перед аналоем с крестом и Евангелием, Ксюша почувство-

вала, как напряжён её избранник. Стоя рядом в парадном мундире, он не выглядел счастливым. Казалось, будто что-то тяготило его, будто не был он до конца уверен в необходимости этой свадьбы и правильности принятого решения. И двигало им скорее чувство долга, ответственности перед Ксюшей, нежели искреннее желание связать себя узами брака с ней. От всех своих переживаний Ксюша, не переставая, плакала и, ослабевшая от волнения и слёз, уронила на пол кольцо. Тут уже не справившись с нахлынувшими эмоциями, она упала без чувств на руки мужу.

А за праздничным столом невесёлые гости, съехавшиеся со всей губернии, непрерывно шептались между собой:

– А свеча-то у ротмистра! Никогда не видела, чтобы свеча прогорала так быстро.

– Дурной знак!

– Не многовато ли для одной свадьбы дурных знаков?!

Но Ксюша старалась никого не слушать и гнала скверные мысли прочь. Главное, что теперь они муж и жена, что они любят друг друга, а в любви можно всё преодолеть и всё терпеть. Долг жены – вот что сейчас влекло Ксюшу сильнее всяких домыслов и предрассудков. Но оказавшись наедине с супругом, Ксюша растерялась, ругая себя наутро за излишнюю скованность.

И всё-таки неприятности забылись, как только Ксюша и Алексей Валерьевич отправились в свадебное путешествие по солнечной Италии. Рим, Генуя, Венеция и Флоренция. Их

захлестнул калейдоскоп впечатлений и безмятежной любви. Ксюше казалось, что счастливей, чем сейчас, быть уже невозможно. И в самом деле, что может быть лучше восхитительной Италии и любимого супруга рядом, такого надёжного, щедрого и любящего? Когда же они вернулись в Россию, волшебство, созданное руками Алексея Валерьевича, для неё не закончилось.

Так, минуя Богоявленское, молодожены приехали прямоком в Петербург, где Алексей Валерьевич нанял роскошную квартиру в доме на набережной реки Фонтанки. Здесь, в блестящей столице великой Российской Империи, скромную и провинциальную Ксюшу завораживало абсолютно всё. Здесь и портнихи были получше, и балы пошумнее. Ах, эти роскошные столичные балы – все окликают друг друга, все знакомы. Юной, не искушенной светской жизнью Ксюше хотелось как можно скорее сделаться в этом блестящем кругу своей. И любящий супруг не жалел средств ни на наряды, ни на украшения, ни на развлечения для своей молодой жены. Так ни один вечер юной госпожи Серебряновой не обходился теперь без выхода в свет. Балы сменялись посещениями концертов самых блистательных отечественных и европейских див. И постепенно блистающая на балах своей молодостью и красотой Ксения Серебрянова очаровала весь свет, изучив его этику, чему, впрочем, немало поспособствовала супруга Михаэля Нейгона Марта, взявшая на поруки юную госпожу.

Ксюша же, в свою очередь, сразу привязалась к семье Нейгон, так радушно принявшей её. Теперь каждое воскресенье они собирались все вместе за изысканным, богато накрытым столом в их доме. И все они: и семья Нейгон, и чета Серебряновых, и давно уже принятый здесь за родного сына Андрей, обожающий сестру и благодаривший Бога за союз её с Алексеем Валерьевичем, давший ему возможность неотлучно находиться рядом с ней – все они испытывали огромную радость. Радость от этой крепкой дружбы, от своих светских бесед, смеха и улыбок, от блеска окружающего их мира и, как казалось, долгого счастья, которое никогда не закончится.

А ещё Ксюша сильно привязалась к тринадцатилетней Наталье, очаровательной дочери Михаэля и Марты, и совсем позабыла об обещании, данном Вере – писать письма каждый день. Хотя поначалу она и писала домой, как обещала, но уже очень скоро она стала писать всё реже и реже, а к зиме письма перестали приходить в Богоявленское вовсе. И только отдалённые звуки Васькиной гармонии и его невесёлое пение на окраине села напоминало, что ещё совсем недавно здесь жила прекрасная княжна, которую он очень сильно любил:

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Не для меня журчат ручьи,
Текут алмазными струями,
Там дева с черными бровями,
Она растёт не для меня.

Глава 43

Егор уже целый день мыкался по Воронежу в безуспешных поисках ночлега. Стояла промозглая поздняя осень. Ветер дул со всех сторон, подхватывая падающий с неба первый снег. Кутаясь в тоненькую гимназическую шинель, с самого утра без единой крошки во рту, он смертельно устал и замёрз.

Сев прямо на тротуар Егор готов был зарыдать от обиды и бессилия, но на слёзы сил тоже уже не осталось. А перед глазами всё мелькали и мелькали чьи-то начищенные ботинки, блестящие, пышные юбки и колеса карет. И никому не было никакого дела до него, тринадцатилетнего голодного, замёрзающего юноши.

Воспитанный в великолепном имении своего дядьки, князя Петра Ивановича Сенявина, вдали от всех бед и огороженный от всех забот, он впервые столкнулся с таким жестоким человеческим безразличием. Подумать только, ведь все вокруг так счастливы, все веселы, сыты и всем нет никакого дела друг до друга. Никому нет дела до него, попавшего в беду мальчишки. Они все живут заботами только о себе и не замечают его, словно его и вовсе нет. А может и того хуже: замечают и видят его горе и боль, но так отвратительно бездушны, что ничего в сердцах их не шевелится. Они даже безразлично фыркают, бросая на него пренебрежительный

взгляд. От осознания такой жестокости этого городского общества Егору становилось ещё тяжелее и так обидно и за себя, и за всех них, что хотелось умереть. А ведь все эти снующие мимо него люди, не бедняки и не калеки, но никто, никто не протягивал ему руку помощи.

Егор повернул голову и внимательно посмотрел на шикарное здание, рядом с которым сидел. Этим зданием оказалось настоящая цитадель богатства. В нём находилось купеческое собрание. Из последних сил Егор поднялся и заглянул в окно. В глаза ударил яркий электрический свет. Внутри царило безудержное веселье: пели цыгане, официанты в перчатках обслуживали шикарных мужчин в черных фраках, белых крахмальных жилетах, сорочках и таких же бабочках. А столы перед ними ломились от невероятных кушаний, вин, шампанского, кваса и фруктовых вод. Через открытые форточки доносился беззаботный смех.

Егор ещё раз осмотрел этих блестящих мужчин-купцов и вдруг остановил пристальный взгляд на одном из них, большом, осанистом, с широкой рыжей бородой. Ну конечно, это был Митрофан Спиридонович Мищенко. Егор тут же узнал его, и сердце радостно заколотилось.

«Спасён!» – подумал Егор и уже готов был броситься к нему, но вдруг остановился.

Конечно, Митрофан Спиридонович не бросил бы воспитанника своего покровителя, князя Петра Ивановича Сенявина. Он бы его и накормил, и обогрел, но мысль о Петре

Ивановиче не дала Егору этого сделать. Как же он посмотрит ему в глаза? Как расскажет о случившемся? О том, что привело его на улицу? Ведь все беды его начались с того, что он страшно задолжал хозяину, у которого снимал комнату, и был изгнан на улицу, да ещё и вещи пришлось оставить в залог. И всё потому, что все деньги, которые собрал ему Петр Иванович для обучения в гимназии и безбедной жизни в Воронеже, он проиграл в карты, проучась всего три месяца. Нет, решил для себя Егор, чем вынести такой позор, огорчить Петра Ивановича, вернувшись в Богоявленское побитой собакой, уж лучше пропасть вот здесь, на улице.

Так бы и случилось, но вдруг над ухом его прозвучал женский голос:

– Эй, гимназистик! Ты чего это тут расселся?

Над Егором стояла молодая веснушчатая женщина со смелым взглядом, в старом, затёртом пальто и таком же старом платке на голове.

– Околеешь, говорю! – сказала она. – Пойдём со мной! Пойдём, не бойся!

Егор был не в том положении, чтобы чего-то бояться, поэтому, с трудом поднявшись, послушно поплёлся за ней. Незнакомка привела его в крохотную комнатку на окраине Воронежа, которая располагалась в подвале, из окна которой были видны только ноги проходивших мимо людей. Посередине этой комнатки стоял деревянный, сбитый из досок стол без скатерти и две таких же табуретки, в углу кровать, рядом

с которой висела люлька, в ней тихо спал младенец, а под окном располагался сундук, покрытый лоскутной постилкой. Больше в комнате ничего не было.

Хозяйка напоила Егора водкой и уложила на кровать, молча подоткнув ему под голову тощую подушку и укрыв грязным, но теплым тулупом. Когда его разбудил детский плач, за окном вновь темнело. Егору стало понятно, что проспал он долго. А открыв глаза, он увидел перед собой молодого мужчину.

Соскочив с кровати, Егор захотел было что-то сказать, но не сумел подобрать слов и только выпучил на незнакомца свои тёмно-карие глаза.

– Ну здорово, гимназист! – сказал незнакомец, и его вежливый тон сразу успокоил Егора. – Садись с нами за стол, будем ужинать.

Егор был очень голоден, но от скудного ужина хозяев вежливо отказался.

– Садись-садись, будет стесняться, – настаивал хозяин.

И Егор с благодарностью согласился. За столом же он всё украдкой разглядывал хозяина, пытаясь распознать, кем может быть этот человек. И впервые задумался, нет ли в этом доме для него опасности. Но хозяин, несмотря на скудность своего быта, имел лёгкий нрав, много шутил и улыбался, и радушная хозяйка была ему под стать. Эта открытость, доброжелательность и кажущаяся семейная идиллия расположили к себе Егора, и уже совсем скоро все подозрения его

рассеялись.

– Как звать-то тебя, гимназист? – спросил наконец хозяин.

– Георгий! Боровский Георгий!

– Егор значит? А меня Игнатов Игорь, – представился хозяин и, глядя на супругу, добавил: – Это жена моя Тонька. А ты ешь и не робей, – видя скромность Егора, добавил он. – Сколько на улице-то промаялся, поди, ослаб совсем?

– Ты Егор не взыщи, – поддержала мужа веснушчатая Тонька. – Уж чем богаты.

– В народе, знаешь, как говорят? – подмигнул ей Игнатов. – Хлеб на стол – и стол престол, а хлеба ни куска – и стол доска. Так что краюха-то, она иной раз дороже разносолов заморских будет.

Егору вдруг стало так спокойно и уютно в этой крохотной комнатке с этими добрыми и ещё несколько часов назад совершенно незнакомыми ему людьми. И Егор подумал: «Вот ведь как бывает. Эти люди так скромны и бедны, а не бросили меня один на один с моей бедой, приютили, обогрели, пригласили откусать с собой незатейливого своего ужина. А те богачи у купеческого собрания, стало быть, пожадничали, побрезговали мной. Верно говорят, сытый голодного не разумеет».

– Ты, браток, никак в карты проигрался? – спросил Егора Игнатов.

– Как вы узнали? – удивился Егор, стыдливо опустив гла-

за.

– Известное дело. Ты вот впервые на улице оказался, а мне не один раз доводилось ночевать по подворотням. Там я много людей повидал, и таких вот, как ты – случайных, и совсем пропащих.

В этот вечер Игорь много поведал Егору о бедняках из подворотен, о попадании их в эту бездну и невозможности выбраться на свет. Егор с замиранием сердца слушал эти истории про жизнь. Жизнь, о существовании которой он и не подозревал. И после всего услышанного Егору было как-то неловко и даже стыдно перед Игорем рассказывать о себе и своей жизни, размеренной, сытой и благополучной. И самое главное о том, что для такой жизни ни ему, ни его сёстрам и брату, ни даже его дядьке не нужно было прикладывать ни малейших усилий. Что на них всегда кто-то работал и почти ничего за эту работу не получал. Благополучие по праву рождения – не самое справедливое положение вещей. И понимая всё это, Егор постарался придать своему повествованию как можно больше мрачности:

– Отец мой погиб в японскую, а мать в тот же год бросила, умчавшись за новой любовью. Я их практически не помню.

Но врать Егор не умел, а выглядеть перед Игнатовым нелепо ему не хотелось. Поэтому он тут же признался.

– А в общем детство моё прошло вполне счастливо. И в Москве, в доме деда, городского чиновника, и в Богоявленском на воспитании у дядьки, князя Петра Ивановича Сеня-

вина. И до вчерашнего дня о настоящих бедах и невзгодах я, в сущности, ничего не знал.

Игнатов благосклонно похлопал его по плечу и на прощание сказал:

– Ты, браток, поезжай к дядьке и покайся! Он тебя простит, будь спокоен.

– Я к вам ещё вернусь, – ответил Егор. – И непременно отблагодарю за доброту.

– Да ты что?! – разозлился на эти слова Игнатов. – Неужто ты решил, что я от попавшего в беду человека плату возьму?

– Нет-нет, вы неверно поняли меня, Игорь!

– Тогда и нечего об этом говорить! И запомни: за доброту не платят! Доброта от сердца идёт. Добротой делятся. А теперь ступай и никогда больше сюда не возвращайся!

– Но почему? – удивился Егор.

– Это может быть для тебя опасно.

– Почему? – с недоумением снова спросил Егор.

– Ты знаешь, что такое РСДРП?

Что такое Российская социал-демократическая рабочая партия, в сокращении РСДРП, Егор представлял себе очень смутно. Он был далёк от всех оппозиционных идей, марксизма, социализма, и о революционном подполье, активистом которого являлся Игнатов Игорь, слыхом не слыхивал.

«Но, если Игорь, этот добрый, равнодушный к чужим бедам человек, состоит в этой самой РСДРП, значит, деятельность её так же благородна. Значит, она несёт в себе те

же принципы человеколюбия, борьбы за справедливость, защиты обездоленных».

Именно такие выводы сделал для себя в этот вечер Егор. И именно в этот вечер он заразился этим светлым вирусом добродетели, защиты идеалов свободы, равенства и братства. И твердо решил для себя вернуться в дом Игнатова.

Глава 44

– Одумайся, сынок! – причитала Алевтина Попова. – На кого ты нас, стариков, оставляешь?!

– Ничего, мать, – обнял жену Тишка. – Нехай катится! Могётъ, Архип, дурака этого крестный, в городе мозги-то ему вправит. А то ишь чего удумал, на молодую барыню, кобелина, позарился.

На кухне в доме Поповых было чисто, нарядно, дымила печная труба, на плите готовилась пища. Хозяйка Алевтина собирала ужин, ставя на стол чугунок с кашей, миски, деревянные ложки. И ничего не предвещало беды, пока Васька не вспомнил по неосторожности о Ксюше, чем невероятно разозлил отца. Но Васька повзрослел, и слово родителя стало для него не указ. Ударив кулаком по столу, да так, что на полках с домашней утварью зашатались кубышки и крынки, он громко заявил, что отныне его жизнь принадлежит только ему и отчитываться о ней ни перед кем не намерен, даже перед отцом.

Так Васька бросил в мешок только чистую рубаху да краюху хлеба и, выходя из дома, остановившись в сенцах, где на лавке стояли ведра с водой, а над ними висело коромысло, где хранила мать сбор лечебных трав, где так сладко пахло домом, небрежно бросил отцу:

– А ты, батя, всю жизнь думаешь на упыря этого батра-

чить?

– Он кормилец наш, – ответил Тишка.

– Ну-ну.

Васька хлопнул дверью и уверенной походкой направился к своему крестному отцу Архипу в Воронеж. В эту минуту он был уверен, что никогда больше не вернётся ни в этот дом, ни в это село, в котором с замужеством Ксюши его больше ничего не держало. А проходя мимо княжеской усадьбы, он увидел Арсения и крикнул ему:

– Эй, Сенька! Всё барский порог обиваешь?

– Васька! – обрадовался другу Арсений. – А ты никак уходишь куда?

– Ухожу! В Воронеж! И ты давай со мной!

– Я? – удивился Арсений. – А зачем?

– За лучшей долей! – смело ответил Васька. – Хотя тебе на твою долю грех жаловаться.

– Я бы пошёл, да батя разве пустит, – пробормотал в ответ Арсений.

– Так и будешь всю жизнь на батю свою озираться? – закурил Васька самокрутку. И, немного помолчав, с язвительной усмешкой добавил: – Э, нет, друг. Не батю ты боишься! От Веринога порога уйти ты боишься. Ну и дурак! Ни в жизнь она тебе не достанется. А почему – сам докумекать должен. А коли не могёшь, так я тебе скажу. Там уже давно Митька потоптался, покуда ты под окнами вздыхаешь.

– Неправда это! – воскликнул Сенька.

Он слышал много сплетен о любви княжны Веры к Митьке и понимал, что дыма без огня не бывает. Разве станут люди просто так болтать? Но страстно влюбленный, он по-прежнему отказывался сплетням этим верить. Особенно теперь, когда его друг и соперник уже второй год служил в армии. Когда у него появилась надежда, что если слухи о Вериней любви и небезосновательны, то по прошествии времени она забыла о Митьке и у него появился шанс завоевать Верино сердце. Но он ошибался, не зная, что Вера по-прежнему ждёт своего возлюбленного и её мучительная любовь не становится меньше.

А Васька только отмахнулся в ответ и пошёл дальше, проваливаясь в глубоких сугробах и ничуть не сожалея о том, что Сенька не пошёл с ним. Настолько теперь он был равнодушен к своей прежней жизни.

У Арсения же, в отличие от Васьки, было доброе сердце, и ему стало нестерпимо жаль, что вслед за Митькой ушёл из Богоявленского и он. Что не стало рядом друзей его детства, с которыми до конца жизни ему хотелось идти вместе одной дорогой. В этот день он узнал, как уходит детство, понял, что и ему пора взрослеть.

Обо всех этих мыслях он и поведал Вере. Но той было всё равно. Она не слушала Арсения и терпела его присутствие только потому, что надеялась услышать хоть какое-нибудь известие о Митьке. Но Арсению, как и ей, он тоже ничего не писал.

– Вер, а Вер, – набравшись храбрости, заговорил однажды Арсений. – Давай поженимся! Люба ты мне! Дюже любя! Я тебя всю жизнь, как зеница око, беречь буду! Ветерку пахнуть не дам! В Петербург жить уедем, батиного капитала нам до старости хватит.

– Ступай домой, Арсений! – устало ответила Вера. – Не люблю я тебя!

Узнав об ухаживаниях Арсения, Ольга Андреевна сказала мужу:

– Нет-нет, это не может быть! А впрочем... Капитал Митрофана Спиридоновича всё растёт и растёт! Свои заводы ставит, роскошный особняк в Воронеже построил. А Верочке нашей уже двадцать лет. Боюсь, как бы при такой красоте одна не осталась.

– Меня сейчас больше Егор беспокоит, – озабоченно ответил Петр Иванович.

Поводов для беспокойства у него было предостаточно. Егор за полгода жизни в Воронеже страшно отдалился от семьи. Писем не писал, в гости не приезжал. Едва переступив порог дома Игнатова, Егору тут же захотелось вернуться. Он много думал о беде, произошедшей с ним, и как по-новому она заставила его посмотреть на жизнь человека в целом. И хоть на улице Егор провёл всего один вечер, а о жизни рабочего класса услышал только из уст Игнатова, обида от творившегося социального неравенства и желание борьбы за справедливость охватили его с головой. Ему захотелось

заговорить громко, так, чтобы весь свет услышал: «Оглянитесь! Посмотрите, что происходит вокруг вас! Богачи только и знают, что пить дорогие вина, жрать осетрину и икру, а работающий на них народ голодает, замерзает на улицах, и никому нет никакого дела до этих несчастных! А вместо помощи бедным, калекам, потерявшим на фронтах японской войны ноги и руки, эти мерзавцы миллионы проигрывают в карты, выбрасывают на развлечения и продажных женщин. Они ещё хорошо помнят, как закладывали крестьян, живых людей, и сокрушаются, что время это прошло! О чём их мысли? Пустота и в головах, и в душах. Куда же мы катимся? И кто, если не мы сами, положит всему этому конец?»

Игорь же казался Егору человеком необыкновенно честным, сильным, смелым, искренним и, главное, справедливым. Вся его жизнь была посвящена борьбе за великую идею равенства и справедливости. Он не боялся потерять жизнь, лишь бы прожита она была не зря. Он настоящий борец, и никто не мог сравниться с ним: ни дядька – благородный князь Петр Иванович Сенявин, ни старший брат Андрей – и даже Алексей Валерьевич, новый герой их семьи, в глазах Егора был совершенно другим, всего лишь служакой, цепным псом на страже монарха и буржуйских капиталов.

И Егор вдруг отчетливо понял, как и для чего нужно жить. А самое главное – он поверил, что таким людям, как Игнатов, по силам изменить текущий ход жизни. Теперь он сам был готов умереть за высокие идеалы человеколюбия, брат-

ства народов и межклассового равенства. И в самом деле, разве не прекрасна смерть в огне идейной борьбы? Сама эта мысль казалась Егору героической, ведь не все готовы прийти даже к такого рода суждениям, не то что воплотить их в жизнь. А он смог. Он даже видел себя на краю эшафота со связанными за спиной руками и пламенной речью на устах. Видел, как зажжёт эта искра его самопожертвования костёр священной борьбы, как разольётся слава о нём по всей Руси, как с именем его на устах пойдут в бой те, кого разбудит и вдохновит его подвиг. И так Егор размечтался, и так горд он был собой в этих мечтах, что за каких-то пару месяцев с того знакового для себя ноябрьского дня сознание его совершенно переменялось. И вот он вновь уже полный решимости, со стойкими убеждениями оказался на пороге дома Игнатова.

Игорь с радостью принял его, но ещё долго отговаривал от столь опасного для юноши занятия, как работа в преследуемом законом подполье:

– Деятельность наша не так романтична, как может показаться на первый взгляд, – объяснял он. – Организовывать подпольные ячейки часто опасно для жизни. Жандармы с нами не церемонятся. Нам не раз приходилось хоронить своих товарищей, и кто знает, сколько ещё придётся и не станем ли следующими мы. Кто-то погибает в перестрелках, кто-то на каторге, кто-то при попытке бегства с этапа. И всё это ради призрачной надежды исполнения нашей мечты. Ты должен понимать, что власть царизма ещё так сильна, что ско-

рее всего нам не дожить до свержения буржуазного строя, но наши потомки обязательно завершат начатое нами дело, если мы будем тверды в своей борьбе.

Но Егор был непреклонен:

– Я готов на всё! – говорил он. – Я способен выполнить любое задание! И коли понадобится, я без сожаления отдам свою жизнь в нашей борьбе!

– Ну что ты? Даже не держи эти мысли в голове! – заботливо сказал Игорь. – Разве мы разбойники, чтобы лихостью такой жить? Нас покуда слишком мало, чтобы жизни свои не беречь. Сейчас главная задача партии – донести наши идеи до людей, заставить их поверить нам, поверить в себя. Заставить не бояться. Для этого необходимо агитировать в разных городах, уездах и волостях за большевиков, устраивать митинги, стачки.

– Я готов! – не колеблясь, ответил Егор.

Чем больше Егор узнавал Игнатова Игоря Николаевича, тем сильнее восхищался им, внебрачным сыном прачки, двадцати трёх лет от роду, появившимся на свет в рабочем районе Иркутска.

Игорь с самого детства имел неукротимый характер, смелость и поразительную тягу к справедливости. Он рос крепким, здоровым и любознательным мальчишкой, отличался незаурядными способностями к артистизму, чтению, счету и письму. А его дар к убеждению и организаторским способностям поражали даже выдавших виды беглых политических ссыль-

ных, часто прятавшихся в рабочих бараках, где он жил с матерью. От них Игорь впервые узнал о марксизме и социализме, под их влиянием вступил в революционный кружок, где познакомился с печатными работами Георгия Плеханова и мало кому тогда ещё известного Лейбы Бронштейна, не так давно отбывающего здесь ссылку, оказавшими на него решающее влияние. За три года, проведённых в революционном кружке, Игорь, не переставая, занимался самообразованием. Невзирая на всю грязь и пьяных рабочих барака, где жил, тяги к спиртному не возымел, а пристрастился к спорту. В любую погоду обливался по утрам холодной водой, подтягивался на турнике и отжимался на кулаках, а главное – не утратил весёлого нрава и врождённого чувства справедливости, за которым восемнадцатилетним юношей уехал в Петербург. Да только по молодости и глупости неосторожно высказался в кабаке и был арестован.

Но и в тюрьме, где ему довелось сидеть, Игорь не изменял себе: продолжал заниматься самообразованием, организовал в своей камере социал-демократическую дружину по борьбе с крысами и произволом надзирателей. А ещё здесь при Красном кресте существовал негласный институт «тюремных невест»: сочувствующие обездоленным девушки распределяли между собой заключённых, которых никто не посещал в тюрьме, и, объявив себя их невестами, носили передачи, ходили на свидания. Шефство над Игорем взяла чиновничья дочь, веснушчатая Тонька. Игоря до глубины

души поразила её самоотверженная преданность гуманистическим идеалам, смелый взгляд и такая трогательная девичья забота, что на одном из свиданий он вдруг взял и прямо на глазах у надзирателей поцеловал Тоньку, будто и вправду был её женихом. И у Тоньки, которую до этого целовал разве что отец в детстве, захолонуло сердце.

С этого момента Игоря было кому ждать на воле. И через несколько месяцев, освободившись по амнистии, он объявился у Тоньки. Однако родители девушки воспротивились такому союзу, но влюбленная и решительная Тонька выбрала Игоря. И молодые были вынуждены уехать в Воронеж, где Игнатова уже с радостью ждали товарищи по идейным соображениям, дружбу с которыми он успел свести, отбывая срок.

Присоединившись к группе воронежских коммунистов, Игнатов моментально сделался одним из самых видных её деятелей. Особой убедительностью отличались не только пламенные и искренние речи Игоря, но и вся его наружность. Высокий, подтянутый, с выдающимся орлиным профилем и необыкновенно умными и вдумчивыми зелеными глазами, он блистал на всех подпольных трибунах. Как Давид Микеланджело, он был статен, словно из мрамора выточен, так же устремлен был вдаль победоносный его взгляд.

– Коммунизм станет новой эпохой в истории человечества, эпохой полного контроля человека над социальным миром! В итоге утвердится ассоциация свободных тружеников

во всём мире!

Такие пламенные речи Игоря слушали с придыханием все товарищи по революционному подполью и особенно Егор. Теперь он не пропускал ни одного подпольного партийного собрания, и пыльные подвалы, заброшенные квартиры, холодные чердаки стали для Егора прекраснее дорогих залов богатых усадеб. И Игорь, полюбивший его как родного брата, как верного сподвижника своих идей с радостью взял мальчика на поруки. Поэтому когда Егор задумал бросить гимназию, чтобы всё своё время посвящать только революционному подполью и не выделяться из общей массы не имевших возможности учиться товарищей, строго ему сказал:

– Не вздумай! Образованные люди нашей партии будут ох, как нужны. Вот возьмём, к примеру, хоть меня. Как бы я хотел выучиться, но возможности этой лишён, потому имею за плечами только церковно-приходскую школу. Вот и все мои университеты. И хоть жажды к знаниям и любви к книгам у меня никто не отнимет, этого всё равно недостаточно, чтобы принести нашей партии большую пользу. А ты сможешь поделиться своим образованием с бедными детьми или рабочими. Для этого мы и существуем, ради этого и живём.

– Но почему тогда сам ты в гимназии не учился? – спросил Егор.

– Доклад «О сокращении гимназического образования» не дал, – ответил Игорь. – Слышал о таком?

– Нет.

– Это знаменитый «Циркуляр о кухаркиных детях», изданный летом 1887 года. Он гласит о вводе денежного ценза на образование. А знаешь, о чём в нём говорится?

– О чём же?

– А в нём, Егор, говорится, что гимназии должны освободиться от детей кучеров, лакеев, поваров, прачек и тому подобных людей, детям коих вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию.

– Но это же ужасно несправедливо! – возмутился Егор и от переизбытка нахлынувших эмоций поскользнулся на заледеневшей дороге.

– Несправедливо, – подхватил Игорь под руку своего юного товарища.

– Это действительность, Егор, в которой мы живём, вообще имеет мало справедливости. Вот ты был когда-нибудь в Сибири?

– Нет.

– А я однажды заблудился в тайге. И так мне стало страшно, что я совершенно потерял ориентацию, потом силы стали оставлять меня, и ноги подкашиваться. Я пошёл неверной тропой и провалился в болото. И кричи не кричи – никто тебя не услышит и не вытащит. Вся жизнь, Егор, кажется мне иной раз такой вот тайгой. Сплошной тайгой и болотом.

– Но мы же всё это изменим? – спросил Егор, с надеждой заглядывая Игорю в глаза.

– Конечно, изменим! – решительно ответил Игорь. – А

теперь пойдём к одному нашему товарищу. Он очень хороший человек и преданный идеям партии соратник. Я давно хочу тебя с ним познакомиться.

Подойдя к занесенному снегом маленькому домику, они увидели стоящего на его пороге молодого человека, обивающего с валенок снег. Присмотревшись к нему, Егор воскликнул:

– Да это же наш богоявленский! Васька!

Тут же на порог вышел хозяин дома – небольшого роста, чернявый мужичок. Им оказался Васькин крёстный Архип.

– Что за радость! – сказал он. – Ну и вправду, что за день? Али праздник какой сегодня?!

И приглашая гостей в дом, Архип сказал крестнику:

– Ну-ка. Васька, пойді поручайся с товарищем!

Войдя в дом и сняв шапку, Васька замер от удивления и, встав как вкопанный, только и воскликнул:

– Марк Вацлавич?!

После побега из Богоявленского Марк Вацлавич Садилек несколько лет скрывался от правосудия на Украине, пока в центральном аппарате ему не разрешили вернуться в Воронеж. И вот он приехал в город своей юности, разыскал Архипа и получил задание из центра.

Ваське показалось, что Марк Вацлавич рад встречи с ним. Во всяком случае он с участием расспросил его о жизни, об отце и Богоявленском. И не переставая восхищался:

– Ах, Вася, каким ты стал, подумать только! Да и не Вася

ты уже, а право, целый Василий Тихонович! Честное слово, увидев тебя на улице – не признал бы! Как ты повзрослел!

Ваське льстили комплименты Садилека. Он всегда относился к нему с уважением и почтением, вспоминал, как читал ему Марк Вацлавич книги, учил счёту. Васька сильно скучал по нему во время долгой разлуки. Но его совсем не насторожило, что за весь вечер тот ни разу не спросил о Маше и Митьке, будто их и вовсе не было в его жизни.

А вот появление в своих рядах Егора ни Марк Вацлавич, ни Архип не одобрили. Кто знает, что на уме у этого барчонка? Всё-таки он воспитанник Петра Ивановича Сенявина, а значит, доводится им классовым врагом. Но Игорь твердо заявил об идеологической зрелости Егора, даже невзирая на юный возраст, и с уверенностью заявил, что отвечает за него своей головой.

– Что же? Раз так, то приступим к собранию, – сказал Марк Вацлавич. – Сегодня из центра мною получено задание собрать и подчинить одной организации все революционные кружки, социал-демократические дружины, подпольные ячейки Воронежа и Воронежской губернии. Нам предстоит большая работа, товарищи, и потому приступить к её выполнению требуется немедленно.

Так, в эту ночь был организован актив из воронежских подпольщиков во главе с Марком Вацлавичем Садилеком, Архипом Архиповичем Гуляевым, Игорем Николаевичем Игнатовым и присоединившимися к ним Васькой и Егором.

Глава 45

В церкви Иоанна Богослова собралось так много людей, что становилось тяжело дышать. А на улице пахло праздником и весной. И вот с громким пением стихир праздника начался крестный ход. Возглавлял шествие князь Петр Иванович Сенявин с княгиней Ольгой Андреевной и старшей дочерью княжной Верой. Следом за ним шёл Митрофан Спиридонович Мищенко с семейством.

Эти две семьи, всегда привлекавшие к себе повышенное внимание односельчан, не оставались незамеченными и во время пасхального богослужения. Богоявленцы шёпотом обсуждали красавицу Веру, как предельно серьезно молилась она на этой утрени, старшую дочь Митрофана Спиридоновича Глашу, только-только ставшую появляться на людях после скандала с графом Платовым, но всё ещё грустную и нелюдимую, и юную Злату, его любимую дочь – веселую и несерьезную даже в церкви.

Но все их сердца, как и всякое русское православное сердце, наполнились особой благодатью, когда после молчания колоколов во время страстных дней в это пасхальное утро зазвонил благовест. Тут же принялись освещать куличи, крашенные яйца, творожные пасхи с печатными буквами «ХВ». А затем христовались уже освященными яйцами, разбивая по очереди разные концы. Дети взялись устраивать покатуш-

ки, у кого яйцо дальше укатится. И празднично одетые юноши и девушки водили хороводы, устраивали игры, катались на качелях. И по-прежнему заводилой во всех этих играх была бесшабашная золотоволосая Злата.

А в усадьбе Сенявиных оставалось тихо и почти безжизненно. Дети Петра Ивановича и Ольги Андреевны выросли и, как летние пташки, разлетались из родительского дома. С самого детства обосновавшийся в Петербурге Андрей, когда-то часто радовавший родителей известиями о себе, после замужества Ксюши стал писать письма домой всё реже. Младшая же княжна, покинувшая родительское имение, забрала с собой и звонкий смех, и детские забавы, и радостный переполох, везде её сопровождавший. Вот настала очередь и Егора. И только старшая Вера по-прежнему оставалась с родителями, но, холодная и равнодушная к семье, она едва ли могла скрасить их старость.

Петр Иванович сидел в своём кабинете задумчивый и угрюмый. Наступивший праздник был ему не в радость. Он ждал известия от Егора, но тот ничего не писал. История с карточным долгом сильно расстроила князя Сенявина, и теперь он каждый день беспокоился, как бы Егор ни натворил по неопытности и наивности ещё каких-нибудь глупостей.

Рядом с Петром Ивановичем сидела Вера. Она зачитывала поздравительные открытки, присланные их семье от близких людей. Здесь была открытка от семьи Нейгон с изображенным православным храмом, с весенним половодьем от

Ксюши и Алексея Валерьевича, с христуящимися людьми от Андрея, и ещё множество открыток с изображенными на них цветами, куличами и русскими пейзажами из соседних уездов и друзей по дворянскому собранию.

Петр Иванович взял в руки только открытку от сына и с надеждой в голосе спросил у Веры:

– От Егора ничего?

– Быть может, ещё не дошла, – попыталась она успокоить отца.

Но Петр Иванович понимал: Егор её попросту не отправлял. Князь Сенявин не делал разницы между своим племянником и родными детьми, поэтому отцовское сердце его болело сейчас за Егора особенно сильно, а Егор отдалялся от семьи, и, чем это было вызвано, Петр Иванович не понимал. Он только чувствовал что-то недоброе, но ничего изменить не мог.

Егор же, воодушевленный своей подпольной деятельностью, шёл в этот день по улице Воронежа, совсем не думая о переживаниях семьи. Он пребывал в особо приподнятом настроении. Его мысли, как пришедшая весна, маленькими бабочками порхали в голове. И все они были о новой, справедливой жизни, которую он строил со своими товарищами. Он шёл к Архипу, где его с нетерпением ждали новые друзья.

– Итак, товарищи, у нас появилось новое задание из центра, – радостно сообщил Марк Вацлавич. – Нам необходимо создать специальную законспирированную организацию, ко-

торая будет заниматься устройством побегов политических узников из городской тюрьмы, а также при этапировании их в ссылку.

При этой новости Егор неимоверно воодушевился. Вот оно настоящее благородное дело! Помогать несчастным узникам вырваться из хищных лап царизма. Но из-за молодости лет Марк Вацлавич не доверил ни ему, ни Ваське никакого поста. Лидером их актива по старшинству и накопленному опыту работы в подполье он назначил себя, председателем «Бюро побегов» Архипа, а начальником боевой дружины Игоря. С Игорем он, несомненно, не прогадал. Тот моментально включился в дело со всеми присущими ему энергией и талантом. Он быстро сумел найти людей, у которых можно нелегально закупить оружие, и вскоре назначил встречу для этих целей. На совете актива решили отправить на переговоры одного Игоря, но Егор, так сильно рвавшийся на какое-нибудь дело, напросился с ним.

Встреча состоялась в заброшенном вагоне в депо железнодорожного воронежского вокзала. Разговор вёл Игорь, а Егор остался у входа в вагон для наблюдения за улицей. Но из любопытства он постоянно поднимался в вагон, чтобы подсмотреть в приоткрытую дверь за ходом переговоров. На встречу к Игорю пришли двое мужчин каторжного вида. Егор не сомневался: это были уголовники со стажем. Игорь был явно моложе их, но он не пасовал. Говорил уверенно и смело, голос его звучал убедительно и даже как-то чарующе.

Егор восхищался своим другом. Он пытался быть похожим на него, копируя жесты, походку и интонации голоса. И заворожённый своим наблюдением, Егор вовсе забыл, для чего был поставлен, как выразился Игорь, на «шухер».

Так, когда Егор услышал стук приближающихся шагов от тяжелых полицейских сапог, было уже поздно. Он только успел спрыгнуть с подножки вагона и громко крикнуть:

– Шухер! Фараоны!

Затем Егор принялся бежать, но споткнулся в темноте и был схвачен двумя полицейскими. Он уже приготовился к смерти и своей пламенной прощальной речи. Егору отчего-то казалось, что расстрелять его жандармы должны непременно на этом самом месте. Но планы его оказались нарушены прозвучавшими выстрелами. И он, и жандармы обернулись на эти звуки и увидели на крыше вагона Игоря, стреляющего в воздух.

– Эй, ваше благородие! А я-то вот он! – смеясь, крикнул Игорь полицейским.

– Держи его! – крикнули полицейские в ответ.

Воспользовавшись ситуацией, Егор сумел вырваться из рук жандармов и бросился бежать что было сил. Он только и услышал вслед:

– А чёрт с ним! Держи вон того!

Егор сам не понимал, откуда у него взялось столько сил, словно второе дыхание открылось, так быстро и долго он бежал. Он мчался сквозь дворы, тайными тропами, пытаясь за-

путать жандармов. Даже запершись в своей комнате, он всю ночь прислушивался к шагам на лестнице, к каждому шороху за дверью. Но его никто не преследовал.

До самого утра его мысли были заняты Игорем. Успел ли он убежать от жандармов?

Егор ещё не знал, что Игорь и не пытался бежать. Он пожертвовал своей свободой, дав шанс скрыться ему. Оттого-то у Егора так щемило сердце. Плохие предчувствия подсказывали правду. И подойдя поутру к дому Игоря, Егор почувствовал необъяснимое волнение. С ускоренной частотой забилось сердце. Войдя в комнату, он увидел опечаленную Тоньку, безвольно повесившую голову над детской люлькой, а за столом не менее печальных Ваську и Архипа с Марком Вацлавичем. Они и рассказали Егору об аресте Игоря.

– Я не понимаю, как там оказались жандармы? – спрашивала Тонька. – Ведь кроме нас о встрече никто не знал.

– Скорее всего это случайность, – размышлял Марк Вацлавич. – Попались по глупости.

Но Егор был согласен с Тонькой: слишком целенаправленно искали жандармы, чтобы всё это оказалось случайностью. Но спросил он только об одном:

– И что теперь с ним станет?

– Оснований для жандармов, к сожалению, предостаточно, – ответил Марк Вацлавич. – Это и противоправительственные речи, и связь с преступным, по их мнению, подпольем. И взяли его с поличным.

– Игорю грозит каторга, если не хуже, – добавил Архип.
– Да ещё притом, что однажды он уже был судим.

– А он тепереча нас не сдаст? – неожиданно спросил озадаченный Васька.

– Да как ты смеешь говорить такое?! – вступился за Игоря Егор. – Он знаешь какой? Он не то, что другие! Он погибнет, а друзей не выдаст!

– Тише, тише! – остановил Егора Марк Вацлавич. – Сейчас не время для ссор. А как следователи умеют признания выбивать – это известная история. Но мы поможем Игорю, и товарищи нас поддержат. Через пару месяцев мы организуем ему побег. Вытащить Игоря из тюрьмы до суда будет проблематично, а вот выдернуть с этапа значительно легче.

– Но как? – вкрадчиво заглянул в глаза Садилеку Егор.

– Ничего, кого надо подкупим, – ответил Архип. – К тому же не забывай, наши товарищи есть и среди конвоиров.

– Господи, но куда же ему бежать? – вытерла слезы Тонька.

– Россия большая! – постучал пальцами по столу Марк Вацлавич и добавил: – Но вы не хуже меня знаете, где ему скрыться.

– В Богоявленском? – догадался Васька.

– А что? Это идея! – согласился Архип. – Мы спрячем Игоря под носом у жандармов. Он спокойно переждёт в Богоявленском, покуда мы не справим ему новые документы. К счастью, последние месяцы он так же жил по поддельным,

поэтому найти его станет затруднительно.

– Мне там появляться нельзя, – сказал Марк Вацлавич и, обратившись к Ваське с Егором, добавил: – Но вы, а главным образом, ты, Егор, сможете помочь. Пойми, Василий может попасть под подозрение, но ты – нет.

Егора страшно мучила совесть. В аресте Игоря он винил себя. Ведь, в сущности, если бы он не зазевался на «шухере», им удалось бы скрыться. И пострадал Игорь, защищая его, отвлёк внимание жандармов на себя, чтобы не задержали Егора.

– Я согласен! – твердо заявил Егор. – Я всё сделаю, можете не беспокоиться!

Глава 46

– Ты знаешь, Андрей, в каждом письме папа пишет, как сильно волнуется за Егора.

– Право, это вздор! Я считаю, что поводов для волнения нет.

Ксюша и Андрей шли вдоль Екатерининского канала. Было воскресенье, и они направлялись с визитом к Михаэлю и Марте Нейгон. Ксюша и Андрей любили этот дом: гостеприимный, открытый, где проводились кавалькады, маскарады, а после воскресного обеда они все вместе пили кофе в большой гостиной.

За год жизни в Петербурге Ксюша стала весьма популярна в столичном обществе. За ней, юной, очаровательной все ухаживали, на неё даже собирали званые вечера в доме Нейгон. И всей этой богемной жизнью Ксюша была заморожена, ведь даже первый её бал случился не в Воронежском дворянском собрании, как у старшей сестры Веры, а в блестящем Петербурге. И весь этот свет, мишура, карнавальные маски, ананасы в шампанском сильнее самого крепкого вина кружили ей голову. Прежняя наивная, восторженная девушка теперь едва ли узнавалась в Ксюше.

А Алексей Валерьевич будто и не замечал этих перемен в своей юной супруге. Они его не настораживали. Потому он с гордостью и восхищением наблюдал за ней со стороны,

продолжая пополнять гардероб любимой, шкатулки с драгоценностями, менять экипажи и обрастать долгами. И уверенный в порядочности и нравственной чистоте своей Ксеньюшки, запросто отпускал её на балы и званые вечера в сопровождении Марты Нейгон или брата Андрея. Так было и сейчас.

Во время обеда, за которым собралась вся семья Нейгон и Ксюша с Андреем, она, уже считавшая себя опытной светской дамой, с некоторой ностальгией наблюдала за Натали. Вот ещё совсем недавно и за ней так же неотступно следовала надоевшая гувернантка, которая строго следила за правильными манерами своей воспитанницы. Чтобы между переменами блюд клала она кончики пальцев на край стола и сидела очень прямо, а если кто-то из детей забывал, то им немедленно напоминали об этом: «Ксения, держите спину» или «Андрей, снимите локти со стола», и стулья в их доме были такими же высокими и неудобными. И так же, как Натали сейчас, они не имели права принимать участие в беседе, им разрешалось только ответить на заданные вопросы.

А вот такие благородные юноши, как Андрей, за одним столом с Ксюшей оказывались редко, а если и оказывались, то не сводили глаз с красавицы Веры. А Ксюше так хотелось, чтобы с неё. Поэтому она заметила, с каким любопытством поглядывает Натали на Андрея, повзрослевшего и возмужавшего. Как трогательна она была в эти секунды и обворожительна. И Ксюша вдруг почувствовала, что над их судь-

бами формируется какая-то скучная, приторная определённая, и про себя подумала: «Да, верно это очень скучно, когда судьба предрешена едва ли не с самого рождения. И когда в ней не остается места для этого чуда случайной, судьбоносной встречи».

Но Андрей ничего этого не замечал, все его мысли сейчас были сосредоточены исключительно на выпускных экзаменах своего Павловского военного училища. Ведь к 1914 году четверть состава наличных офицеров Генерального штаба состояла из бывших «павловцев». И Андрей, абсолютный отличник по тактике, военной истории, артиллерии, военной топографии, законоведению, военной администрации, закону Божиему, механике, химии, русскому, французскому, немецкому языкам, уже видел себя в составе Генерального штаба. Но уже совсем скоро случится событие, которое едва ли не поставит крест не только на всей военной карьере молодого князя Сенявина, но и на всей его жизни.

Событию этому суждено было произойти жарким летним днём, когда учащиеся последнего курса Павловского военного училища выехали в лагерь в Красное село.

Мальчишки-юнкера после занятий почти всё свободное время проводили за игрой в карты. Покер, бридж, споры о лучших полководцах, песни под гитару, рассказы о тонких пальчиках и румянце молоденьких барышень.

– Мадера, господа! – прокричал, как вихрь, ворвавшийся в казарму юнкер Исаев.

– Тише, Исаев! Вы нас всех погубите! И где вы только её достаете? – отозвались юнкера.

– Исаев может всё! – ответил молодой прохвост без ложной скромности.

– Разве что отвечать за свои слова ещё не в состоянии, – ответил ему Андрей, державшийся несколько поодаль от своих товарищей и наигрывающий на гитаре старинный романс.

– Князь? Договаривайте же до конца! – вспыхнул Исаев.

Между двумя этими юнкерами все два года учебы существовала неприязнь. Андрею не нравилась наглость и постоянная задиристость Исаева, того же в свою очередь злила родовитость и успехи в учёбе молодого князя. От этого каждое замечание в адрес друг друга непременно вызывало в юнкерах вспышку негодования.

– Вы проигрались третьего дня, Исаев. На кону стояла песня, – ответил Андрей.

– И в самом деле, Исаев! Сенявин прав! – отозвались другие юнкера.

– Хорошо-хорошо, господа! Я и не думал отказываться, – усмехнулся юнкер Исаев. – Песня, и приступим к мадере, – добавил он. – Князь, специально для вас. Гимн!

Исаев встал на стул, чтобы быть как можно выше. С прищуром и наглой ухмылкой взглянул на Андрея и, хорошо зная его родовую, фанатичную преданность царю, запел:

Боже, Царя возьми,

Нам он не нужен,

В лоб он контужен японцами.

От такой неслыханной дерзости, грозившей арестом, замерли, раскрыв рты, все юнкера. Вечерами в казарме они часто спорили о Русско-японской войне. Исаев всегда злобно высмеивал её неудачные итоги, но это уже переходило все мыслимые границы. И услышав этот «гимн», кто-то из мальчишек лихорадочно перекрестился, кто-то бросился к дверям проверить, не услышал ли кто-нибудь его случайно. Но только Андрей, худощавый и невысокий, бросился на Исаева, как леопард на добычу.

– Остановитесь, господа! – кинулись разнимать их товарищи.

– Вы сумасшедший, князь! – засмеялся Исаев, обнажив окровавленные зубы.

– Я вызываю вас! – бросил в ответ Андрей.

И как ни пытались убедить их товарищи в опасности этой затеи, было решено стреляться.

– Чёрт возьми, что за варварство? Что за прошлый век эта дуэль? И откуда только этот дьявол Исаев достал пистолеты? – говорили одни «павловцы».

– Как? Господа, вы не слышали разве? – отвечали им другие. – Ходят упорные слухи, будто старший брат Исаева состоит в боевом отряде РСДРП, а у них оружия побольше, нежели у всего нашего полка.

– Не может быть?

– Глупости!

– Клевета!

Но как бы там ни было, а оружие было готово, дата назначена, и секунданты выбраны. И схватка бы состоялась, если бы не чей-то малодушный донос. Так известие о готовящейся дуэли дошло до начальника училища генерал-майора Ивана Ивановича Вальберга.

Все зачинщики были взяты под стражу. Но что с ними делать, никто не знал. Придать событие огласке было смерти подобно. По Петербургу и без того поползли слухи о скандале в одном из главных военных училищ страны, а дойди они до императора – не сносить тогда головы и самому генерал-майору, но и не отреагировать вовсе также являлось невозможным. Не один день руководители училища, держась за сердце, пили капли, пока на пороге кабинета начальника училища не появился Михаэль Нейгон.

Вальберг и Нейгон говорили во всех смыслах на одном языке. Давний приятель Ивана Ивановича Михаэль Федорович всегда относился к нему с симпатией и желал только добра, но ещё больше добра он желал Андрею.

Так, за один час дуэль превратилась в драку, из четырехсот юнкеров выявлено шесть свидетелей и четыре участника. И невзирая на то, что стараниями полковника Нейгона участь всех десятерых заметно скрасилась, чудес при выпуске курса ждать не приходилось.

С тоской смотрели они на своих товарищей, получивших

при выпуске 1-й разряд, которые имели в среднем не менее восьми баллов и в знании строевой службы не менее десяти. Они выпускались в части армейской пехоты подпоручиками с одним годом старшинства, а лучшие из них прикомандировывались к гвардии. И Андрей, являвшийся одним из лучших учеников, в один миг потерял гвардию, потерял 1-й разряд, потерял звание подпоручика.

Шесть свидетелей произошедшего инцидента были понижены до 2-го разряда. Они выпустились из училища без старшинства в самые отдаленные полки. Так, друзья Андрея, молодые выпускники-павловцы были прикомандированы в 1-й Туркестанский стрелковый батальон, Уральский казачий полк, 1-й Оренбургский казачий полк, 42-й Сибирский стрелковый полк, 34-й Енисейский пехотный полк, Забайкальское казачье войско.

Участь же самого Андрея оставалась туманной. Покидать стены училища ему было строжайше запрещено. Ему оставалось только молиться.

Позже Андрей узнал, что два секунданта получили 3-й разряд – не удовлетворявший условиям 2-го разряда, перевелись унтер-офицерами в 24-й Симбирский пехотный полк и 1-й Кавказский горный артиллерийский дивизион.

Самым страшным для Андрея являлось быть признанным негодным к военной службе. Именно с такой формулировкой выпустился зачинщик этого скандала Исаев. Ему был присвоен гражданский XIV класс, и Андрей понимал: само-

го его ждёт тот же исход в лучшем случае с XII классом.

– Нет, лучше в петлю! – схватился за голову Андрей. – Я не переживу такого позора. А отец? Что будет с ним, когда он узнает? Я не могу, не могу так его огорчить. Я не могу так опозорить нашу фамилию. Я не достоин, не достоин своих великих предков. Боже, что угодно – рядовым на самую отдалённую заставу, но только не это!

– Сенявин Андрей Петрович! – услышав своё имя, он закрыл глаза, а сердце заколотилось часто-часто. – Присвоен 3-й разряд и чин младшего унтер-офицера с правом производства в подпоручики не ранее, чем через пять месяцев воинской службы.

– Младший унтер-офицер князь Андрей Петрович Сенявин переводится в Волынский лейб-гвардии пехотный полк. Место дислокации – город Варшава.

Услышав эти слова, Андрей не поверил своим ушам. Не придумал ли он себе это, не послышалось ли ему. И Андрей с облегчением подумал про себя: «Господи, благодарю!»

– Я подвёл вас, Михаэль Федорович, – с грустью сказал он после выпуска. – Вы так много сделали для меня.

– Андрей, я люблю тебя как сына! – ответил Михаэль. – Но я прошу тебя ответить мне только на один вопрос: случись то же самое сейчас, как бы ты повёл себя?

– Так же! – не думая, уверенно сказал Андрей.

– Нет, Андрей, не подвёл! – одобрительно похлопал Михаэль Андрея по плечу. – Не подведёшь и в будущем! Я уве-

рен в тебе, потому и помог. Ты станешь достойнейшим русским офицером! И твой путь – путь чести!

– Но как сказать обо всём случившемся отцу? Поймёт ли он меня?

– О, мой мальчик, будь спокоен, этот поступок он оценит.

И Михаэль оказался прав, ибо не было для русского дворянина, для русского офицера ничего более священного, чем долг перед царем и отечеством, честь и достоинство.

– Но как вы узнали об этой несостоявшейся дуэли? – спросил Андрей наконец.

И Андрей узнал, что это Ксюша спасла его. На одном из аристократических балов и до неё дошли слухи о скандале в элитном Павловском училище. И услышав имя брата как об одном из дуэлянтов, Ксюше сделалось дурно.

– Господи, как же это? Ах, что же теперь с ним станет? – сжала виски она.

И как на грех Алексей Валерьевич был в это время со своим эскадром за городом на учениях. Но Ксюша сумела не поддаваться панике и, взяв себя в руки, бросилась за помощью к Михаэлю.

И вот теперь, когда всё относительно благополучно разрешилось, они шли, не торопясь, по Летнему саду и почти не разговаривали. Над ними воцарилась такая тишина, что было слышно, как очаровательно шуршит нижняя юбка Ксюшиного платья. И каким символичным казалось их шествие сейчас, после этой едва не состоявшейся дуэли, способной

погубить Андрея. Ведь они и по жизни всегда шли вместе, белокурые, сероглазые, благородные. Между Андреем и Ксюшей была настолько сильная родственная связь, словно они связаны одной невидимой пуповиной. И, безусловно, они, не задумываясь, пожертвовали бы своими жизнями ради друг друга.

А из-за горевшего торфа по болотам вокруг Санкт-Петербурга в воздухе пахло гарью и непонятной тревогой. И какой-то старик с тоской в голосе сказал:

– Не к добру это!

Глава 47

– Не к добру это!

Так же говорили старики и в Богоявленском.

– С самой Пасхи дождик землю не кропил. Худо будет!

– А ты что же, отец, как баба, в приметы веришь? – спросил старика незнакомец.

Незнакомцем этим был Игнатов Игорь.

– Хм, приметы, они не выбирают ни баб, ни мужиков. Приметы, они для всех одинаковые, – ответил старик и, немного помолчав, спросил: – А ты чей же будешь? Не признаю я тебя что-то.

– И правильно, что не признаёшь, – ответил Игорь. – Не здешний я. Гость. Или, может, тут гостям не рады?

– Каким гостям, – потёр старик кривым пальцем висок. – Гости, они тоже разные бывают. Могётъ, лихой ты человек. Почём мне знать?

– Не бойся, отец, не из лихих я. Простой, – поперхнувшись, ответил Игнатов.

И в мыслях умчался Игорь в минувшие накануне дни, когда его, после долгих допросов измученного, но так и не выдавшего своих товарищей, приговорили к четырем годам сибирской ссылки. Но каково же было удивление Игоря, когда на первой же маленькой станции железнодорожного этапа его вывела из вагона конвойная стража и передала мест-

ному полицейскому. Тот довёл его к телеге, а в ней уже ожидал Егор.

В тот день дружба между Игорем и Егором окрепла окончательно. Игорь до конца жизни будет помнить и ценить этот смелый поступок Егора, не побоявшегося рискнуть ни своей жизнью, ни своей судьбой ради его свободы. Игорь не проронил ни слова. Вся благодарность к Егору отразилась в его бездонных, зелёных глазах. Но Егор понял каждое слово, которое наполняло в ту минуту душу и мысли Игоря. Отныне они станут неразлучны, невзирая на то, что каждому из них ещё многое предстоит пережить в будущем. Но как бы их ни разводила судьба, вот эту связь, установившуюся между ними в тот день, разорвать будет уже невозможно.

– Лекарь, говорят, у вас тут живёт уж больно хороший. Так я к нему, – сказал Игорь старику, отерев пот со лба, словно стирая нахлынувшие воспоминания. – Или брешут люди?

– Чего же брешут? Фарух у нас лекарь и впрямь дюже хороший. Добро!

– Ну, тогда бывай отец! А то меня товарищ вон дожидается.

И молодежавой поступью Игорь направился к Егору. Вместе они отправились к Фаруху.

Дверь им открыла татароватой, как говорили в селе, наружности девушка. Смуглая, круглолицая, с приветливой улыбкой Полина, дочь Фаруха, обрадовалась, увидев на пороге Егора:

– Батюшки мои, Егор!

– Здравствуй, Полина! – ответил он. – А я вот товарища привёл. Работать к нам приехал, а остановиться, понимаешь, нигде.

– Подожди, Егор, я только батю поклочу, – ответила Полина и ушла обратно в дом.

Оставшись на крыльце, Игорь оглянулся вокруг и спросил Егора:

– Знаешь, кто это?

– Полинка-то? Дочка Фаруха...

– Нет, – перебил его Игорь, устремив взгляд на дорогу.

– Кто это там мчится сломя голову?

По просёлочной дороге на большой скорости, поднимая за собой клубы пыли, ехал открытый экипаж. Промчавшись мимо дома Фаруха, он повернул в открытые ворота кирпичной ограды, отделяющей княжескую усадьбу от остального села, и остановился рядом с княжеским домом. Из экипажа вышел красивый высокий мужчина лет сорока, а с ним очаровательная женщина и юная девушка. Присмотревшись к мужчине, Егор удивленно воскликнул:

– Михаэль Федорович?! Откуда это он?!

И сердце Егора вдруг сжалось от невесть откуда взявшейся тревоги.

Опираясь на трость и задыхаясь от радости, из дома вышел Петр Иванович, а за ним следом и Ольга Андреевна. Но их такие долгожданные гости были не веселы, одеты по-до-

рожному и даже как-то невпопад: Марта в легком саке, плохо сочетающимся по цвету со шляпкой, юная Натали в элегантном, но сдержанном костюме из юбки с жакетом и блузки, с широкополой шляпой, привязанной к голове так же неудачно подобранным по цвету легким шарфом. Всё в их внешнем виде говорило о том, что собиралось в дорогу семейство Нейгон второпях.

Поприветствовав гостей, Петр Иванович сразу насторожился, обратив внимание на их печальные лица.

Глядя другу в глаза, с неподдельной грустью в голосе Михаэль произнёс:

– Война, Петя! Война!

– Господи! – всплеснула руками Ольга Андреевна.

И над Богоявленским набатом раздался колокольный звон.

Толкование некоторых слов, употреблявшихся донскими жителями в начале XX века:

Ажник – аж, даже

Баз – крестьянский двор

Вечерять – ужинать

Взгальный – взбалмошный человек

Гутарить – говорить

Дюже – сильно, очень

Жалеть – любить

Зараз – сейчас

Займище – заливной луг

Кричать – плакать

Кубыть – как будто

Левада – рощица при усадьбе

Надысь – недавно, наперед

Угадать – узнать